

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КОНФЕРЕНЦИЯ

НОСТРАТИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ И
НОСТРАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Тезисы докладов

Москва 1977

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканистики

КОНФЕРЕНЦИЯ

НОСТРАТИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ И
НОСТРАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Тезисы докладов

Москва 1977

Редакционная коллегия:

Вяч. Вс. Иванов (председатель Оргкомитета)
Р. В. Булатова, В. А. Дыбо, Е. А. Хелимский

© Институт славяноведения
и балканистики АН СССР, 1977

Проведение конференции приурочено к выходу II тома книги В.М. Иллич-Свитыча "Опыт сравнения ностратических языков". Отклики на I том книги В.М. Иллич-Свитыча, опубликованные за четыре года, прошедшие после первой подобной конференции (декабрь 1972 г.), как и оживление работы по сближению отдельных пар ностратических дочерних семей, свидетельствуют о растущем интересе лингвистов всего мира к основанной им новой отрасли сравнительно-исторического языкознания.

Предлагаемый сборник включает работы языковедов, работающих в этом перспективном направлении и в других отраслях компаративистики – лингвистов Москвы, Ленинграда и других городов, в том числе участников "Семинара имени В.М. Иллич-Свитыча" при Институте славяноведения и балканистики АН СССР, действующего с 1972 г. (работе этого семинара посвящена отдельная статья).

Оргкомитет конференции надеется, что широкий обмен мнениями по проблемам ностратического языкознания, сопоставление и оценка различных (порой весьма несхожих) точек зрения будут способствовать дальнейшему развитию исследований в этой области.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО АБЛАУТА

Основная идея, заложенная в представляемое здесь описание происхождения ИЕ аблautа, состоит в том, что генезис этого своеобразного явления был не самостоятельным процессом, а побочным продуктом более глубоких преобразований языкового строя, приведших от раннеиндоевропейского (РИЕ) корнесложения в рамках изолирующего типа языка к позднеиндоевропейскому (ПИЕ) словообразованию и словоизменению в рамках флексивной языковой системы.

Можно выделить четыре этапа становления ИЕ аблautа: 1) период корнесложения и существования трех состояний РИЕ двухкорневого слова; 2) период вокализации континуантов и появления оппозиции с участием нуля; 3) период гетеросуффиксации и возникновения качественного аблautа; 4) период падения гуттуральных спирантов и развития ПИЕ количественного аблautа.

В течение первого периода РИЕ корень представлял собой пару согласных, за каждый из которых следовала силлабема нефиксированного тембра и переменной длительности. Набор РИЕ согласных состоял из 15 эксплозивных, 6 сонантов и 4 спирантов (свистящего и трех гуттуральных). Репертуар РИЕ двухсогласных корней включал в себя 203 единицы, фонемный состав которых был таким, что распределение корневых начал (108 эксплозивных, 43 сонантических, 52 спирантных) заметно отличалось от распределения корневых завершений (30 эксплозивных, 99 сонантических, 74 спирантных).

Таким образом, в начале РИЕ существовали примерно те же пропорции, что и в парадигматическом списке фонем, тогда как завершение РИЕ корня характеризовалось положительной избирательностью континуантов к этой позиции и отрицательной избирательностью к ней у эксплозивных согласных. Заданное этим различием структурно-вероятностное неравновесие позиций внутри двухсогласного РИЕ корня оказалось одним из факторов, повлиявших на специфику становления ИЕ аблautа.

При сложении двух корней, С1–С2-и С3–С4-, имелись три возможных места ударения: I) С1–А–С2С3С4–, II) С1С2–А–С3С4–, III) С1С2С3–А–С4–, где символ –А– обозначает акцентированную силлабему; соответственно, возникали три возможных состояния двухкорневого сложного слова, из которых I и III появлялись благодаря смысловому акцентированию первого или второго корня.

Описанная выше структурно-вероятностная закономерность означала, что доминирующими были следующие репрезентации трех состояний: I) Т1–А–Р2Т3Р4–, II) Т1Р2–А–Т3Р4–, III) Т1Р2Т3–А–Р4–, где символом Т обозначен эксплозив, а символом Р – континуант. Иначе говоря, типичной была ситуация, когда один из континуантов оказывался или в безударном исходе сложного слова (I и II состояние), или в его безударном начале (III состояние); в обоих случаях появлялись условия, побуждающие тенденцию к вокализации континуанта.

Когда один и тот же РИЕ корень участвовал в нескольких различных сложных словах, могли создаваться парадигматические корреляции между образованиями с одинаковым первым корнем доминантного типа, т.е. корреляции вида I) Т1–А–W2С3‘С4–; III) Т1W2С3“–А–С4“, либо между образованиями с одинаковым вторым корнем доминантного типа, т.е. корреляции вида I) С1‘–А–С2‘Т3У4–; III) С1“С2“Т3–А–W4–. В таких парадигматических корреляциях между различными

двуихорневыми образованиями, содержащими общий корневой компонент, но имевшими различные смысловые центры и, соответственно, разное место ударения, возникал дуализм представления общего для них корневого компонента. Можно думать, что именно с этого дуализма и начиналось становление простейшей из аблautных оппозиций, а именно чередования "-А-: нуль".

Следующая фаза генезиса аблautной системы, фаза появления тембровых чередований, могла начаться не раньше, чем в ИЕ праязыке возникла суффиксация. Возникновение последней было результатом образования парадигматических рядов, объединенных некоторой общностью лексического значения и содержащих сложные слова, вторые корни которых имели одинаковый фонетический исход, т.е. кончались на одно и то же С4. Завершающий четвертый согласный подобной группы сложных слов осмыслился как инвариант всего ряда в плане выражения, с закреплением за ним той семантики, которая доминировала в данном ряду. После этого четырехглагольное целое из данного ряда стало восприниматься уже не как двухкорневое сложное слово, а как сочетание трехсогласной основы с обособленным четвертым согласным, представляющим собой инвариантный показатель принадлежности к ряду и обладания присущей ему семантикой.

Дальнейшее развитие таких процессов переразложения привело к возможности автономного употребления трехсогласных основ, к аналогическому вычленению из последних их третьего компонента, — в конечном счете, к выделению детерминативов в особую подсистему и к последующему развитию гетеросуффиксации при одном и том же корне.

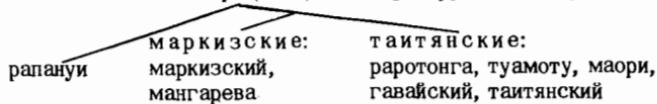
В плане эволюции аблautных отношений особую роль играла гетеросуффиксация, связанная с участием детерминативов X^u и W, с одной стороны, X^u и Y—с другой. Оппозиция между основой, содержащей детерминатив из первой пары, и основой, обладавшей детерминативом из второй (при одинаковой базе, разумеется), оказывалась сопряженной с двумя разными видами тембровой окрашенности у стоящей перед детерминативом силлабемы: с окрашенностью на 0 в первом случае и с окрашенностью на Е во втором. Вовлечение других детерминативов в сопряженные смысловые противопоставления имело следствием обобщение тембровой оппозиции в качестве признака, фиксирующего различие между соответствующими означаемыми, а за ним следовал перенос закрепленной тембровой окраски по аналогии, т.е. туда, где для нее не было изначальной позиционной обусловленности. Думается, что именно с этого начиналось становление качественного аблautа 0:Е и превращение пары "акцентированная силлабема: нуль" в триаду "0:Е:нуль".

Заключительная фаза становления системы ИЕ аблautа, а именно появление долгих гласных, чередующихся с краткими, представляла собой непосредственный результат частичного падения гуттуральных спирантов: во-первых, в процессе их стяжения с акцентированным гласным в один долгий звук; во-вторых, в процессе их взаимодействия со смежным сонантом, которое, в зависимости от просодических условий, приводило либо к порождению долгого сонанта, либо к возникновению дифтонга.

С момента, когда долгие гласные оказались участвующими в определенных словообразовательных или морфологических оппозициях, стала возможной экспансия их употребления, после чего они начали появляться и в тех ситуациях, где исторически не было никакого гуттурального спиранта. Эта экспансия завершилась уже в самом конце ПИЕ эпохи, на что указывают существенные расхождения в использовании долгих ступеней аблautа между отдельными древними ИЕ языками.

К ВОПРОСУ О СУБКЛАССИФИКАЦИИ ВОСТОЧНОПОЛИНЕЗИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

До настоящего времени было предложено две классификации восточнополинезийских языков. С. Элберт (1953) классифицирует их следующим образом:

Р. Грин (1966) пересмотрел некоторые детали этой классификации, перенеся, в частности, гавайский язык из таитянской подгруппы в маркизскую. Туда же он предположительно отнес и нерассмотренные Элбертом крайне плохо описанные языки рапа и маории. Оба автора использовали лишь данные фонетики и лексики. Ранее мы показали несостоятельность аргументации Грина в пользу включения гавайского языка в одну подгруппу с маркизскими¹: фонетические переходы, общие маркизским и гавайскому, произошли в гавайском языке самостоятельно. Другим доводом против Грина является следующее обстоятельство. Маркизский и мангарева разделяют общую тенденцию перехода *a > e перед слогом с i или i; в гавайском и других восточнополинезийских подобной ассимиляции не происходит, например: марк., манг. *etwa*, маори *a'wa*, гав. *akua* — 'божество'; марк. *tei?ia*, манг. *meika*, гав. *te'i?ia* — 'банан'.

Ниже мы рассматриваем данные одной грамматической подсистемы восточно полинезийских языков — видо-временных частич, привлекая материал лишь более полно описанных языков, классифицируемых Элбертом.

1. К прополинезийскому состоянию восходят частицы *kaa (инцептив), *kuia (перфект), *kia (сослагательность), *e (непрош. время).

2. Восточнополинезийской инновацией является показатель *i (прошедшее время).

3. После отделения рапануи возник показатель длительного вида *e... a na.

4. Пратаитянскими инновациями являются показатели *mei ~ mai (приблизительность), *te ... nei / ra (длительность) и *e (императив). (Рефлексы имеются в двух или более языках из маори, раротонга, таити, туамоту.)

5. Единственной общей чертой маркизско-о и мангарева является появление чередования *kuia~ku (перфект).

Гавайский язык не разделяет единственную прамаркизскую инновацию и из трех пратаитянских имеет две: ke ... nei / la < *te ... nei / ra, e (импер.) < *e.

В сочетании с данными фонетики это может служить достаточно убедительным доказательством большей состоятельности классификации Элberta.

¹ В.И. Беликов. Датировка фонетических изменений в гавайском языке. ИВ АН СССР. Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников. М., 1975.

ВОПРОСЫ ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕЕНИСЕЙСКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ НОСТРАТИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ

1. Успехи, достигнутые ностратическим языкоznанием, позволяют в ином свете ставить и решать многие вопросы исторического развития не только собственно ностр., но и других языков, например, енисейских, которые обнаруживают исторические контакты с ностр. языками, уходящие в глубокую древность. При этом интерес представляют не только енисейско-ностратические лексические отношения, но и далеко идущие сходные параллели в области грамматики. Эти сходства и общности между енисейскими и отдельными группами ностр. языков побуждали порой исследователей к поспешным выводам относительно генетических связей енис. языков, которые оказывались, однако, в конечном счете без учета ностр. перспективы зыбкими.

2. Ностр. исследования позволяют прежде всего в строго хронологическом порядке ретроспективно снимать различные наслонения субстратного и/или суперстратного характера в енис. языках как результат их длительных исторических контактов с различными ностр. языками.

. Наиболее поздними иноязычными элементами в енис. языках, несомненно, являются рус. (лексические заимствования и некоторые инновации в grammatischem роде и синтаксисе). Самое важное место занимают, однако, урал. и алт. элементы, проникновение которых в енис. языки началось в глубокой древности и продолжается до сих пор, если учитывать современные кетско-селькупские и кетско-эвенкийские контакты (совместная хозяйственная деятельность, проживание вперемешку, смешанные браки и т. д.). Они более или менее полно выявлены Карлом Боуда, но его результаты требуют уточнения в свете ностр. реконструкций.

Небезынтересны и енисейско-древнеиндийские параллели в области лексики и грамматики, возникшие, возможно, при непосредственном контакте тех и других языков, если иметь в виду, с одной стороны, тохарскую ситуацию, а с другой — наличие топонимики и.-е. происхождения на юге Западной Сибири (Дульзон).

Пока еще не все наблюдающиеся енис.-ностр. лексические параллели можно с достоверностью возводить к определенной группе древних ностр. языков. Не исключено, что некоторые из них восходят к общеностр. эпохе. На возможность истолкования некоторых енис. слов как ностр. заимствований впервые указал Вяч. Вс. Иванов, сравнивший название дыма в енис. и ностр. языках. В этом плане можно бы также рассматривать некоторые грамматические показатели местоименного происхождения, напр., исходные указательные слова с огласовкой *i* "этот" (ближний), *u* "этот" (подальше), *a* "тот" (дальний), точно совпадающие в енис. (кет. *ki* "этот", *tu* "этот", *ka* "тот") и ностр. языках [ср., по А.Б. Додгопольскому, ностр. **a*, **i*, **u* — чисто указательные местоимения, указывающие на степень близости к говорящему; ср. также, по М.С. Андронову, огласовку дравид. указательных местоимений — *a* "тот", *u* "этот", *i* "этот" и, кроме того, по И.М. Дьяконову, эзламские исходные местоименные основы (*h)e* / *i*-, **(h)u(h)-*, *a-*] и материальную близость некоторых элементов в структуреличных местоимений (ср. данные Г.Т. Поленовой в настоящем издании). Не исключено, что и некоторые из следующих енис.-ностр. лексических параллелей

восходят к общеостр. эпохе: (1) енис. **p^hal* 'горячий' – ностр. М¹. **pal^hλ* - 'гореть'; ср. также: енис. **ap* < **ag^hr* 'жар' – ностр. М. **pā/λ* 'горячий'; ср. также ностр. М. **p^hıwλ* 'огонь'; (2) енис. **aspal* 'облако' (< **es*'бог, небо' + **bil*) – ностр. М. **bil(w)λ* 'облако'; (3) енис. **p^hλr* 'сын' – ностр. М. **rojl* 'ребенок'; (4) енис. **p^haq* 'самка, сука' – ностр. М. **repł* 'собака'; (5) енис. **p^hage* 'резать' – и.-е. **reH^hu* - 'резать, бить', алт. **ri*:- 'пилить', картв. **ri*- 'рубить, сечь'; (6) енис. **p^hλgl* 'плести' – ностр. М. **pu/nj/λ* 'плести'¹; (7) енис. **p^hale* 'жирный (упитанный, полный)' – ностр. М. **paλλ* 'много'¹; (8) енис. **p^hλ?/p^hλg* 'дуть' – ностр. М. **duλ* 'дуть'¹; (9) енис. **p^hλp^h* 'опухоль' – ностр. М. **boŋkλ* 'вздуться'¹; (10) енис. **bul* 'нога, ступня' – ностр. М. **p/ a / l^(q)λ* 'ступня'²; (11) енис. **yp^hλl* 'осина' – ностр. М. **puλλ* 'тополь'; (12) енис. **baŋ* 'земля'. (< **ban* 'место' + показатель локатива -ga) – ностр. М. **täplλ* 'стоять (оставаться на месте)'; (14) енис. **k^hl-al* 'горло' – алт. **kel^hλ* 'говорить', урал. **kele* 'язык', драв. */*k/ e / l* 'говорить'; (15) енис. **gi/ kit* 'мазать' – драв. **kaŋ* 'привязывать, прикреплять, строить', и.-е. **keb* 'примитивное строение, каморка', картв. **ked-* 'строить', с.-х. **kd-* 'строить, формовать горшки'; (16) енис. **gon/gon* 'темный' – ностр. М. **g^hmtλ* 'темный'²; (17) енис. **yRyl^h > y^hl'* 'рука' – ностр. М. **qeλλ* 'рука'²; (18) енис. **ki^hl^h* 'рассказ' – ностр. М. **ki/ H/ λ* 'петь'; (19) енис. **qo^hρ* 'подошва, ладонь' – ностр. М. */*k/ q^hrl* 'копыто'; (20) енис. **qor^ha* 'вершина' – ностр. М. **k^h/ u / rl* 'куча'; (21) енис. **ko^h?u/got^h?* 'подеж' – ностр. М. **gedλ* 'задний'¹; (22) енис. **q^hoRλ* 'убивать, умирать' – ностр. М. **go(H)l* 'убивать'; (23) енис. **dλ^h?j/ u^h?j* 'шевелить, шевелиться' – и.-е. **deg-* / *tag-*, алт. **ta^hg(λ)-* 'трогать, касаться', драв. **takλ- / tak^h-* 'трогать, касаться'; (24) енис. **dλ/ l* ? 'идти' (ср. югск. *bo-a-de* 'иду') – алт. **oda-* 'двигаться', драв. **a^htu/a^hta-* 'двигать(ся)', картв. **qad/qed-* 'двигаться', с.-х. **hd-* 'двигаться'; (25) енис. слово для "ребенок" (югск. *dyl*, имб. *dy^hl*, кот. *d^hal*) – алт. **t^hail/t^he:l* 'молодое животное-подсосок', драв. **tal-* 'молодые животные, (пускать) молодые побеги', и.-е. **tehl-* 'молодое животное, растение', с.-х. **μ-* 'рождать, молодое животное (ср. галла *dal* "рождать", муби *da:l* 'класть яйца'); (26) енис. **čλ? s / tl? s* 'камень' – алт. **t^hail'a* 'камень' (тур. *taš*, *daš*, туркм. *da's* 'камень'), картв. **tal-* 'кремень'; (27) енис. **p^hum* 'черный' – ностр. М. **imtλ* 'темный'¹; (28) енис. **čλ^hq* 'глина' – ностр. ? : и.-е. **dheghom/ghdhō:m/ dhgho:m* 'земля', картв. **diqa/ iqa* 'почва, глина', с.-х. **ɛ? / t / h* / 'земля, глина'; (29) енис. **la^hq* 'грязь' – ностр. М. **čiwhλ* 'грязь'; (30) енис. **la^hp-* (ср. югск. *lappuŋ* 'кусать', имб. *l^hon* 'губа') – ностр. М. **člra* 'губа'²; **labλ* 'хватать'⁴; **u/ a / rl* 'лизать'¹; (31) имб. *bo^hl^h* 'толстый (упитанный)' – ностр. М. **wolλ* 'большой'¹; (32) енис. **ca^hl/t^ha^hl* 'острие' – ностр. М. **cal^hλ* 'расщеплять'¹; (33) енис. **u:* 'сила' – ностр. М. **woj/H/λ* 'сила'; (34) енис. **si* 'рождаться' – ностр. М.. **s̥/ e / wl* 'рождать'⁴; (35) енис. **s̥i:n* 'дряхлый, старый' – и.-е. **s en-* 'год, старый', с.-х. **čn* 'год' (ср. енис. **sega* 'год'); (36) енис. **bl^hs'penis* ' – ностр. **pa/ s/ λ* 'penis': и.-е. **pes-*, урал. **p/ a / se/ posē* (саам. *buosččä*); (37) енис. **bi:l^h* 'далекий' – ностр. М. **pilλ* 'широкий'; (38) енис. **(k)oλ* 'червь' – ностр. **kuλλ* 'червь': алт. **kuly-* 'червь, змея', урал. **koλλ* 'солитер', картв. **gwel-* 'змея', с.-х. **k^huλ* 'змея'; (39) енис. **ta^hλa^hg* 'тащить волоком' – ностр. М. **tanλ/ tanga* 'тянуть'^{1,2}; (40) енис. **p^hλ-s^heij* 'шить' – ностр. М. **si/H/λ* 'связывать'; (41) енис. **ki? s* 'нога' – ностр. М. **k/ a / čλ* 'рука' (42) енис. **p^his* 'хвост(птиц)' – ностр. М. **ričλ* 'пук'; (43) енис. **d^hngλl* 'обман' –

¹ В.М. Илич - Свитыч. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семито-хамитский). "Этимология. 1965." М., 1967.

ностр. М. **durl* 'обманывать'¹; (44) енис. **e?* / *eg* 'день' – ностр. М. */ *H* / *o* / *k/a* 'видеть'; (45) енис. **p^hu?*s 'плесень' – алт. **p^fis-* / *bis* 'вариться, преть, прокисать', урал. **pišā-* 'жарить', с.-х. **p^hs-* / *bs* 'вариться, созревать'.

3. В свете приведенных словарных сравнений небезынтересно отметить, что общеенис. консонантная система предстает как более опрошенная в сравнении с ностр.; она сближается, видимо, более всего с праалт. (ср. В.Н. Топоров, 1968, стр. 285).

лабиальные	дентальные	велярные	поствелярные	
* <i>p^h</i>	* <i>t^h</i>	* <i>k^h</i>	* <i>q^h</i>	* <i>?/H</i>
* <i>b/p</i>	* <i>d/t</i>	* <i>g/k</i>	* <i>g/q</i>	
* <i>-m</i>	* <i>-n</i>	* <i>-ŋ</i>		
	* <i>-l/r</i>			
	* <i>c/č/t'</i> (?)			
	* <i>s</i>			
	* <i>t'/t</i> (?)			
	* <i>d'/d</i> (?)			

Среди смычных можно реконструировать четыре ряда – лабиальный, дентальный, велярный и поствелярный – с противопоставлением "напряженный – ненапряженный" в каждом из них (наличие различий по глухости-звонкости внутри каждого ряда также не исключается). В дентальном ряду, кроме того, реконструируется два звука, противопоставленных друг другу по глухости-звонкости, а другим дентальным – по неизвестному признаку, вызвавшему у них позднее палатализацию и спирантацию (возможно, они образовывали постдентальный ряд, совпавший исторически с дентальным). В дентальном ряду реконструируется также спирант **s* и, видимо, аффриката **c/č/t'*. В инициальной позиции отсутствовали **n*, *t*, *m* (последний заменялся в заимствованиях звуком **b/p*), а также **l/r* (кроме заимствований). Не исключается наличие ларингала и фарингала, факультативно чередовавшихся с велярными и поствелярными шумными согласными (ср. Вяч. Вс. Иванов, 1971).

4. Как и для праностр., для общеенис. можно предполагать слабую дифференциацию частей речи. Четко различались лишь служебные и полнозначные слова. Чертами былого синкетизма имени и глагола устанавливаются по многим архаметическим явлениям в исторически засвидетельствованных енис. языках. Исходные слова-синкеты лишь постепенно начинают внешне различаться по технике образования своих форм (различия в комбинировании служебных и полнозначных слов).

5. Общие черты эволюции енис. склонения типологически сходны с соответствующим явлением в праностр. Как и в праностр. (Палмайтис), в общеенис. существовало два ряда личных местоимений, обозначавших соответственно субъект состояния и субъект действия. Позднее местоимения активного ряда (обозначавшие субъект действия) переосмысливаются в формы родительного (< активного/эргативного) падежа этих местоимений (формы местоимений 3-го лица становятся также показателями родит. падежа имени). Дальнейшее развитие енис. склонения связано с формализацией послелогов, с их превращением в некоторых случаях в падежные показатели. При этом наблюдается полная аналогия с праностр.

состоянием, где часть послелогов присоединяется к имени непосредственно, а другие с помощью посредника — показателя родит. падежа (Долгопольский).

6. Для общеенис. глагольной системы были характерны два типа глагольного формообразования — суффиксальный и префиксальный (ср. сходное состояние вprotoафразийской глагольной системе, по И.М. Дьяконову). Суффиксальные формы восходят к словосочетаниям из полнозначного слова + личное местоимение, обозначавшее субъект состояния. В современных языках эти формы сохранились как предикативные формы качественного имени. Однако М.А. Кастреном были зафиксированы подобные формы и у предметного имени (с теми же показателями). Нами были, кроме того, отмечены у кетов-югов некоторые глагольные формы подобного оформления (*sii:rku* 'ты ешь' вместо *k-sii:r*). Исторически у этих глагольных слов произошло перемещение суффиксальных показателей (показатели группы Д) в разряд префиксальных. Об этом свидетельствует, кроме всего прочего, и тот факт, что они в препозиции наслаждаются на показатели группы Б, дублируя выражение субъекта.

Исконные префиксальные формы восходят к словосочетаниям из личного местоимения (обозначавшего субъекта действия) + полнозначное слово. Данный ряд личных местоимений в препозиции переосмысливается, как уже отмечалось, в формы активного/эрративного (> родительного) падежа соответствующих местоимений, а з.тем — в глагольные субъектные показатели группы Б. С перемещением в препозицию показателей Д показатели Б переосмыливаются сначала в показатели косвенного, а позднее — показатели прямого объекта. При уточнении субъекта действия (обладания) в 3-м лице возникали образования типа "отец-его-сын", "человек-его-ходьба" и п. (ср. гипотезу Е.А. Крейнович о выражении принадлежности действия лицу в кетском). Следовательно, показатели родит. падежа, посессивные префиксы и глагольные показатели Б исторически тождественны. В сфере имени они при выражении обладания суффигировались к имени, а при выражении принадлежности префигировались к нему.

7. Для общеенис. было характерно классное построение, которое реконструируется и для праностр. В этом отношении особенно интересны далеко идущие параллели между енисейскими классами и grammatischen родом в ностр. языках, который можно рассматривать в них как реликт бывшего классного построения.

8. Соотношение реликтовых признаков активности и эргативности в енис. языках при доминирующем положении черт номинативности указывает на то, что в общеенис. эпоху язык мог характеризоваться активным строем. При перестройке этого строя сталкиваются две тенденции в развитии: развитие черт эргативности и номинативности, из которых исторически возобладали последние, как нам представляется, под воздействием ностр. языкового окружения.

СПОРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УРАЛИСТИКИ, ВАЖНЫЕ ДЛЯ НОСТРАТИКИ

Традиционные реконструкции прауральского (ПУ) основываются на реконструкциях прабалтийско-финского (ППБФ) и на саамском. Самой существенной чертой ПУ и ПФУ, перенесенной из ППБФ и саамского, является структура основы: считается, что в ППБФ, ПФУ и ПУ существовали лишь основы типов (С) V (главным образом местоименные корни), (С) VC[C(C)]V и (С) VC[C(C)]VC(C)V (главным образом производные основы), причем в ПФУ и ПУ в непервом слоге V = {a/ä, e}. Во всех уральских языках, кроме прибалтийско-финских (ПБФ) и саамского, *e-корням соответствуют корни, оканчивающиеся на согласную. Хотя в ходе реконструирования раностратического (ПН) введены ряд корректур в реконструкции ПУ гласных непервого слога, реконструкция ПН корней основывается на ППБФ и саамском, так как считается, что ПН корень оканчивался на гласный. ПУ *-e во многих случаях считается достаточной (часто и единственной) основой для реконструирования ПН *-i.

Реконструкция ППБФ *e-корней однако не однозначна. Можно вполне обоснованно аргументировать за эпентетичность всех конечных ПБФ e в тех корнях, где ему соответствует саамский ä, тем более, что в определенных условиях имеет место чередование e : Ø. Нерегулярности чередования и случаи нечередования конечного e, а также безисключительный ä в саамском объясняется обобщением гласных основ. Итак, ничто не мешает реконструировать для до-ПБФ, ПФУ и ПУ вместо дву- и трехсложных *e-корней одно- и двусложные корни, оканчивающиеся на согласный. То же верно и для ПН.

Интересно отметить, что в рамках гипотезы о существовании в ПФУ (и ПУ) согласных основ следует допустить, что именные согласные корни в ПФУ в большинстве случаях оканчивались на *j, причем в ППБФ *j > *i в конце слова и *j > Ø в остальных случаях, а в коми-зырянском *j сохраняется или ассимилируется с предшествующим согласным в позиции перед гласным и исчез в остальных позициях.

О РЕКОНСТРУКЦИИ ПОРЯДКА КОМПОНЕНТОВ
В ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЯХ

1. Не вызывает сомнения важность синтаксического анализа при сравнении языков, в том числе и для аргументации за или против ностратической гипотезы. Если исходить из грингерберговской теории порядка слов, то гипотезу Лемана о праиндоевропейском типе III/(S)OV/ можно было бы рассматривать как довод в пользу ностратического единства ./ст. тюрк. OV и т.п./; если же принять гипотезу Миллера о праиндоевропейском типе I(VSO), то это было бы аргументом против ностратического единства. Наиболее существенно, однако, то, что сама теория Грингерберга не может считаться универсальной. Это можно показать, например, на материале сопоставления таджикских и английских атрибутивных конструкций.

2. Если английский в первом приближении является моделью грингерберговского типа II (SVO~NA~GN), то таджикский порядок слов представляет существенные затруднения для истолкования. Исходя из закономерной для таджикского конечной позиции глагола и, следовательно, порядка /(S)OV/, мы ожидали бы противоположных моделей в сопоставляемых языках. Реальное соотношение порядков является из следующих примеров:

2.1. Ожидаемые корреспонденции
тадж. N¹-а N²-аш ~англ. N¹-s N²
/дұхтарда чашмонаш~the girl's eyes/
тадж. Adj.^{emph}N ~англ. N Adj.^{emph}

/бадвоҳима тӯғон~a hurricane terrific/

2.2. Существуют корреспонденции, в которых таджикский соответствует ожидаемому из схемы Грингерберга – Лемана порядку, английский же не соответствует:
тадж. Pron.^{Dem}N ~англ. Pron.^{Dem}N /ҳамин деха~this village/.
2.3. Известны корреспонденции, противоречащие ожидаемым и не имеющие соотношительных корреспонденций, соответствующих типологической схеме:
тадж. N¹-и Adj.¹-аш ~англ. Poss. Adj. N
/чашмонаи кабудаш ~ her blue eyes/.

Наличие значительного числа противоречий постулированной схеме ставит под серьезное сомнение ее соответствие действительности. Считать, как предлагает Маколей, что порядку поверхностного строя соответствует другой порядок глубинного строя, нет достаточных оснований, потому что сами "глубинные структуры" гипотетичны.

3. Вместе с тем рассмотренные отношения заставляют поставить вопрос о неуниверсальности обычно принимаемых членов предложения, о том, что таджикский зависимый компонент изафетной конструкции не может быть приравнен к определению, а представляет специфический член предложения, лишь могущий быть сопоставленным с определением. Своеобразие системы членов предложения подтверждается и другим узлом грамматического строя – особым прилагательным "предикативным" именем, традиционно рассматриваемым в составе "сложено-именных" глаголов, являющихся, в сущности, следствием проекции классической грамматической схемы на факты таджикского языка.

Противоречащие корреспонденции
тадж. N²-и N¹~англ. N² of N¹
/чашмонаи дұхтар~the eyes of the girl/
тадж. N-и Adj.~англ. Adj. N

/тӯғони бадвоҳима~a terrific hurricane/

Особый прилагольный именной компонент может рассматриваться как индоевропейский архаизм, продолжающий ту расширяющую функцию и.-е. инструменталиса, которую реконструируют Ю.П. Костюченко и Одри. Сама идея неуниверсальности традиционных "членов предложения" подтверждается и разысканиями Соважо в области "объектных" отношений. Стой предложения в "Average European" с точки зрения приведенных соображений следовало бы рассматривать как инновацию.

Л. А. Гиндин

ДАННЫЕ ФРАК. ЯЗЫКА И И.-Е. АРЕАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

1. В II томе "Le vocabulaire des institutions indo-européennes" (9–15) Бенвенист вновь указал на четко выраженную окраинную дистрибуцию рефлексов и.-е. **reg*'- 'царь resp. жрец' в лингвистическом и.-е. ареале, ср. на крайней западной периферии: лат. *rex* 'царь', др.-ирл. *ri*, галльск. *-rix* (*Dumno-rix*, *Catu-rix* и т.д.) – на крайней восточной периферии: др.-инд. *rāj-(an-)*, при полном отсутствии этого корня в центральной части (другие итальянские, германские, балтийские, славянские, греческий, хеттский).

2. Однако факты реликтовых балканских языков, в частности, фракийского, практически автохтонного именно для центрально-европейского ареала, позволяют, если не поколебать на определенном хронологическом уровне категоричность изложенного в пункте 1 положения, то в любом случае уточнить его диахроническую перспективу, указывая на весьма поздний характер окраинного распределения продолжений данного корня. Здесь имеется в виду имя фрак. царя ⁶Ρῆσος – предводителя II группы фракийцев (Илиада, песнь X), прибывших под Трою значительно позже фракийцев Пей роса и Акаманта. В качестве мифологического героя Рес одухотворился в районе Родоп и на Пангее. Этимология фрак. ⁶Ρῆσος, предложенная еще Томашеком, из упомянутого и.-е. **reg*'- безу可疑енна как в формальном, так и в плане культурно-исторического (этнографического) контекста. Существенно отметить, что фрак. корень **rēs-*, распространенный этнико-формантам *-ko-*, сохранился в одном из самых излюбленных личных имен фракийцев вплоть до римской колонизации, см. ⁶Ρῆσκού-παρις, *R(h)escuporis* и пр.

3. Таким образом, фракийский ко времени сравнительно поздней письменной фиксации центрально-европейских диалектов, по крайней мере, в эпоху, отраженную гомеровскими поэмами (верхняя хронологическая граница событий не позднее начала XII в. до н.э.), еще обладал апеллативом с значением 'царь', восходившим к и.-е. **reg*'- и засвидетельствованным в чистом виде на ономастическом уровне.

4. Аналогичным образом обстоит дело и с географической дистрибуцией дериватов и.-е. **ek'yo-*. На фоне явных признаковrudиментарности в центрально-европейской зоне (герм., лит., прусск. – письменные источники сравнительно поздние), фракийский сохранил четкие рефлексы этого корня, ср. эпитеты бога Хероса:

(“Ηρωι) Βετ-εσπιω, Ούετ-εσπιω, Ούτ-ασπιω "Хэросу-коннику", ЛИ: Εξβενις, Εσβενις, Herbenus, Hesbenus, а также *Aut-esbis – исправленная транскрипция из Autlesbis, засвидетельствованного Ливием.

5. Приведенные факты и их резонанс в аспекте ареально-лингвистических схем достаточно наглядно показывают, насколько неоправдан скептицизм многих индоевропеистов по отношению к данным так называемых "ономастических" языков.

А.Н. Головастиков

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТОНА В БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. В современном бирманском (Б) языке¹ выделяют от 2 до 5 тонов. Мы будем исходить из 5-тоновой системы, чтобы рассмотреть больше фактов. Характеристики тонов в изолированном слоге: 1 – ровный, средней высоты, долгий; 2 – падающий, долгий; 3 – глашащий, краткий, глottализированный, завершается гортанной смычкой; 4 – отличается от 3 большей краткостью и интенсивностью, более сильной смычкой; 5 – ровный, краткий (сочетается только с θ ; θ всегда имеет тон 5). Примеры: $\text{c}^1 la^1$ 'я', $\text{θ}^2 ou^2$ 'три', $\text{a}^3 la^3$ 'луна', $\text{g}^4 hn^4 i$ 'два', $\text{a}^5 t^5$ 'один'.

2. Тон 4 возник в конце XIX или начале XX века в слогах, имевших в древнебирманском (ДБ)² -k, -c, -t, -p. Сначала -c > -k и -p > -t с дальнейшим перепределением -k и -t: -k – после дифтонгов (ei, ou, ai, au), -t – после монофтонгов (i, e, a, u); затем -k и -t отпали, дав тон 4.

3. Тон 5 графически часто выражается так же, как тон 3, но исторически не связан с ним. Это тон редуцированных слогов, возникших из полных слогов в 1, 2 или 3 тоне (напр., kan¹ > kə⁵). В тех случаях, когда слоги в тоне 5 записываются так же, как слоги с гласным a в тоне 3 (напр., အ 'один'), θ имелся (по крайней мере, в части случаев) уже в ДБ – транскрипция типа အုန္တင် вместо အုန္တာ: 'дочь'.

4. Тон 3 обычно возводится к пра-ЛБ тону *3, но считается вторичным на более глубоком уровне. Тоны 1 и 2 считаются исконными, восходящими к 2 тонам Пра-КТ языка (Бенедикт). В Б в слогах на -k, -c, -t, -p противопоставление по тону нейтрализовано.

5. По нашему мнению, тоны 1–3 также вторичны в Б языке: слоги с тоном 2 имели в ДБ -h (Армстронг отмечает наличие в них *breathy voice* и в совр. Б); слоги с тоном 3 имели -ʔ (фактически сохраняющийся и сейчас); слоги с тоном 1 не имели ни -h, ни -ʔ (условно будем обозначать как \emptyset); т.е. kan¹ < kan, kan² < kah, kan³ < kan[?]. Аналогичное развитие предполагается для вьетнамского (Одрикур) и для китайского. В графике тон 2 обозначается знаком :³ (т.е. висаргой, читающейся в индийских и монской⁴ письменностях как ॥). В ДБ используется также знак ၁, обозначающий согласный h (напр., ၁၃၃ 'сын'). Финалы -a,

¹ Б язык входит в лоло-бирманскую (ЛБ) группу китайско-тибетской (КТ) семьи. В КТ входят также китайская (К), тибетская (Т), куки-чинская (КЧ) и ряд других групп.

² ДБ засвидетельствован в текстах XII–XIII веков.

³ Кроме ၁၃၃ и ၃၁၁, где опущение: объясняется избыточностью, т.к. в тоне 1 – ၁၃၃ и ၃၁၁, отражающие произношение aa и ai, в отличие от o и e в тонах 2 и 3.

⁴ Бирманцы заимствовали письменность у монов.

-i и с тоном 3 обозначаются в графике так же, как краткие *a*, *i* и индийских языков, а с тоном 1 – так же, как долгие. Это объясняется тем, что в монском языке краткие гласные связаны с конечнослоговым *-?* (не встречалось *~V?*#, а только *~V?#*), а долгие с отсутствием *-?* (*~V?*# не встречалось); кроме того, и в Б гласные в тоне 1 длительнее, чем в тоне 3. При прочих финалях (кроме *-a*, *-i* и *-u*) тон 3 обозначается значком *.*. Он возник как сокращенное написание *ə* (употреблявшегося в ДБ), который фактически обозначает согласный *?*.

6. **-?* отражается не во всех ЛБ языках: в сани (вероятно, и в других) соответствующие слоги распределяются по классам **-h* и **∅*, что подтверждает вторичность **-?*. При этом в ЛБ выделяется подгруппа (Б, акха, лису, лаху и др.) с общей инновацией – вторичным **-?*. В Б – *?* встречается примерно в 2 раза реже, чем *-h* или *∅*, и очень часто имеет явно суффиксальное происхождение. Реконструкция **-?* подтверждается языком лису, где 1) в слоге с **-∅* и **C-?* – возникает тот же тон, что и в слоге с **-?*; 2) в ряде случаев тот же тон возникает слогах с **-p*, **-t*, **-k*; 3) этот тон – глottализованный.

7. **-h* отражается во всех ЛБ языках. Его реконструкция подтверждается языком аши, где, по нашим данным, в слогах с **-∅* и с **Ch-* или **s-* обычно возникает тот же тон, что и в слогах с **-h*. **-h* имеет двойное происхождение. 1) Из **-s* (обычно суффикса): в каузативах типа *nam* 'пахнуть' – *nath* 'нюхать', *khau* 'поскользнутаться' – *khauh* 'быть скользким' и др. (ср. древнек каузативный суфф. **-s*); в др. случаях (возможно, не всегда) – когда есть дублеты с *-h* и с *∅*, напр. *kuij* 'изгибаться' – *kuijh* 'кольцо', *prih* 'быть заключенным'; в Б *rəuh* 'кость' (соответ. Т *rus*; по Бенедикту – 1 из 2 корней с корневым **-s*). 2) Согласно Бенедикту, Б слоги с *-h* соответствуют К слогам с **-?*, а с *∅* – К слогам с **∅*. Кроме того, по нашим данным, Б *-h* соотв. КЧ тону, возможно, тоже возникшему из **-?* (по материалам тиддим и сизанг). Это заставляет реконструировать в пракТ вместо 2 тонов 2 типа слов – с неким постヴлярным согласным (условно **-H*) и без него, напр. Б *ya* – К **yə* 'я' (КТ **∅*), Б *yah* – К **yə?* 'пять' (КТ **H*). Высказывалось предположение, что К **-?* соотв. Т – *g* (Пейрос) – тогда КТ **-H* > Т *-g*, но это не вполне ясно.

8. В ЛБ слогах на **-p*, **-t*, **-k* реконструируют 2 тона, хорошо соответствующие аналогичным качинским (Матисофф). Их происхождение можно пытаться объяснить влиянием инициалей и префиксов (Матисофф) или конечных **-s* и **-?*, но как именно – пока не вполне ясно. В Б они никак не отражаются.

Т. Я. Елизаренкова

О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДШЕСТВОВАНИЯ В ВЕДИЙСКОМ ГЛАГОЛЕ

Система видовременных оппозиций вед. глагола отличается неоднозначным характером связи между формальными и семантическими оппозициями. Одно из следствий этого состоит в том, что определенная граммема может не иметь точно значения, которое можно было бы предположить у нее, исходя из места, занимаемого ею в системе формальных оппозиций.

Плюсквамперфект в системе вед. глагола является аугментной формой к перфекту, имеющей вторичные окончания. С точки зрения структуры плюсквамперфект нечетко отграничен от форм редуплицированного аориста, с одной стороны, и от модальных форм перфекта, с другой. Как известно (П. Тиме), плюсквамперфект образован под давлением системы по модели отношения презенса – имперфекта, а именно: основа презенса + первичные окончания: аугмент + основа презенса + вторичные окончания = основа перфекта + перфектные окончания : аугмент + основа перфекта + вторичные окончания, например: *bháyate* : *ábhayata* = *= bibháya* : *ábibhet* от *bh-* 'бояться'.

Значение прошедшего времени в системе вед. глагола связано прежде всего с аугментом. Поэтому, если имперфект означает действие презенса (нейтрального или несовершенного вида), соотнесенное с прошлым и не имеющее связи с настоящим (это время повествования о мифических событиях по преимуществу), плюсквамперфект должен был бы выражать значение перфекта, т.е. состояние или результат какого-либо прошлого действия, перенесенное в прошлое, т.е. предшествование. Однако этому mestу в системе плюсквамперфект не соответствует ни по своему видовому, ни по временному значению, совпадая по своей семантике то с имперфектом, то с аористом и не являясь самостоятельным членом в системе семантических оппозиций.

Не считая плюсквамперфекта, находящегося на периферии граммем времени и вышедшего из употребления в послевед. период, сфера прошедшего времени делится между имперфектом, аористом и перфектом. В своих инвариантных значениях (по Куриловичу) они различаются прежде всего по виду как нейтральный или несовершенный (имперфект): совершенный (аорист); состояние (перфект). В связи с планом прошедшего времени они противопоставлены соответственно как давно прошедшее (имперфект): недавно прошедшее и только что завершившееся (аорист): Констатация результата действия в прошлом (перфект).

В вариантах значений, обусловленных текстом, эти три граммемами прошедшего времени могут совпадать друг с другом. Одним из таких общих для них периферийных значений является значение предшествования другому действию в прошлом. Аорист выражает его нередко в придаточных предложениях (Б. Дельбрюк), имперфект и перфект могут приобретать иногда это значение и в главном предложении. Из этого следует, что значение предшествования не является грамматикализованным в системе личных форм вед. глагола.

Регулярно данное значение выражается в вед. мантрах на синтаксическом уровне с помощью сочетания личной формы глагола в одном из прошедших времен с активным или медиальным причастием перфекта, например: *púrvít uṣásah garáda-* *ca gúriá | vṛtrám jaghanván̄ asṛjad ví síndhūn* "Много прославленных зорь и осеней дал он струиться рекам после того, как убил Вритру" (PB IV, 19,8) (буквально "Убивший Вритру дал струиться..."); *sátvaisarád̄ cāgauānā | bṛāhmaṇā vratacārīnaḥ | vāc am parjānyajin vītām | prā tāṇḍīkā avādiṣuh* "После того как они пролежали год, (как) брахманы, исполняющие обет, лягушки подали голос, пробужденный к жизни Паражданье" (PB VII, 103, 1) (буквально: "Пролежавшие подняли голос...").

В таких конструкциях, когда причастие определяет имен. пад. подлежащего, с которым согласуется, причастие имеет двойную семантическую связь: с подлежащим (эксплицитно выраженным или подразумевающимся на основании личной формы глагола) и со сказуемым-глаголом; формально же выражена только связь с подлежащим.

Значение предшествования дает только синтаксическая конструкция, поскольку самому причастию оно не свойственно (его инвариантные значения – состояние, результативность и активный или медиальный залог), например: *tvāt
vitrāṇi ḡṇviṣe jaghanvān* "Ты известен как убийца врагов" (PB IV, 42,7) (буквально "как убивший врагов").

В дальнейшем развитии языка, в санскрите, предшествование другому действию неизменно стало выражаться посредством сочетания деепричастия с личной формой глагола. Эта синтаксическая конструкция санскрита рассматривается исследователями как результат влияния соседних дравидских языков.

В ранневед. период деепричастия вообще употребляются несравненно реже, чем в санскрите. Они представлены различными структурными типами, сохранившими следы связи с рядом косвенных падежей имени: L, I, A (-*tu-*, -*t(u)* *vā-*, -*tu-**ya*, -*u-*, -*am*).

В сочетании с конечной личной формой глагола деепричастия большей частью выражают предшествование основному действию, например: *yó haṭvāḥim átiqēt
sapté síndhūn ... sá janāsa índraḥ* "Кто, убив дракона, пустил струиться семь рек, ... он, о люди, Индра!" (PB II, 12,3). Однако это значение определяется контекстом, его может и не быть, например: *sá no duḥiyad yávas eva gatvāḥ sahásradhārā páyasā
maṭ gaūḥ* "Пусть она доится для нас, как если бы пошла на пастьбыше, великая корова, дающая тысячу струй" (PB, IV, 41,5). Таким образом, и здесь выражение предшествования является не грамматическим значением формы, а значением, обусловленным контекстом.

Основным способом выражения предшествования одного действия другому остается в этот период конструкция: активное или медиальное причастие от основы перфекта + личная форма глагола.

Начиная с вед. прозы эта конструкция становится все менее употребительной вследствие широкого распространения деепричастий, вытесняющих причастия из сочетаний с личными формами глагола.

Конструкции с деепричастиями, выражающие предшествование, представляют собой одну из характерных особенностей синтаксиса дравид. языков (Ж. Блок). Деепричастия в дравид. языках, как и в древнем индоарийском исторически возникли из форм косвенных падежей имени. В дравид. языках их функции были шире, чем в древнем индоарийском. Конструкции же с согласующимися прилагательными (включая причастия) были в принципе недопустимы в этих языках.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что вед. глагол не располагал грамматическими средствами выражения предшествования. Это значение передавалось на синтаксическом уровне посредством конструкций, состоящих из неличной формы одного глагола: перфектного причастия активного или медиального залога или деепричастия и личной формы другого глагола. Сочетания с причастием были основным исконным типом в ранневед. языке. Сочетания с деепричастием развились, а в дальнейшем и вытеснили первый тип конструкций под влиянием контактов с соседними дравид. языками.

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДАННЫХ ДРЕВНЕРУССКОГО "МЕРИЛА ПРАВЕДНОГО" XIV ВЕКА

В лингвистической литературе описано около десяти старорусских рукописей — (конца XV—XVI вв.), различающих графическими средствами две фонемы типа *o* — условно *ɔ* (по-видимому, открытое) и *ð* (по-видимому, закрытое или дифтонгическое). В рукописях, описанных Л.Л. Васильевым и Н.Н. Дурново, фонемы *ɔ* и *ð* обычно передаются соответственно как *o* и *ð* (т.е. *o* со знаком каморы), в одной рукописи, описанной В.В. Колесовым, — соответственно как *o* и *ω*.

Как оказалось, фонемы *ɔ* и *ð* графически различаются и в ряде других рукописей, из которых наибольший интерес представляет Мерило Праведное XIV века (рукопись Гос. библиотеки им. В.И. Ленина, фонд 304, № 15; издание: Мерило Праведное по рукописи XIV века, Москва, 1961). В этой рукописи (неакцентуированной) используется графическое противопоставление *o* — *ω*. По лингвистическим данным рукопись должна быть отнесена к великорусской территории (причем, по-видимому, не к новгородско-псковской зоне).

В последующем анализе мы исходим из того, что в праславянском (а также в древнерусском, по крайней мере, раннего периода) все словоформы делились с акцентологической точки зрения на два класса: 1) "ортотонические" словоформы (термин В.А. Дыбо), имевшие неотъемлемое собственное ударение (на одном из слов); 2) "энклиномены" (термин Р.О. Якобсона и В.А. Дыбо), которые в составе фразы обычно были безударны (их акцентологическое поведение во фразе описывается так наз. "законом Васильева — Долобко"). В изолированном положении энклиномены получали на начальном слоге так наз. "рецессивное" ударение, которое в праславянском было нетождественно обычному ударению; в современных восточнославянских языках на месте рецессивного ударения мы находим обычное ударение (но вопрос о том, в какую эпоху произошло это совпадение, является спорным). Ортотоническими были все словоформы акцентных парадигм (по Х. Стангу) *a* и *b*, а также конечноударные словоформы акцентной парадигмы *c*, энклиноменами — остальные словоформы акцентной парадигмы *c*.

Важная особенность всех рукописей, различающих *ɔ* и *ð* (которую заметил и объяснил еще Н.Н. Дурново), состоит в том, что буква *o* может выступать здесь не только как обозначение фонемы *ɔ*, но и как общее безразличное обозначение любой фонемы типа *o* (т.е. как *ɔ*, так и *ð*). Ср. аналогичную особенность буквы *e* в современной русской орфографии, которая может передавать не только /'e/ но также и /'ð/, хотя для последнего в принципе имеется и собственное обозначение — ё (т.е. можно писать и *жёд* и *жд*). Таким образом, в рассматриваемых рукописях в некотором проценте случаев (довольно постоянном для конкретного писца, но разном у разных писцов) вместо ожидаемого *ð* (или *ω*) мы находим просто *o* — в тех же самых словоформах, которые рядом встречаются с *ð* (или *ω*). После "снятия" тех отклонений, которые определяются этой общей для всех подобных рукописей орфографической особенностью, в Мериле Праведном (точнее, у двух основных его писцов) обнаруживается следующее распределение букв *o* и *ω* (мелкие детали опущены).

1. Рефлекс прежнего **ə* (там, где этот **ə* не выпал) записывается буквой *o*, например: *пъсокъ*, *столъ*, *кровъ*, *оумомъ*. Исключение составляет только небольшая группа словоформ (*плотъ*, *плотъскамъ*, *вонъ* "в него", *вонже* "в который",

всюину "всегда", *сю имѣ* и др.), которые и в прочих рукописях данного класса обычно или даже регулярно пишутся с *ô* (или *ω*); по-видимому, это церковнославянские, усвоенные с фонемой *ô*.

2. Рефлексы прежнего **o* (а также гласные в полногласных сочетаниях) записываются через *o* или *ω*. Буква *ω* выступает в следующих случаях:

а) в ударном слоге ортотонической словоформы, например: *холопъ, холопа, зажонъ, зажона, животъ, столь, добрага, гонитъ, домаовъ;*

б) через один слог вправо от ударного слога ортотонической словоформы, например: *оумиженокъ, оузаконенω, видимωкъ, начинакмому, вшинаствω, правило, габлокω, федорови* (Дед.);

в) независимо от места ударения и от акцентной парадигмы – в начальном слоге словоформы, если до падения редуцированных за **o* шел слог со слабым редуцированным (огрубленно это можно назвать "в закрытом начальном слоге"), например: *иосъ, радъ, прасѣть, салъю, ногты* (Т. мн.), *балижму, паднижинъ;*

г) независимо от места ударения и от акцентной парадигмы – в окончании Р. ед. муж. и сред. рода местоимений и прилагательных, например: *тогω, всакогω, злагω, праведнагω.*

3. В прочих случаях рефлексы прежнего **o* (и гласные в полногласных сочетаниях) записываются как *o*, например: *нога, масло, покрыто, городъскат, положити* (примеры безударного *o* в ортотонических словоформах); *городъ, золото, слово, ногу, воду* (примеры *o* в различных слогах энклиноменов).

Правила 1, 2а, 2г и 3 общи у Мерила Праведного со всеми остальными старорусскими рукописями данного класса. Индивидуальную особенность Мерила Праведного составляют правила 2б и 2в.

В украинском языке прежние **ə* и **o* не совпали практически ни в какой позиции: в тех случаях, когда в праславянском последующий слог содержал слабый редуцированный, в современном литературном украинском языке противопоставлены *o* и *i* (из староукр. *ə* и *ô*), ср. *сон* и *rіd*, *сонний* и *rідний*; в прочих позициях **ə* исчез, а **o* сохранилось в виде *o*, ср. *сну* и *роду*. Правило 2в однотипно с украинским (оно сохраняет различие **ə* и **o*), но ограничено лишь начальным слогом. Таким образом, в Мериле Праведном соединены правила 2а и 3, характерные для великорусского, и правило 2в, принадлежащее к "украинскому типу" (правило 1 – общее для русского и украинского). Такого рода "смешанная" система распределения *ə* и *ô* до сих пор не встречалась.

Правило 2б естественнее всего интерпретировать как отражение ритмической структуры заударной части слова: за главным ударением ортотонической словоформы следуют через слог какие-то усиления типа второстепенных ударений. Заметим, что сходная картина наблюдается в заударной части любых словоформ в некоторых современных русских говорах и даже (по М.В. Панову) в какой-то мере и в литературном языке. Вероятно, что многие "лишние" знаки ударения в акцентированных старорусских рукописях в действительности отражают второстепенные ударения (для Чудовского Нового Завета XIV века это предположила уже М.И. Корнеева-Петрулан).

Существенно то, что у энклиноменов ритмической структуры не обнаруживается: ср. энклиномены *золото, черево, дерево, свободно, таково¹* и т.п. (с конечным *o*) и начальноударные ортотонические словоформы *вшинаствω, правило, габлокω, праведниω, истиниω* и т.п. (с конечным *ω*). Таким образом, в Мериле

¹ Нынешнее ударение последних двух словоформ – позднее.

Праведном рецессивное ударение энклиноменов отличается от обычного ударения ортотонических словоформ, по крайней мере, в двух отношениях: 1) под обычным ударением прежнее **o* отражается как *ω*, а под рецессивным – как *o*; 2) обычное ударение создает после себя ритмическое чередование безударных и полуударных слогов, а рецессивное не создает. Иначе говоря, с точки зрения воздействия на реализацию гласных и на ритм слова рецессивное ударение равносильно безударности; ср. работы Е.Д. Поливанова, Н.С. Трубецкого, Р.О. Якобсона. Из указанных двух различий первое в эпоху Мерила Праведного, возможно, уже было лишь наследием прошлого, второе же, вероятно, было живым. Первое различие обнаруживается и в более поздних рукописях данного класса, второе пока засвидетельствовано только в Мериле Праведном.

Оба названных критерия согласно указывают на то, что сочетания энклиноменов с проклитиками имели рецессивное, а не обычное ударение (т.е. тоже вели себя как энклиномены); ср. в Мериле Праведном *около, до крови, по мужъ, на небо, за око, про злато, непросто* и т.д. Это противоречит схеме Е. Куриловича, по которой сочетание типа *и́ 'а нос(ъ)* имело в восточнославянском обычное ударение и отличалось от сочетания типа *на си́'он(ъ)* только местом ударения (по этой схеме ожидалось бы **около*, **о́вь кровь*, **пю мужъ* и т.д.).

Итак, Мерило Праведное, по-видимому, отражет говор, в котором рецессивное ударение энклиноменов и их сочетаний с проклитиками еще не совпало с обычным ударением.

С учетом того, что сказано выше о главном ударении, второстепенном ударении и безударности, распределение *ɔ* и *ð*, представленное в Мериле Праведном, может быть описано так: нормальные рефлексы **ə* (если он не выпал) и **o* суть соответственно *ɔ* и *ð* (ср. работы Е. Куриловича и П. Гарда); противопоставление *ɔ* и *ð* нейтрализуется в слогах, не имеющих ни главного, ни второстепенного ударения (сохраняясь, однако, в закрытом начальном слоге); продукт нейтрализации фонетически близок к *ə*. (Возможно, впрочем, что и в таких слогах *ɔ* и *ð* еще не совпали полностью, а только фонетически сблизились.)

В. В. Иоффе

ГИПОТЕЗА В.М. ИЛЛИЧА-СВИТЫЧА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФОРМАНТОВ БАЛТИЙСКОГО ПРЕТЕРИТА

В решении вопроса об истории балтийского претерита своеобразное место занимает гипотеза В.М. Иллича-Свитыча (см. его статью "Формирование корней с исходом на сонант в балтийской глагольной системе", ВСЯ, вып. V, М., 1961), возможности которой не использованы, как представляется, в полной мере. Автором указаны три момента, определяющие историю претерита: связь ее с различием огласовки глагольных корней, с противопоставлением переходности-не-переходности и с образованием формантов претерита -ā- и -ē-. Подход к истории этих формантов представляет наиболее важный пункт в концепции В.М. Иллича-Свитыча. Формант -ā-, характерный для непереходных глаголов, объясняется как "результат стяжения тематической гласной претерита (ō > ā) с начальными

гласными глагольных основ, выделенных в результате переразложения из парадигмы презенса". Подтверждение этой идеи можно видеть в специфическом для балтийских языков соотношении тематического и атематического типов спряжения в презенсе. Для праиндоевропейского, как известно, реконструируются две серии личных окончаний, соответствующие этим двум типам основ. В отдельных языках тематическая основа повсеместно оттесняет атематическую, но только в балтийских этот процесс последовательно ведет к вытеснению атематического типа окончаний, что ясно видно в истории атематических глаголов литовского языка. Этот процесс охватывает и вторичные окончания претерита, утратившие временное значение.

Второй формант претерита *-ē-*, характерный для переходных глаголов, В.М. Иллич-Свитыч возводит к *-iā-*, что соответствует типичному для этих глаголов презенсу на *-ia-*, где *i < ei* — исконный показатель каузативов. Таким образом получается ясная система соответствия основ презенса и претерита, связанная с противопоставлением переходных и непереходных глаголов. Однако наряду с основным типом встречаются претериты на *-ē* при презенсах на *-a*. Переход *-iā > ē* в балтийском представляется проблематичным. Это делает вопрос о *ē* спорным. Альтернативная гипотеза исходит из того, что "в преобразованиях индоевропейских аористов и имперфектов в балто-славянском имеет место не непрерывное фонетическое развитие, а различные замещения морфологического характера" (Ю.С. Степанов. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975, стр. 190). При таком подходе анализ сосредотачивается на отношениях переходности-непереходности. Параллели со славянским показывают, что *-ā-* первоначально обозначал состояние (Ю.С. Степанов. Ук. соч., стр. 191). Но то же значение приписывается и *-ē* (см. А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1939, стр. 225). Другой неясный вопрос — превращение *-ā* и *-ē* в показатели претерита, приобретение ими временного значения.

Гипотеза В.М. Иллича-Свитыча решает эти вопросы, показав, как в одном форманте *-ē-* совпало обозначение переходности и времени. Перспективность рассматриваемой гипотезы предполагает дальнейшие исследования в указанном направлении с целью ее уточнения.

Г. А. Левинтон

ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ОБМЕНА (К статье *'bari-* в Словаре В.М. Иллич-Свитыча)

Данные внешнего сравнения заставляют предполагать для и.-е. **bher-* первичное значение 'брать' или, по формулировке В.М. Иллич-Свитыча, 'брать, приносить, нести', вопреки традиционной трактовке: 'нести' → 'брать' (через 'принести' или 'собирать', 'уносить' и т.п.). "В свете внешнего сопоставления обнаруживается древность значения 'брать' в слав., считавшегося обычно инновацией". Из этого значения развилась полнее всего представленная в и.-е. языках семантика

'приносить' → 'нести'. (Иллич-Свитыч, стр. 176). Однако рассматривая с этой точки зрения и.-е. материал, можно увидеть ряд внутренних аргументов в пользу этой трактовки, до сих пор, как правило, игнорировавшихся.

Действительно, в большинстве и.-е. языков продолжения **bher-* связаны со значением 'нести', тем не менее, в некоторых языках встречаются "направленные" значения, обычно трактуемые, как результат префиксации основы с ненаправленным значением. Существенно, однако, то, что среди этих направленных значений встречается и значение 'брать', как в слав., и 'давать', представленное в др. ирл. *dobiur* и в ряде иранских языков: др. иран. *fra-barā* 'вручать', хот.-сакс. *haur-*, хорезм. *haðar-*, ягноб. *yrār-*, согд. маних. *þr̥-*, христ. *þr̥-* 'давать' (см. напр. Gershevitch. Gramm. Manich. Sogdian. 1954, 621.).

Конечно, эти формы могли развиться благодаря префиксу, превратившему ненаправленное значение в направленное; однако не только славянская форма лишена префикса, но и, например, за кельтск. **to-* (представленном в *dobiur*) в последнее время отрицается значение направительности, и интересующее нас слово приводится как один из немногих достоверных примеров направительного значения этого префикса (см.: Dillon – Indo-Celtica (Festschr. Sommerfeld). 1972).

Беспрефиксность слав. формы пытались объяснить через "депрефиксацию" (*dépréverbation*), предполагая развитие через значения типа 'собирать' (Садник – Этимология. 1968), говоря даже о "префиксальном значении" (см. рец. на Садник в: Slavia. XLII, 1973, 287), или через синонимию типа 'убирать' – 'уносить' (I. Nemec. Vývojové postupy české slovní zásoby. Praha. 1968. 101; *odberu*, *uberu* ← *odnáším*, *unáším*, ср. лат. *au-fero*), однако все эти рассуждения, при всей их правдоподобности, ничего не доказывают в отношении направления изменения, как и соображения Садник о превращении **b̥rati* в видовой коррелят слов. **q̥i*.

На этом основании кажется допустимым предположить для и.-е. **bher-* первоначальное (во всяком случае уже для и.-е. состояния, не касаясь более глубокой реконструкции) значение 'брать' – 'давать', подобно реконструкции, проведенной Бенвенистом для и.-е. **d̥h₂-*. Это подкрепляется тем, что для большой части рассматриваемых слов с направленным значением засвидетельствовано ритуальное употребление (ср. напр., употребление др.-иран. *fra-barā* в связи с царем), прежде всего в связи с браком, т.е. с центральной сферой обмена (в смысле Мосса и Бенвениста). Значение 'выдать замуж' и соответствующие употребления засвидетельствованы рядом текстов у хорезм., согдийск., ягноб. слов; полностью симметричным значением и употреблением характеризуется слав. **b̥rati*, ср. особенно "взаимность" значения у слав. **brak̥s*, выраженную морфологически у мотивирующего глагола **b̥rati s̥e*, ср. ст.-сл. *брачити съ*; между прочим, чешск. *brat'* в соответствующем значении может употребляться не только с мужским (как в других слав. языках), но и с женским субъектом. Нужно отметить и существенный параллелизм в употреблении *брать* и *дать* вплоть до терминологического противопоставления укр. *starosta dański* – *starosta brat'ski* – названия чинов партии соответственно невесты и жениха (в польской записи 1805 г.), ср. также в другой сфере синонимию: *подать* и *побор*. Интересно, что употребления, связанные с браком, возможны и в языках, в которых известны только ненаправленные значения соответствий рассматриваемых слов, напр. нем. *unter den Haube gehen* – *unter den Haube bringen* в соответствии с рус. *идти замуж* – *выдать замуж* (ср., кстати в др.-англ. гlosсах *Tachabora* букв. 'знаменосец' → 'дружка' – см. Шрадер. Индоевропейцы. 1908, 118).

Особенно интересно то, что указанная "энантосемия" ('брать' – 'давать') может быть представлена внутри одного языка: в хорезмийском есть и префигированное *hafag-* 'давать' и беспрефиксное *far* 'получать, принимать, брать', хотя вряд ли они могли синхронно осознаваться как связанные деривацией (как указал нам В.А. Лившиц, он же прокомментировал ряд иранских примеров и указал на неточности в переводах хорезм. гlosс у Фреймана, откуда взят и последний пример).

Таким образом, значение 'нести' можно признать вторичным (напр., объяснить его нейтрализацией противоположных направленных значений), что подкрепляют, как уже говорилось, и данные внешнего сравнения. Внутрииндоевропейские данные, как кажется, позволяют распространить на **bher-* объяснение, данное Бенвенистом и.-е. **dō-* и причислить **bher-* к терминам обмена. Трудно сказать, насколько возможна экстраполяция этих соображений за пределы и.-е. материала. Может быть, на это указывают данные алтайских языков, ср. такие значения, как 'имущество' и т.п. и прежде всего развивающееся (?) в монг. значение 'преподносить', заставляющее думать и об "энантосемии", и о ритуальном употреблении (ср. иранские факты), однако это требует уже контекстуальной проверки на алтайском материале.

В. В. Мартынов

АРЕАЛЬНЫЙ АСПЕКТ В КОМПАРАТИВИСТИКЕ

В статье "Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты" В.М. Ильича-Свитыча были продемонстрированы принципы и методика разграничения пражзыковой и заимствованной лексики. Эта работа предшествовала составлению сравнительного словаря ностратических языков, в результате чего лексемы, которые определены в ней как заимствования в индоевропейском из семитского, в словарь, естественно, не попали. Мы считаем, что подобный подход следует принять как процедуру, необходимую в любом этимологическом исследовании. Иными словами, поискам этииона всегда должно предшествовать определение пространственно-временных координат лексемы с проверкой ее исконности. Коллективный исследовательский опыт показывает, что попытки объяснить происхождение слова средствами языка, в котором оно зафиксировано, обычно заканчиваются созданием более или менее удачной этимологической версии, и к поискам иноязычного источника автор такой версии уже не обращается. Тезис о превентивности пространственно-временной стратификации лексемы в этимологических исследованиях мы попытаемся подкрепить анализом конкретных примеров.

ПЕРФЕКТ В ОБЩЕКАРТВЕЛЬСКОМ И ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

З. Бенвенист выявил универсальный принцип построения перфектных форм. Согласно его определению, перфект является формой, в которой понятие состояния, соединенное с понятием обладания, отнесено к действующему лицу. Универсальный принцип построения перфектных форм, основанный на соединении понятия действующего лица с понятием состояния посредством посессивной конструкции, осуществляется различными способами в зависимости от имеющихся в них способов выражения обладания: 1) аналитически, посредством глагола "иметь" или глагола "быть" с подлежащим в дат. или родит. падеже и 2) синтетически, посредством категории версии. Выражение обладания или принадлежности является главным из частных значений категории версии, общее значение которой можно определить как выражение направленности действия. В языках, в которых имеется категория версии, член противопоставления, указывающий направленность на субъект, может послужить основой для образования перфектных времен. Таковым является принцип образования перфектных времен (т.н. форм III серии) в картв. языках. (Такая интерпретация грузин. перфекта представлена в работе В.С. Аллена). В картв. языках, так же, как и во многих индо-иранских языках, образование перфектных времен на основе посессивной конструкции обусловило возникновение вторичной эргативообразной конструкции.

В докладе высказывается предположение, что этот же принцип образования использовался и в общеиндоевропейском языке. Таким путем представляется возможным объяснение генетической связи окончаний общеиндоевропейского медиума и перфекта, выявленной И.Куриловичем и К. Стангом. Индоевропейский медиум ("слово для себя" в понимании индийских грамматиков), также как и картв. субъектная версия, обозначал направленность действия к субъекту независимо от переходности-непереходности глагола и в качестве главного из частных значений выражал обладание субъектом или принадлежность субъекту. Индоевропейский перфект, так же, как и перфект в современных и.-е. и картв. языках, образовался на основе соединения понятия обладания и понятия состояния (выраженного в глагольной основе), использованный при этом способ реализации этого принципа является типологически близким к способу, использованному в картв. языках.

ОБ ОТНОШЕНИИ КАРТВЕЛЬСКОГО К ДРУГИМ БОРЕАЛЬНЫМ ЯЗЫКАМ

1. Реинтерпретация Т. Гамкрелидзе и В. Ивановым, а затем П. Хоппером 3^х рядов и.-е. смычных как глottализированного, звонкого (придыхательного) и глухого (придыхательного) при аналогичной реконструкции рядов семитских смычных (А. Мартинз) дает основания считать картвельский по его фонетическому составу более близким к другим западнобореальным семьям, чем это считалось до сих пор.

2. Больше сходений обнаруживается и в системе вокализма. Для картвельского допустимо восстановление каждой морфемы с консонантным исходом в двух вариантах – на этот согласный и на гласный *-a* (чередование *-a* || *Ø*).

Наблюдаемая как в древнегрузинском, так и в современных груз. диалектах, а также в занском и сванском смежность функций обстоятельственного и объектного падежей (направление, место, время, обстоятельство), а также генитивного и инструментального падежей (направление при позднейшей дифференциации в груз. *-isa-gan* (о материале): *-it-gan* (о направлении), ср. также груз. *čvenis azri*, мегр. *txolot epša guda*: *txološi epša guda*) предполагает общность происхождения. В. Топурия восстанавливает в картвельском 2 первичных падежа: дативно-(т.е. объектно-) обстоятельственный и генитивно-инструментальный, подтверждая это их материальной общностью. Имеющие указанные смежные функции объектный и обстоятельственный падежи характеризуются либо формантами *-s(a)*, *-d(a)*, присоединяемыми к основе непосредственно или через *-a-* – др. груз. *adgil-sa*, *Ierusalem-d*, *cqaro-d*, *čem-da*, нижнебальск. *xam-d*; нареч. груз. *adgil-a-s*, *mz-a-s*, мегр. *xčir-a-s*, сван. *tab-a-s*, *qan-a-s*, груз. *kalak-a-d*, мегр. *čkimot ~*čem-a-d* ("для меня" наряду с: *čkim-da* "ко мне" = *čemda*), сван. нареч. *ži-a-d*, – либо, возможно, характеризуются также одним лишь исходом на *-a*. (А. Чикобава – наиб. достоверно др. груз. *Tošeta*, *Saberžneta*, *žo žoxeta* (*žožoxetad* = *žožoxetsa mas ūna*). Окончание *-ad* принято считать вторичным по отношению к *-d* (А. Шанидзе). Г. Клинов выдвигает спорное предположение: с этим *-d* сросся исход склоняемых основ на *-a* в связи с частым употреблением в этом падеже масдаров с таким исходом. При этом Клинов не замечает аналогичных форм объектного падежа (*-as*) и даже сванские *ubas*, *qanas* почему-то связывает с основами на *-a*. Однако для общекартвельского он все-таки вынужден восстановить дублет обст. *-d* || *-ad*. Замечание Клинова о непродуктивности **-ad* в языке-основе (для сванского характерен "атематический" *-d*) можно уточнить в смысле непродуктивности *-ad* или *-as* в определенных диалектах позднекартвельского. Более ранняя эпоха характеризовалась двумя падежами: чистой основы с вариантом исхода *-a* в случае консонантных основ (согласно Топурия это был бы "объектно-обстоятельственный" падеж, лишенный однако консонантных формантов) и падежом на сосонант *-i* ("генитивно-инструментальным"), который также можно восстановить как на основе функциональной, так и материальной (присоединение показателей **-s_f(a)*, **-t(a)* к основе на *-i*, что отвергается Клиновым без аргументации) общности. Неоднородность формантов *-ad*, *-as*, *-d(a)*, *-s(a)*; *-s_f(a)*, *-t(a)*, *-v* (груз. *tqriū*, *taržvniū*) в разных языках и диалектах свидетельствует о их парадигматизации после распада общекартвельского. В эпоху единства парадигматическими были два упомянутых падежа, а перечисленные

форманты еще играли роль послелогов со своим семантическим значением, наподобие груз. *cqarosa tana* > *cqarostan(a)*. Форманты *s* и *s₁*, возможно, восходят к бореальному местоимению (так и В. Иллич-Свитыч), давшему в индоевропейско-афразийском локативно-эрративный показатель, а в уральском – локативный. Формант *d* (также согласно Свитычу) возводим к бор. локативной частице, тоже принявший функции эргатива на определенной ступени картвельского. Исходя из положения о происхождении именного типа эргативной конструкции от глагольного типа (Климов), становится ясным, почему эргативный показатель *d* встречается в сванском в соединении с бывшим падежом чистой основы. О том, что первичный картвельский эргатив был неоформленным, свидетельствует и сохранение этой неоформленности в древнегрузинском при собственных именах. О том же говорит и разнородность показателей эргатива в картвельских языках (мнение Климова, что обстоят. падеж *-d* мог играть роль эргатива не только в сванском, недоказуемо), и позднее происхождение показателя *-tan* в древнегрузинском. С появлением показателей эргатива падеж чистой основы становится прямым (падеж на соант *-i* с самого начала был только косвенным). Пережитком этого следует считать древнегрузинский неоформленный падеж, на основе которого позднее образуется номинатив с показателем местоименного происхождения. Другим пережитком падежа чистой основы являлась бы предполагаемая форма обстоят. падежа на *-a*. Причиной дифференциации последнего следовало бы считать закрепление за ним *a*-варианта исхода основы бывшего "объектно-обстоятельственного" падежа. Отражением первичной двухпадежности картвельского может быть практическая двухпадежность груз. *n/ta*-множественного ч., где роль прямого падежа активных имен, видимо, исполняла чистая основа с инактивным показателем множественности *-n* (*-i* тогда позднее, как и в ед.ч.), а роль косвенного эргативного падежа – основа с активным показателем множественности *-t(a)*. Инертные имена, никогда не принимавшие эргатива, образовывали множественное с инактивным его показателем *-eb* (ср. отсутствие согласования с глаголом в числе при неодушевленных именах), т.е. имели лишь одну падежную форму (факт, что *-eb* в грузинском вызвало редукцию в основах, а падежные окончания не вызывали редукции *-eb-*, говорит о более позднем их присоединении к основам, уже имевшим суффикс *-eb*). Поскольку типологически множ. число развивается позднее (В. Иванов), постольку во множественном первоначально не было особой формы для передачи генитивно-инструментальных отношений (ср. падеж на *-i* в ед.ч.). Выведенный на основе альтернаций *-as* || *-s(a)* : *-ad* || *-d(a)* : *-a(?)* вариант падежа чистой консонантной основы с *-a* в исходе оказывается, таким образом, чередующимся с вариантом нулевого исхода. Это проливает свет на природу так наз. "эмфатического" *-a*, которое Н. Марр производит от указат. местоимения **ha*, К. Дондуа и А.. Чикобава считают детерминирующей местоименной частицей, а Г. Деетерс говорит о его ритмико-фонетической сущности. Различия в употреблении в современном грузинском форм с "эмфатическим" *-a* и без него результат поздней нормы. Различия же в его употреблении в древнегрузинском могут быть либо ритмико-фонетического происхождения (напр., отсутствие *-a*, когда генитив предшествует определяемому в композитах). либо результатом морфологизации нулевого или имеющего финальный *-a* вариантов одной морфемы (ср. дифференциацию элативности *-ø* и инструментальности *-ta*, а также отсутствие *-a* в дативе, генитиве и инструментале собственных имен, что объяснялось бы не отсутствием необходимости

в детерминации (Чикобава), а дифференциацией ген. *-is* и аллат. *-isa-* ведь аллатив в наречиях обычно послеложен, ср. *mepisa tana* – при распространении исхода генитива на датив и инструменталь). За этими поздними исключениями, употребление *-a* в древнегрузинском по сравнению с новогрузинским является лишь более предпочтительным, но системно столь же необусловлено. Обычное в древнегрузинском отсутствие *-a* после обстоят. падежа *(a)d* объясняется распространённостью форм, где *d(a)* присоединен либо к консонантной основе с *a*-вариантом исхода (*kalaka-d*), либо к подобной этому падежу на *a*-основе (*deda-d*) (по аналогии *d* распространяется на *u*- и *o*-основы, а *-ad* абстрагируется на *e*-основу), тогда как для синтагматики чередования $\emptyset || -a$ могло быть характерно, что в последовательности из двух морфем с консонантным исходом одна проявлялась в виде его нулевого варианта, а другая – в виде *a*-варианта. Из альтернирующих типов $*\check{c}em\emptyset + da = *\check{c}ema + d\emptyset \rightarrow \check{c}emda$, $*\check{c}emad$; $*adgil\emptyset + sa = *adgila + s\emptyset \rightarrow adgilsa$, *adglas* одни закрепились в одних падежах, другие – в других, сохранив конварианты в наречиях. Формы типа *Ierusalimd* не имеют *-a* из-за приспособления к регулярному типу *kalakad*. Сопровождавшееся образованием альтернирующих основ образование исторических падежей из первоначальных послеложных сочетаний иллюстрируется послеложными образованиями типа *kacistvis*, *kacisavis*, которые, в свою очередь, стали возможны лишь благодаря "необязательности" *-a* в исходе консонантных основ и показывают иррелевантность конечного \emptyset или *-a* по отношению к послелогу. Итак, нет препятствий полагать, что в общекартвельском всякий нулевой консонантный исход имел в качестве варианта *-a* – ср. груз. *šen* : *tkven* : *tkvna*, *ak* : *aka*, *ar* : *ara*. "Эмфатические" *u*, *ə* (наряду с *-o* = груз. *-a*) в мегрельском в исходе возводимы к *-a* – ср. груз. *dačera* и мегр. *senak*, *dočaru*, зугд. *dočara*.

Точно такой же закон исхода восстановлен для афразийского (И. Дьяконов, И. Гельб). Картвело-афразийский факт дает возможность предположить действие этого закона во всем западно- boreальном ареале, т.е. и в индоевропейском, где на этой почве мог разиться тематический гласный. Этот закон пополнил бы знания о западно- boreальном вокализме, склонность которого при необычном богатстве консонантизма ставит вопрос о допустимости перенесения В. Илич-Свитычем реконструкции богатого восточно- boreального вокализма (где сравнительная бедность консонантизма видна уже по Словарю) на общебореальный уровень.

3. Для уточнения схемы возникновения и отношений boreальных ветвей необходимо также хронологическое уточнение восстанавливаемых прасостояний. Так, образование общекартвельского совпадает с распадом индоевропейского, который, в свою очередь, образуется позже афразийского. Следовательно, на boreальном уровне существовали языковые единства, отличные от восстанавливаемых прайзыковых, неявляющихся потому равноправными диалектами общебореального. Некоторые семьи (напр., картвельская) могут оказаться не общебореальным фактом, а результатом контактного родства более старых boreальных семей.

ФОНАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В 1975–76 гг. ряд Московских лингвистов начал изучать суперсегментные (акцентные, тональные, фонационные и смешанного типа) системы. С. Николаев и С. Старостин независимо друг от друга предприняли попытки рассмотреть подобные системы в отдельных тюркских языках (татарском и тувинском соответственно), где им удалось обнаружить фонационные противопоставления: двойчное (нейтральная – вялая фонации) в татарском языке и троичное (напряженная [*creaky voice*] – нейтральная – вялая фонации) в тувинском. Позднее я имел возможность ознакомиться с суперсегментными системами односложных слов в балкарском, башкирском и казахском языках, а также в северном диалекте киргизского языка. Во всех них, видимо, представлены бинарные системы с оппозицией нейтральной и вялой фонаций.

Иная система представлена, видимо, в односложных словах туркменского литературного языка. Здесь вялая фонация обычно оказывается скоррелированной с долготой гласной и не имеет поэтому фонологического статуса. За несколько часов работы с туркменами-текинцами различий в произношении слов, признаваемых в словарях омонимами, обнаружить не удалось. В то же время туркмены Чарджу разделяют, по-видимому, три типа односложных слов, которые произносятся долго (в вялой фонации), кратко (в нейтральной фонации) и сверхкратко (в напряженной фонации). Последние два типа у текинцев звучат одинаково (с краткими гласными). Не имея возможности проставить долготы (или фонации) по говору Чарджу, я в дальнейшем вынужден оперировать только данными туркмено-русского словаря, ориентированного на текинский диалект.

Мое знакомство с якутским языком, к сожалению, также ограничено кратким опросом одного жителя г. Якутска, во время которого удалось выяснить, что якутская система, судя по всему, аналогична текинской. В ней в односложных словах противопоставляются краткие и долгие гласные, причем долгие гласные, по-видимому, всегда произносятся в вялой фонации.

Более подробно мною изучены три тюркских языка: тувинский (центральный диалект), хакасский (сагайский диалект) и уйгурский (говор г. Кульджа в КНР). К настоящему времени для этих языков я располагаю списками односложных слов, с указанием произношения каждого слова¹.

Наиболее сложной оказалась тувинская система. Здесь различаются три фонации (напряженная – нейтральная – вялая) и два тона (ровный и восходящий). На возможность интерпретировать слоги с фарингализованными гласными как произносящиеся в напряженной фонации впервые указал С. Старостин (устное сообщение)²; им же обнаружена тувинская вялая фонация.

¹ Списки составлялись при помощи М. Рахимовой (уйгурский язык), М. Боргойковой (сагайский диалект хакасского языка) и К. Даваа (тувинский язык). Кроме того часть тувинского списка была проверена с помощью Б. Будуна. Занятия с Е. Кужаковой позволили частично соотнести сагайские данные с данными бельтирского диалекта хакасского языка. Всем названным лицам хочется пронести глубокую благодарность.

² Экспериментальные данные тувинских исследователей, видимо, подтверждают такое предположение. См. А.Ч. Кунаа. Звуковой состав тесхемского говора тувинского языка. АКД, Л, 1958; Б.К. Будуп. О тувинских фарингализованных гласных (рукопись).

Соотношение тонов и фонаций в тувинском языке можно представить в следующем виде:

Фонации тоны	вялая	нейтральная	напряженная
ровный .	-L	-V	
восходящий	/L	/V	тоновых различий нет С

Примеры *at^L* 'имя', *at^L* 'кидать', *at^C* 'конь' *t^Vtyt^V* 'лиственница', *t^Vyt^V* 'трепать шерсть' *s^Lak^L* 'час, время', *s^Lak^V* 'жалить', *s^Vak^V* 'совсем' *y^Vt^V* 'отпустить', *y^Ct^C* 'собака'.

Статистически наиболее редкой оказывается сочетание нейтральной фонации с восходящим тоном (/V); достаточно редки также слова ровного тона в нейтральной фонации.

Важной особенностью глаголов с суперсегментной характеристикой /L/ (вялая фонация + восходящий тон) является то, что при образовании от них некоторых двусложных производных (например причастий будущего времени) в них возникает напряженная фонация и соответствующий ей мелодический рисунок ('бросать' *at^L – at^Ldr^C*, 'продать' *s^Lat^L – s^Lat^Ldr^C* и др.), что встречается также в производных от имен в напряженной фонации ('голова' *pas^C – p^Castar^C* 'конь' *at^C – a^Ctar^C* и др.). Подобное явление может указывать на существование связи между С и /L/.

В односложных словах уйгурского и хакасского языков различаются две фонации: нейтральная и вялая. Тоновые различия при этом, видимо, отсутствуют. См., например, уйг. *ot^V* 'трава' – *ot^L* 'огонь', *at^V* 'конь, кидать' *at^L* 'имя'; *zut^V* 'терять', *zut^L* 'глотать'; хакас.: *at^V* 'стрелять', *at^L* 'конь, имя'; *it^V* 'делать', *it^L* 'мясо'; *xat^V* 'засыхать', *xat^L* 'скручивать' и др.

В настоящее время относительно надежно выявлены внешние соответствия только двум тувинским фонациям: напряженной и вялой (в обоих тонах). Вопрос о соответствии нейтральной фонации остается открытым. В заключение приведем таблицу установленных соответствий:

Тувинский	Туркм. и Якут.	Хакасский	Уйгурский
I. напряженная фонация	краткий гласный	вялая фонация	нейтральная фонация
II. вялая восходящий тон		нейтральная фонация	
III. вялая ровный тон	долгий гласный	вялая фонация	вялая фонация

		түб. at ^C	туркм. at	якут. at	хакас. at ^L	уйг. at ^V
I.	'коны'	at ^C	ät	ät	ät ^L	(ät ^L)
	'мясо'			—	—	kat ^V
	'слой'	kat ^C	gat	—	—	sat ^V
	'ручка'	syp ^C	sap	—	sap ^L	sap ^V
	'трава'	ot ^C	ot	ot	—	ot ^V
II.	'бросить'	ät ^L	at	at	at ^V	at ^V
	'продать'	sät ^L	sat	—	sat ^V	sat ^V
	'ржавчина'	tät ^L	—	—	tat ^V	dat ^V
	'лить'	thök ^L	dök	—	tök ^V	dök ^V
III.	'огонь'	öt ^L	öt	uot	ot ^L	öt ^L
	'имя'	ät ^L	ät	ät	at ^L	at ^L
	'синий'	kök ^L	gök	küök	kök ^L	kök ^L
	'жельч'	öt ^L	öt	üös	—	öt ^L
	'дыра'	üt ^L	—	üt	üt ^L	—

А.Н. Силантьев

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ И АДЫГСКИЙ ЭРГАТИВ. Реконструкция и типология.

1. Как известно, предположение о начальном единстве разделенных в индоевропейскую эпоху образований на **s/-*es/-*os* ведет к реконструкции праиндоевропейского эргатива. Соединение функциональных значений разделенных категорий в реконструируемой типично для так называемого "совмещающего эргатива" языков ярко выраженного эргативного строя, каковы, например, адыгские¹.

2. При этой реконструкции обычно утверждается вторичность индоевропейского аккузатива на **m* и последующее распространение этого показателя в номинатив основ среднего рода, исходно — основ пассивного класса, имевших в эпоху единого эргатива на **es* форму чистой основы.

3. Последняя гипотеза, однако, оставляет фактически необъясненным генезис аккузатива. Кроме того, неясны причины, по которым аналогия, распространяющая показатель аккузатива в номинатив некоторых основ пассивного класса, не затрагивает других.

4. С другой стороны, возможна группировка индоевропейских морфологических категорий, образуемых показателем **m/-em/-om*, полностью параллельная той группировке категорий, образуемых показателем **s/-es/-os*, что является исходной в реконструкции праиндоевропейского эргатива. Действительно, номинатив среднего рода на **m* и архаический генитив на **om* дают то же сочетание функциональных значений, что и номинатив общего рода (активного класса) на **s* и генитив на **es/-os*.

¹ См. А.Н. Савченко. Сравнительная грамматика индоевропейских языков, М., 1974, стр. 361–370.

5. Более того, характерное для совмещающего эргатива адыгских языков значение направительного падежа присуще как раз индоевропейскому аккузативу. Уже этот факт наводит на мысль о существовании единой категории прайндоевропейской эпохи, эквивалентной эргативу, характеризовавшейся показателем $-\ast_m$, и распавшейся в индоевропейском на номинатив/аккузатив и генитив, которая была первичной по отношению к подобной, но ущербной по сравнению с ней, категории, характеризуемой показателем $-\ast_s/-\ast_{es}$.

6. Наконец, важной типологической параллелью представляется аналогия в образовании косвенных падежей гетероклитических основ в индоевропейском и косвенных падежей языков эргативного строя. Известно, что, например, в адыгских последнее происходит от основы, равной имени в форме эргатива. В то же время образование косвенных падежей (в том числе генитива) гетероклитик происходит на базе основы, образованной от чистой путем модификации ее назальным суффиксом. Возведение последнего к форманту $-\ast_m$ не противоречит фонетическим законам, установленным для индоевропейского. Существенно, что, по данным хеттского языка, в конструкциях с переходным глаголом гетероклитики в роли субъекта образуют номинатив на $-\ast_s$ от косвенной основы, в чем можно видеть подтверждение гипотезы о смене двух эргативов.

7. Предполагая, на основе архаичности гетероклитического склонения и генитива на $-\ast_m$, исходный единый прайндоевропейский эргатив на $-\ast_m$, возможно объяснить выделение из него аккузатива на основе продолжения параллелей с адыгскими языками. Известно, что эргатив в последних существенно несет в себе значение определенности оформленного им имени, артиклевую функцию¹. Очевидно, именно развитие этой функции (связанной и с направительным значением) доминировало в эргативе на $-\ast_m$ в прайндоевропейском, что повело в дальнейшем к появлению нового эргатива, по тем же функциональным моделям, но с определенными модификациями. Одной из них явилась утрата значения направительности, оставшегося за формой на $-\ast_m$. Другая состояла в связи нового эргатива с устанавливающейся, очевидно, именно в эту эпоху системой языковой классификации.

8. Неравномерностями, естественными в установлении такой системы, объясняются и неравномерности в последующем распределении индоевропейских существительных по родам и группам в различных языках. Обстоятельства внешней истории последних могли вести лишь к закреплению таких неравномерностей.

9. С точки зрения ностратической теории, помимо типологических параллелей, возможности которых расширяются предложенной гипотезой, любопытным является материальное совпадение формантов начального прайндоевропейского эргатива, номинатива в гетероклитиках и соответствующих показателей адыгских языков ($-m$, $-r$). Первый из них наличен в той же роли и в картвельской группе. Предложенная гипотеза может быть указанием на необходимость определения отношения к ностратическим языкам адыгской группы, с древнейших времен расположенных в непосредственном с ними соседстве.

¹ М.А. Кумахов. Словоизменение адыгских языков М., 1971, гл. 4.

НОСТРАТИЧЕСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

1. *Čepj* или *Čeńi* 'тонкий, узкий': и.-е. *sten-* 'узкий' (Pok. 1021) ~ урал. *čep̚* 'тонкий, короткий' (SKES, I, 72).

2. *IUb* 'молоко': с.-х. *Ibn* 'делать белым, молоко' (Ges. Buhl, 377) ~ урал. *lūpšā* 'молоко, доить' (SKES, II, 318).

3. *śoma* 'хороший, готовый': урал. *śoma* 'хороший' (этим. наша) ~ драв. *сатъ* 'готовый, готовить' (DED, № 1934).

4. В рукописных материалах В.М. Иллич-Свityча содержится под вопросом сопоставление урал. *rećä* 'сосна' ~ груз. *ričvi* (*bicvî*) ~ тюрк., якут. *bäs*. Данной этимологии препятствует отсутствие этого слова в других картв. языках. Несмотря на указание Г.А. Климова о вероятном некартвельском происхождении груз. слова, мы рискуем считать его картв. и ностр. на следующих основаниях: 1) Все фонетические переходы от ностр. к картв. в данном слове соблюdenы: колебание *r* ~ *b*, переход *e* > *i* (если считать ностр. формой *rečl*); 2) картвельских языков всего три, и несохранение слова в двух из них не может быть решающим аргументом против исконности этого слова. Из картв. *ričw-* было заимствовано в и.-е.: и.-е. *ritu-* (Pok. 794). Переход *č* в *t* при заимствовании в и.-е. — нормальное явление (ср. сем. *čašgi-* и.е. *tauros* 'бык'). Можно подозревать заимствование из картв. в аккад. *bîššu* 'садовое растение' (Ass. dict, т. II, 270), *piššu* (Delitzsch, 551). Однако неясно, какое садовое растение скрывается за данным аккадским словом.

Далее даются дополнения и исправления к известным этимологиям.

5. Представляется маловероятным сравнение урал. *rükä* (реконструкция наша) 'шишка' и т.-м. *bökä* то же с и.-е. *pik(h)o* — 'узел', 'комковатый' ("Гипотеза"). Более правдоподобно сравнение этого урал. и т.-м. слова с и.-е. *reiķ* 'сосна' (Pok. 828). Ностр. реконструкция *bükä*. В и.-е. действовал закон несовместимости звонкого придыхательного с глухим (*bheuk* > *reiķ*).

6. Представляется возможным связать ностр. *ni(h)rə* 'течь' (Материалы 369) или *nogъ* 'влажный' (Материалы 333) с многочисленными гидронимами в Евразии вида *nVr* ... (*Narva*, *Naroch*, *Neris*, *Neretva*, *Nerль*, *Nero* и т.д.), а также с греч. *νηρός* 'свежий' (о рыбе, воде) (Frisk, вып. 14, 316).

В.Н. Топоров

ИЗ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ: К РЕКОНСТРУКЦИИ ОБШЕЕНИСЕЙСКОГО КОНСОНАНТИЗМА
(предварительное сообщение)

По условиям места здесь излагаются лишь самые общие выводы; частности, многие исключения, альтернативные решения, примеры поневоле остаются за

пределами тезисов. Предлагаемая схема смычных отличается от соответствующего наброска Хэмпа, сделанного на основании одной из прежних работ автора об аринском консонантизме. Эти отличия – не столько даже в составе фонем, сколько в мотивировке соответствующих реконструкций. Именно она представляет сейчас наибольшие затруднения; но она же гарантирует надежность реконструкции, и, если угодно, определяет круг наиболее близких аналогий из диахронической типологии. Сразу же следует сказать, что настоящие схемы зависят прежде всего от конкретных данных енис. языков (словарные материалы по XVIII в., а по коттскому яз. – и XIX в.; кетские и сымские (югские) данные – по записям последних 20 лет), хотя эти данные далеко не всегда могут быть надежно проанализированы. Поэтому ряд заключений пока носит приблизительный характер и нуждается в уточнении. Тем не менее, на этом этапе автор не позволяет себе конкретизирование получающихся результатов типологическими данными (предполагается, что это будет сделано позже) из опасения невольного "легкого" решения возникающих при анализе конкретных фактов трудностей. Так, в частности, по внутренним причинам было сочтено возможным реконструировать "ларингальные", хотя уже указывалось (В.В. Иванов), что в диахронической типологии чаще задненебные "изнашиваются" в ларингальные фонемы (или тонемы), чем последние "отвердевают" в задненебные (и, более того, отдельные енис. примеры с предполагаемым ларингальным получили иное объяснение).

Уместно привести основные ряды соответствий, заострив внимание на особой четкости и, видимо, архаичности аринских фактов.

Наиболее единообразный ряд связан с *t* (в нач., серед. и конце слова): ар., acc., кот., пумп., сым., кет. и др. (случаи ар. *t*: пумп., кет. /однажды – acc., кот./ *d* объясняются: поздним диал. развитием в сев.-енис. языках, положением в слове /его конец, соседство зубных *d*.../, заимствованием и т.п.; единичное соответствие пумп. *t* : кот. *č* : acc., сым., кет. *s*, *s'* /название для реки/, возможно, предполагает участие тюркск. элемента: *t* > *č*, с последующей утратой смычки).

Другой ряд – ар., acc., кот., кет. *t'* (ар. *t'*: acc., кот., пумп. *t* объясняется или слабым вниманием графики к передаче мягкости, или положением *t* перед гласн. передн. ряда, или диал. отвердением *t'*); единичное исключение – пумп. *t* : ар. *t''*: acc., кот. *š* : кет. *s* (слово 'красный').

Исключая заимствования и малонадежные случаи есть лишь один пример кот., кет., сым. *d*; м.б., сюда же ар. *d*: acc., кот., кет. *t*. Ущербность *d* (напр. отсутствие *d*- в нач. слова; его крайняя редкость и т.п.) во всех енис. яз., кроме сев.-енис., очевидна. Еще более условен ряд кот., кет., сым. *d'*.

Надежен ряд ар., acc., кот., пумп. *p* (в нач. и конце слова) при отсутствии достоверных примеров в сев.-енис. Случай ар. *p*: пумп., кет. *b* (однажды кот. и acc.), как и ар. *p*: пумп., сым. *f*: кур., эд. *v*: имб., ост. *h*, могут объясняться диал. развитием.

На основании ар. *p'*: acc., кот. *p* (ср. *t'*) условно можно говорить о ю.-енис. *p'*; об ар. *p'h*: acc., кот., пумп. *p* (или *pf*, *f*, *h*) см. в другом месте.

Достоверен ряд ар., acc., кот., пумп., сым., кет. и т.д. *b*. Случаем ар. *b* : acc., кот., пумп. *p*; ар. *b* : acc. *v*: пумп. *pf*: ост. *bh*: енис. *h* объясняются аналогично *p*; в ю.-енис. есть некоторые следы ограничений в распределении в слове. Реконструкция *b'* (ар. *b'*: *b*) в высшей степени условна.

Ряд ар., acc., кот., кет., сым. *k* очевиден, но немногочислен (зато он постоянен в заимствованной лексике). Как позднее диал. развитие объяснимы ар. *k*: кет. *q*; ар. *k*: acc., кот., пумп. *h*; ар. *k*: acc., кот., пумп., кет. *x*.

Ряд ар. *k'*: кот., пумп. *k* (видимо, перед исконно передн. гласн.) позволяет с известным вероятением реконструировать *k'*.

Ряд ар., асс., кот., сым., кет. и т.д. *g* устанавливается исключительно для положения в серед. слова (в ар. нет ни одного слова с *g-*, в кет. и сым. *g-* вариант фонемы *k*). Ар. *g*: пумп., кет. *j* и ар. *g*: кет. *Y*, *y-*, как правило, перед гласн. передн. ряда. К ар. *g*: асс., эд. *h*ср. *k*).

Ряд ар., кет. *q*, по крайней мере, отчасти м.б. пополнен некоторыми примерами из серии ар. *q*: асс., кот., пумп., кет. *k*. Эта последняя, как и ар. *q*: асс., кот., пумп., кет. *x* или ар. *q*: асс., кот., кет. *g*; ар. *q*: асс., кот. *č*: пумп., кет. *č*: кет. *t*: пумп. *k* (перед гласн. передн. ряда), аналогичны уже рассмотренным примерам. Всеслово условна реконструкция *q'*, ср. ар. *q'*: асс. *x*: кот. *h* и т.п.

Несомненно ряд ар. *k*: асс., кот., пумп., кет. // (нуль), что в корне отлично от безусловного сохранения *k* в этой позиции во всех енис. яз. (см. выше).

Ряд ар. *g*: пумп., кет. (м.б., асс., кот.) // (нуль) аналогичен предыдущему.

То же относится к ряду ар. *q*: асс., кот., кет. // (нуль) при обычном сохранении *q*.

Если несколько корректировать получающиеся результаты представлениями об идеализированной схеме, то она могла бы иметь следующий вид:

<i>t</i>	<i>t'</i>	<i>p</i>	[<i>p'</i>]	<i>k</i>	(<i>k'</i>)	<i>K</i>	<i>q</i>	[<i>q'</i>]	(<i>Q</i>)
(<i>d</i>)	[<i>d'</i>]	<i>b</i>	[<i>b'</i>]	(<i>g</i>)		<i>G</i>			

(где *q* – увулярный, а *K*, *G*, *Q* определяются соответственно соотношением ар. *k*, *g*, *q*: енис. / друг. яз. // (нуль) и могут быть квалифицированы как ларингальные элементы (или же фарингальные), м.б., щелевые). При более жестком подходе, учитывающем положение в слове (нач. слова – сильная позиция):

<i>b</i>	(<i>d</i>)	(<i>g</i>)	(<i>G</i>)
(<i>p</i>)	<i>t</i>	<i>k</i>	<i>q</i>

Приведенные выше соответствия и эта схема помогают обнаружить некоторые общие тенденции в развитии енис. консонантизма и основные диал. зоны. Точно также напрашиваются и некоторые типологические аналогии, прежде всего с языками того же ареала (или смежных), ср. др.-туркск. консонантизм (роль начала слова, соотношение звонкости-глухости, увеличение звонкости, спирантизация, смягченные согласные и т.п., не говоря уж о конкретных звуковых изменениях), многочисленные аналогии из монг. и т.п. Разумеется, первоочередная задача – конкретное фонологическое истолкование этой схемы и ее (хотя бы ближайших) возможных диахронических истоков. Наконец, сама схема могла бы принять несколько иной вид при допущении, что аринск. консонантизм не наиболее архаичный среди енис. языков, а наоборот, подвергся сильному влиянию со стороны др.-туркск. системы согласных.

ПАРАДОКСЫ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

До сих пор в сравнительно-историческом языкоznании заимствования (3.) рассматривались скорее как помехи для установления системы строгих соответствий между разноязычными, но генетически связанными элементами, и уж во всяком случае как нечто внешнее. Поэтому 3. безоговорочно исключались из того корпуса лексем, на основании которого строится ср.-ист. фонетика языков данной группы. Таким образом, эвристическое значение 3. для ср.-ист. языкоznания состояло в том, чтобы быть негативным инструментом обратной связи, удостоверяющим непригодность данного сопоставления с точки зрения его использования в ср.-ист. исследований и указывающим тот предел, где кончается компетенция ср.-ист. языкоznания. Впрочем, уже сами 3. в сопоставлении с их источниками обнаруживают определенные ряды фонетических соответствий, которые, однако, апеллируют не к ср.-ист. фонетике (и, следовательно, в принципе к некоему "третьему", более древнему источнику), а исключительно к самим себе, т.е. к схеме чистого отношения, определяющего аккомодацию чужого своему; собственно, 3. и есть запись (в идеале – фонетическая) складывающегося отношения своего и чужого, указание меры совершающегося обмена. Но само наличие соответствий этого типа (при 3.) уже таило в себе возможность использования 3. и в ср.-ист. языкоznании, что имело и практические реализации. Речь идет о возможности обратного заключения от особого ряда соответствий к постулированию 3., которое иногда помогает установить и общий источник элементов соответствия (случай *τάφος*, *τύμβος* и **d̥m̥bh-*). Уже эта ситуация не позволяет говорить об обычных хронотопических условиях заимствования (более старое → более новое, ареал А → ареал В, различие "дающего" и "берущего"), из которых легко делаются конкретные выводы историко-культурного и лингвистического характера. Отказ принимать во внимание более сложные условия приводит нередко к искажению всей перспективы. Так, основной недостаток теоретического характера при исследовании балтизмов (по крайней мере на вост.-слав. и особенно русской территории) состоит в том, что они рассматриваются как относительное позднее явление и вне проблемы этнической и лингвистической истории периферийных балтийских племен и их дальнейших трансформаций. Между тем, типология балтизмов такова, что при рассмотрении их нет необходимости во всех случаях непременно предполагать обычную двучленную ситуацию – заимствуемое и заимствующее. Во многих случаях такая схема лишь дань традиции. Если бы за этим соотношением не стоял этнолингвистический переход (балт. → слав., конкрет.: русск., белорусск. и т.п.), то, может быть, балтизмы в вост.-слав. говорах и не рассматривались бы как 3. по преимуществу. Во всяком случае здесь необходимо обратить внимание на возможность принципиально иного понимания вост.-слав. балтизмов, а именно: в русских говорах метрополии балтизмы, строго говоря, не являются 3.; здесь они у себя дома; они не нововведение, а архаизм. Самы по себе балтизмы неподвижны относительно разных языковых комплексов (как, например, в собственно балтийском ареале), но вокруг этих уцелевших архаизмов балт. речи сама языковая среда изменилась настолько радикально, что они из части материка превратились в островки и на фоне произошедших

вокруг изменений стали восприниматься совсем в ином топосе. Основным и исходным стало считаться то, что с исторической точки зрения, строго говоря, и является З. (т.е. собств. русские слова). В подобных ситуациях может существенно изменяться обычная информация о хронотопических параметрах языкового обмена и его участниках, содержащаяся в З. (и уподобляющая их сложным образцам художественного текста): место (или соответственно – этнолингвистические комплексы), время, "свое" и "чужое" как разные результаты неполного усвоения З. (ср.: если при заимствовании *abcd* → *amcd*, то возможны следующие выводы: а, с – свое, не отличимое от чужого, б – свое, отличное от чужого т, т.е. результат неполной субSTITУции, д – чужое, перенесенное без изменений и не имеющее в своем соответствий). Само наличие в З. всех этих параметров и возможность нетривиальных значений этих параметров делает З. существеннейшим (а иногда весьма дифференцированным) вектором в историческом языкоznании, что в отдельных случаях позволяет объяснить некоторые парадоксальные ситуации, небезразличные и для собственно ср.-ист. исследований. Здесь достаточно ограничиться лишь одним примером, вводящим в игру обратное направление времени (от будущего к прошлому, в отличие от обычного при З. направлении: прошлое будущее). Для многочисленных З. в прусском языке из славянских установлены ряды соответствий, определяющие правила интерференции. Таким образом, фактически выстраивается схема переходов, позволяющая (кроме нескольких особых случаев) делать более или менее автоматические "реконструкции" в обе стороны (слав. → прусск. и прусск. → слав.). Сам факт принципиальной двусторонности "реконструкции" в сочетании с характером соответствий свидетельствует наличие специфической парадоксальной ситуации, суть которой в следующем: для большинства цепочек перехода звуков типа слав. *a* → прусск. *a₁* оказывается, что "вторичное" прусск. *a₁* является диахронически предшествующей стадией "первичного" слав. *a*. Иначе говоря, создается парадоксальное положение, когда при заимствовании из слав. в прусск., последний (prusск.) косвенно синтезирует ("восстанавливает") более раннюю праслав. форму (например, слав. *č* → прусск. *k* при том, что само *č* из праслав. **k*; или слав. *c'* → прусск. *t* при том, что само *c'* из праслав. **t* и т.п.). Обобщая эту ситуацию и имея в виду лишь ее теоретический аспект, можно сказать: если бы прусский язык заимствовал весь славянский словарь, это и было бы реконструкцией всего праславянского словаря. Следовательно, каждое прусск. З. из слав. (не праслав.!), как правило, является архаизирующим (трансформация архаизации как особый тип, своего рода лингвистический бумеранг). Объяснение этому парадоксу в том, что прусские лексемы, записанные, так сказать, балтийским морфонологическим алфавитом, хронологически (точнее, хронотопически) предшествуют славянскому морфонологическому алфавиту, что и создает эффект архаизации. В реальной ситуации прусск.-слав. контактов такое соотношение может быть проще всего (с некоторым, впрочем, огрублением) понято, если рассматривать прусский как относительно верную модель праславянского. В этом случае оказалось бы, что заимствование прусским из слав. эквивалентно заимствованию праславянским из слав. (т.е., например, VII в.н.э. ← XII в.н.э.), что явилось бы образом обратного течения лингвистического времени. Такая ситуация характерна, видимо, прежде всего для отношения языковых элементов, которые генетически связаны друг с другом, но фиксируют две смежных во времени стадии (более раннюю и более позднюю). Отсюда – возможность весьма решительных выводов относительно понимания слав. и прусск. как различных языков (исключая, конечно, временные

характеристики). Разумеется, такого рода ситуации многократно повторялись в истории отдельных языков. Когда речь идет о таком сверхединстве, как насторожительные языки, то следует помнить, что многое исчезло безвозвратно, хотя бы в силу того, что различие 3. и не-3. допустимо лишь в ограниченных временных пределах. Впрочем, и опыт географии слов (особенно в варианте немецкой диалектографии), не говоря об идеях Шухардта, ориентирует на принятие внушиительной роли внутриязыковых и других парадоксальных видов заимствования, смещающих значение всех информационных параметров обычного 3.

В. Д. Фатнева

СЛОВО "КРУГ" И ЕГО ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

1. Русское "круг" принадлежит к фонду тех слов, которые известны всему славянскому миру. В качестве слов, близко родственных ему, приводятся германские формы типа: др.-исл. *hringr*, др.-в.-нем., англо-сакс. *hring*.

В семантическом и, в конечном счете, в фонетическом аспектах этим формам близким является глагол *wringel* 'выжимать, выкручивать (белье)', особенно широко распространенный в нижненемецких диалектах Северного побережья. Этот глагол, в свою очередь, по происхождению родственен довольно значительной лексической группе; ср.: др.-исл. *wrangr* 'кривой, косой', ср. ср.-нем. *wrange* 'дуга', др.-швед. *ura* 'угол'. Сюда же относится ряд германских форм, утративших начальное *w-*: *ringen* (*Hände*), *Rank M*, *renken* и его производные.

Учитывая семантическую близость приведенных германских форм и их почти полное материальное совпадение, в качестве общегерманской основы для них можно реконструировать **h₂reng-*//**h₂rong-* в значении 'вить, сгибать; крутить, хитрить'.

Слово 'круг' является этимологически изолированным и на славянской почве не имеет производящей основы. Само же оно послужило базой для возникновения большой лексической группы.

Так как для объяснения происхождения слов. **krogъ* привлекается лексический материал, в основном, германских языков, то можно предположить, довольно раннее заимствование этого слова из германского источника. Поскольку это слово с его многочисленными производными содержится в славянских языках всех трех групп, можно говорить об его заимствовании в период их языковой общности.

Так, как в германских языках содержится значительное количество слов, восходящих к основе **h₂reng-*//**h₂rong-*, а в славянских, литовском, соприкасающихся с германцами территориально, имеются лишь отдельные формы, то можно говорить о диалектном характере этой основы и о возможности заимствования отдельных лексических единиц в языки соседей из германского источника.

К ОПИСАНИЮ И ДИАХРОНИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ПЕРМСКИХ ТОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ

1. Собранные в последнее время данные, несмотря на их неполноту и недостаточную выверенность, свидетельствуют о том, что коми и удмуртский языки – равно как и многие другие языки уральской семьи – обладают системами тональных оппозиций. В обоих языках наблюдается противопоставление двух тонов, не зависящих в своем появлении от фонетического окружения: к. *kər¹* 'олень' – *kər²* 'вкус', *pon¹* 'конец' – *pon²* 'собака', *bi¹* 'огонь' – *pi²* 'сын'; у. *kur¹* (*/jrze kur ka-rijni* 'обозлить'); *kur²* 'луб', *je¹* 'лед': *ke²* 'жернов', *kiž¹* 'моча' – *niž²* 'соболь'. Тон ¹ характеризуется восхождением и/или более высоким регистром (в коми языке также обычной фонацией и отсутствием удлинения гласного), а тон ² – нисхождением и/или более низким регистром (в коми также расслабленной фонацией и иногда незначительным продлением гласного).

2. Сопоставление акцентуации этимологически тождественных слов коми и удмуртского языков позволяет предположить общее прародильское происхождение тонов. Чаще всего одноименные тоны двух этих языков соответствуют друг другу: к. *bər¹* 'задняя часть', у. *ber¹*; к., у. *kik¹* 'два'; к., у. *kiž¹* 'двадцать'; к., у. *kuž¹* 'длинный'; к. *te¹* 'я', у. *ton¹*; к., у. *läh¹* 'хлеб'; к., у. *pit¹* 'имя'; к. *kol¹* 'четыре', у. *nił¹*; к., у. *reñ¹* 'ухо'; к., у. *ri¹* 'дерево'; к., у. *purt¹* 'нож'; к., у. *surs¹* 'тысяча'; к. *tel¹* 'зима', у. *tol¹*; к. *vez¹* 'зеленый', у. *vož¹*; к., у. *vir¹* 'кровь'; к. *vil¹* 'новый'; у. *vił¹*; к. *eš²* 'бык', у. *oš²*; к., у. *ki²* 'рука'; к. *kvajt²* 'шесть', у. *kual²*; к. *mes²* 'корова', у. *mes²* 'самка'; к. *toñ²* 'сноха', у. *-teñ²* (*ícitmeñ²*); к. у. *ri²* 'сын, мальчик'; к., у. *śin²* 'глаз'; к. *važ²* 'вода', у. *vu²*; к. *voj²* 'ночь', у. *uj²* и т.д. Систематически наблюдается соответствие к. *o¹*: у. *u²* (к. *bord¹* 'крыло', у. *burd²*; к. *mort¹* 'человек', у. *murt²*; к. *pon¹* 'конец', у. *rin²*; к. *soj¹* 'глина', у. *biž²* и т.д., ср. ниже), что, вероятно, объясняется метатонией, сопровождавшей переход *o>u* в удмурт.: высокий тон на более широком гласном превратился в низкий на более узком гласном. Метатония имела место и в положении перед **ȝ* (к. *din²* 'комель', у. *din¹*; к. *an²* 'нёбо', у. *ap¹* 'челюсть'; к. *piň²* 'зуб', у. *piň¹*), а также, возможно, перед **r* и **z*. Некоторое незначительное в процентном отношении) число необъясненных расхождений в акцентуации (к. *das²* 'десять', у. *das¹*; к. *vug¹* 'джурка', у. *vug²* и др.) является, возможно, следствием ошибок, допущенных нами в фиксации тонов при работе с информантами.

3. Даже предварительная (весьма условная) реконструкция прародильских тонов проливает новый свет на вопрос о причинах неоднозначной рефлексации финно-угорских **a*, **o* и **ö* в прародильском. Каждый из этих трех гласных может отражаться в виде перм. **u*, **ö* или **ø* (ф.-у. **a* дает, кроме того, и перм. **a*, преимущественно в двухсложных или связанных суффигированных основах, а также в ономатопеистических корнях). Это позволяет предположить, что на раннепрародильском этапе ф.-у. **a*, **o* и **ö* слились (после "отщепления" источника перм. **a*), а их общий рефлекс (скорее всего **ø*) развивался далее по особым закономерностям, не зависящим от качества гласного – "первоисточника". По-видимому, эти закономерности были связаны с акцентными (тональными) факторами, т.к. доминируют следующие два типа фонетических соответствий:

а) Ф.-у. **a*, **o* или **ö*: перм. **ö* (преимущественно в бывших *e*-основах) или **ö* (преимущественно в бывших *a*-основах), при том, что в современных языках рефлекс соответствующего гласного имеет тон ¹ (в удмуртском и ² в результате упоминавшейся выше метатонии): ф.-у. **pančž* или **pončž* > перм. **böčž* > к. *bečž*¹ 'хвост'; ф.-у. **kama* > перм. **kom* > у. *kem*¹ 'кошка'; ф.-у. **köle* > перм. **nöł* > к. *ñeł*¹ 'стрела'; ф.-у. **poša(s)* > перм. **pors* (из **pörs*) > к. *rors*¹ 'свинья', у. *parš*¹; ф.-у. **wöte* > перм. **vö* > к. *vo*¹ 'год'; ф.-у. **söm*₃ > перм. **söm* > к. *sem*¹ 'чешуя'; ф.-у. **söla* > перм. **söł* > к. *sol*¹ 'соль'; ф.-у. **ape* > перм. **öm* > к. *vom*¹ 'рот', у. *jm*¹; ф.-у. **öra* > перм. **or* > к. *or*¹ 'гной', у. *ur*²; ф.-у. **śata* > перм. **śö* > к. *śo*¹ 'сто', у. *śu*² и др.

б) Ф.-у. **a*, **o* или **ö*: перм. **u* при том, что в современных языках рефлекс соответствующего гласного имеет тон ²: ф.-у. **para* > перм. **bur* > к. *bur*² 'хороший'; ф.-у. **köle* > перм. **kul* > у. *kul-e*² 'умирает'; ф.-у. **maye* > перм. **mu* > к., у. *tu*² 'земля'; ф.-у. **maksa* > перм. **mus* > к., у. *mus*² 'печень'; ф.-у. **pola* > перм. **pul* > к. *pul*² 'брусника'; ф.-у. **söße* > перм. **sug* > у. *zim-e*² 'ныряет'; ф.-у. **śorwa* или **śarwe* > перм. **śur* > к., у. *śur*² 'рог'; ф.-у. **ala* > перм. **ul* > к., у. *ul*² 'низ' и др.

Примеров, в который рассматриваемым финно-угорским гласным соответствует перм. **u* при тоне ¹ в языках-потомках или перм. **ö*, **ö* при тоне ², среди рассмотренного материала в несколько раз меньше (вторичные фонетические или акцентные изменения? ошибки в фиксации тонов?).

Таким образом, для раннепрарусского **ö* развитие в перм. **ö* или **ö* имело место, по-видимому, при таком тоне или тональном контуре, который отражается обычно как высокий тон. При ином тоне (тональном контуре), отраженном низкими тонами современных пермских языков, этот гласный сужался в перм. **u*.

4. Можно надеяться, что дальнейшее изучение пермских и других уральских тональных систем (и в первую очередь — составление обширных списков надежно проакцентированных слов) даст материал для решения ряда спорных вопросов сравнительно-исторической фонетики уральских языков.

В.И. Цинциус

О КОНВЕРГЕНЦИИ СОГЛАСНЫХ В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Процесс многовекового развития языков алтайской общности привел в области их звукового строя к конвергенции некоторых согласных.

2. Явления конвергентного характера наблюдаются как в масштабах целых семей (т.-ма., м.о., тюрк.), так и отдельных языков, диалектов, говоров.

3. В.М. Иллич-Святых обратил специальное внимание на тождественность рефлексов праалтайских альвеолярных смычных переднеязычных **m̥*, **m̥*, **đ* и гуттуральных **k̥*, **k̥*, **i*.

4. Совпадения прослеживаются и в ходе модификаций согласных, исторически различных по местообразованию, так, в большинстве говоров эвенского языка совпали в своем развитии согласные **n̥* и **c*, которые в быстрицком говоре эвенов Камчатки, а также в якутском языке полностью исчезли, ср.:

алт. *perkei: ср.-мо. *heregei*, п.-мо. *erekei*, монг. эрхий; ма. фэрхэ, нан. пэрхэ, эвенк. *huryuun*, эвен. *hərəyən*, быстр. эрэүэн; др.-турк. *erqäk~erträk*, як. *ärbäk* 'пaleц' (большой).

алт. *sā-: п.-мо. *sa-*, монг. *sana-*, бур. *hana-* 'думать'; эвенк., нан., ма. *sā-*, эвен. *hā-*, быстр. *ā-* 'знать'; др.-турк. *sa-*, *sana-*, як. *āx-* 'считать'.

5. Значительное количество слов с инициальным гласным в быстринском говоре обусловлено, помимо конвергентного развития *c>h>O и *n>h>O, аналогичным процессом для аналautного *k< x>h>O, характерным для большинства т.-ма. языков, ср.:

алт. *k̥əñfi-: п.-мо. *kürg-*, монг. *хүрэ-*, бур. *хүрэ-* 'достигать, доходить'; орок. хури, нан., ульч. хуру, ма. урэ- 'дойти до готовности, поспеть, созреть, свариться', эвенк. -э, эвен. *ir-* 'поспеть, созреть, свариться, испечься'; тюрк. *küz < *kūr¹; чув. *kēr*, др.-турк. *küz*, тур. *güz*, туркм. *güz*, як. *küs* 'осень'.

Относительно семантической связи между тюрк. 'осень' – т.-ма. 'созреть, дойти до готовности' – мо. 'достичь (предела)' ср. т.-ма. *бolo-* 'настать осени, осенью, осень' – монг., бур. *бolo-* 'становиться, делаться, поспевать, созревать, вариться' – др.-турк. *bol-* 'случаться, иметь место, становиться', туркм. *bol-* 'появляться на свет, дать урожай, быть, являться' чув. *pul-* 'быть, становиться, созревать, поспевать'.

6. В т.-ма. языках Приамурья и Приморья инициальные *c, *n^c, *k^c совпадают в своих рефлексах в позиции перед узкими гласными i, e, u, отражаясь в видах зелевого c, то есть *c+u > ci, *n^c+u > xu > ci, *k^c+u > xu > ci, ср.:

т.-ма. *пина: нан., ульч., орок. *pina*, ма. ф'ана (<фина>), эвенк. *hina*, нег. *xina*, уд., орок. *sina* 'котомка, поняга, заплечные доски для перенесения груза';

т.-ма. *к'имана-: нан. *ximana~simana-*, эвенк. нег., уд., орок. *imana-*, эвен. *imän-* 'идти снегу';

т.-ма. *силэ: эвенк., нег., ма., нан., ульч., уд., орок. *silə*, эвенк. *hılə*, эвен. *hıl-*, быстр. *il-* 'отвар, бульон, уха'.

7. Специального внимания заслуживает вопрос о тюркском аналautном j(ü) или Θ (межзубный глухой щелевой), как результате конвергентного развития нескольких общепалтайских консонантов (ü, ð, ž, n^h). Рефлексами этого общетюркского ü в отдельных языках является целая серия среднеязычных и переднеязычных согласных (ü, ž, z, ð, č, c, c'), ср.:

др.-турк. *jok*, туркм. *йök*, алт. *ð'ok*, казах. *жок*, балк. *zok*, тув. *чок*, як. *суюх*, чув. *с'ук* 'нет'.

Таким образом с общеалтайских сравнительно-исторических позиций можно говорить о конвергентно-дивергентном развитии тюркского j(ü).

Примеры:

алт. *йада-: мо. *йада-* 'не мочь', нан. *йада-* 'устать'//др.-турк. *jaday*, казах. *жалау*, алт. *дъайу*, тув. чадыг, як. *саты*, чув. *с'уран* 'пешеход'.

алт. *далуга-: мо. *doluua-*, эвенк. *dalā-* 'лакать'//др.-турк. *jalya*-казах. *жала-*, алт. *дъала-*, тув. *чыла-*, як. *сала-*, чув. *с'ула-* 'лизать'.

алт. *жүгэ: мо. *жöгэ-*, т.-ма. *žügü-* 'переносить, перевозить'//др.-турк. *jük-*, казах. *жүк*, алт. *дъүк*, тув. *чуък*, як. *с'ük-*, чув. *с'äk-* 'ноша, выюк, ташить на спине'.

алт. *н'удурга: мо. *нидурга*, эвенк. *nurgä*, ма. *нүжан*//др.-турк. *йудрук*, тув. *чудурук*, як. *сутурук* 'кулак'.

ЗАПАДНОКАВКАЗСКАЯ АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА И ПРОБЛЕМА ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

1. В абхазском языке у непроизводных имен усматриваются три акцентных типа, определяемые поведением акцента в трех словарных формах: тип I (а.п. *a*) – чл. ф. *a-lá*, едч. ф. *lá-k*, мн. ч. *a-la-k^oa* 'собака'; тип II (а.п. *b*) – чл. ф. *á-bla*, едч. ф. *bla-k^o*, мн. ч. *á-bla-k^oa* 'глаз'; тип III (неподвижный) – чл. ф. *a-pséz*, едч. ф. *pséz-k*, мн. ч. *a-pséz-k^oa* 'рыба'. Последний тип явно вторичен: если исключить многочисленные заимствования, входящие в него, то оставшиеся исконно абхазские слова являются дез тимологизированными словосложениями и восходят к III акцентному типу словосложений, у которых второй элемент имел выпавший в безударной позиции гласный *-ə* (III акцентный тип словосложений наблюдается у тех словосложений, первый элемент которых относился к типу I, второй – к типу II, закономерность неподвижности акцента при таком сочетании компонентов будет ясна из дальнейшего; об акцентных типах абхазских словосложений см. В.А. Дыбо. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. "Кузнецковские чтения 1973", М. 1973, стр. 8–9).

2. Поведение акцента I и II типов в парадигме тесно связано с его перемещениями при постановке словоформы в минимальное фразовое окружение (т.е., главным образом, при соединении с "энклитикой"), поэтому оба явления могут рассматриваться совместно. Наблюдается следующее распределение:

	N	'Формы и типы окружения'	Aкц. тип I (<i>a</i>)	Aкц. тип II (<i>b</i>)
Формы без члена и без притяжательных префиксов	1	Изолированная основа	<i>lá</i> 'собака' <i>wasá</i> 'овца' +	<i>blá</i> 'глаз' <i>sasé</i> 'гость'
	2	Единичная форма	<i>lá-k</i> , <i>wasa-k</i> + +	<i>bla-k^o</i> , * <i>sasa-k^o</i> (> <i>blá-k</i> , <i>sasó-k</i>)
	3	instr.	<i>šá-la</i> 'кровью' <i>xá-la</i> 'головой' <i>špá-la</i> 'ногой, пешком' <i>čá-pá-la</i> 'днем' <i>zá-la</i> 'водой' <i>labá-la</i> 'палкой' +	<i>máč-lá</i> 'силой' <i>mgá-a-lá</i> 'брюхом' <i>máš-lá</i> 'днем' <i>stax'-lá</i> 'следом' <i>cáx-lá</i> 'ночью' <i>báx-a-lá</i> 'пополам'
	4	casus caritativus	бзыб. <i>wasá-da</i> 'без овцы'	бзыб. <i>mgá-dá</i> 'без солнца'
	5	чистая основа с союзом <i>g^o</i>	<i>ncá-a-g^o</i> 'и бог' <i>pha-g^o</i> 'и дочь' <i>pa-g^o</i> 'и сын'	<i>máč-a-g^o</i> 'и дорога' <i>par-g^o</i> 'и священник' <i>harak-g^o</i> 'и высокий'
	6	Нечленное мн. ч.	<i>ra-cá</i> 'сыновья' +	<i>sas-c^oa</i> 'гости'

	N	Формы и типы окружения	Акц. тип I (a)	Акц. тип II (b)
Формы без членя- на и без притя- жательных предиксов	7	Неопред.-мн. форма	ž-a-k ^ə -k ^ə 'несколько зайцев' la-k ^ə -k ^ə 'несколько собак'	ž-ma-k ^ə -k ^ə 'несколько кош'
	8	Чл. форма	a-la ^á , a-wasa ^á	á-bla, á-sas
	9	притяж. форма	s-la ^á 'моя собака' s-wasá 'моя овца' и др.	s ^ə -bla 'мой глаз' s ^ə -sas 'мой гость' и др.
	10	притяж. едч. форма	j ^ə -la ^á -k ^ə 'одна его собака'	j ^ə -ma ^h -k ^ə 'один его зять'
	11	членн. форма instr.	a-xá-la ^á 'головой' a-špá-la ^á 'ногой' и т.п.	á-mg ^ə a-la ^á 'животом' a-xá-la ^á 'жердью' a-yba-la ^á 'кораблем'
	12	мн. ч. (чл. форма)	a-la-k ^ə a, a-wasa-k ^ə a a-pa-c ^ə a	á-bla-k ^ə a, á-žma-k ^ə a á-sas-c ^ə a
	13	мн. ч. (притяж. ф.)	s-la-k ^ə a, s-wasa-k ^ə a s-pa-c ^ə a и др.	s ^ə -bla-k ^ə a, s ^ə -žma-k ^ə a s ^ə -sas-c ^ə a и др.
	14	чл. форма с союзом g ^ə	a-la-g ^ə , a-wasa-g ^ə	á-bla-g ^ə , á-sas-g ^ə
	15	притяж. ф. с союзом g ^ə	s-la-g ^ə , s-wasa-g ^ə	s ^ə -bla-g ^ə , s ^ə -sas-g ^ə
	16	мн. ч. (чл. ф.) с союзом g ^ə	a-la-k ^ə a-g ^ə a-wasa-k ^ə a-g ^ə a-pa-c ^ə a-g ^ə	á-bla-k ^ə a-g ^ə á-žma-k ^ə a-g ^ə á-sas-c ^ə a-g ^ə
Членные и притяжательные формы	17	Мн.ч. (притяж. форма с союзом g ^ə)	s-la-k ^ə a-g ^ə s-wasa-k ^ə a-g ^ə s-pa-c ^ə a-g ^ə и др.	s ^ə -bla-k ^ə a-g ^ə s ^ə -žma-k ^ə a-g ^ə s ^ə -sas-c ^ə a-g ^ə и др.

Примечание: Данная система, вероятно, является в некотором смысле реконструкцией, т.к. формы на -la и -da, по-видимому, подвергаются в современном языке интенсивным выравниваниям, а старая акцентовка сохраняется в застывших наречийных оборотах. Для этих форм, и вообще для редко встречающихся форм и позиций приводится материал, зафиксированный в научной литературе и в акцентуированных текстах (в большинстве диалектных).

а) Можно утверждать, что акцент в изолированных словоформах (равных корневой морфеме) обоих акцентных типов расположен на конце словоформы: это очевидно на примере двусложных корневых морфем.

б) В формах 2, 3, 4 конечное ударение словоформы сохраняется в типе II, но оттягивается на основу в типе I. Эта способность основ, входящих в тип I,

оттягивать ударение не имеет никакого фонологического объяснения и относится к уровню морфонологии.

с) Морфемы, обладающие способностью оттягивать акцент в данных формах, можно отметить знаком +, морфемы, у которых такой способности нет, — знаком —.

д) В формах 8, 9 присоединение члена и притяжательных префиксов вызывает перемещение ударения в типе II на член и, соответственно, на префиксы. Повторяя операцию с, мы можем этим формантам приписать знак +.

е) Обнаруживается, что ударение данным формантам отдают лишь морфемы, отмеченные знаком —, тогда как морфемы, отмеченные знаком +, удерживают акцент.

ф) В связи с последним можно расширить основу маркировки: морфемы $\underline{-k} \underline{a}$, $\underline{-la} \underline{a}$, $\underline{-da}$, отдающие в формах 2, 3, 4 ударение предшествующей (+) — морфеме, рассматривать как отмеченные знаком —, морфемы $\underline{-c}^{\circ} \underline{a}$, $\underline{-k}^{\circ} \underline{a}$, $\underline{-g}^{\circ} \underline{a}$, сохраняющие ударение в формах 5, 6 (а также 12, 13, 14, 15) с предшествующей (+) — морфемой (тип I), — как отмеченные знаком +.

г) Распространив теперь эту маркировку на все остальные словоформы, получаем картину, представленную в таблице.

Опираясь на введенные обозначения, легко сформулировать единое правило акцентовки разобранных морфемных последовательностей. Введя понятие морфонологических ступеней акцентуационной "валентности" (высшая — морфемы, маркированные знаком +, низшая — морфемы, маркированные знаком —), можно утверждать, что ударение всегда ставится в конце первой последовательности морфем высшей валентности.

3. Приведенный способ описания полностью применим и к ударению глагола. Маркировка акцентных типов динамических бесприставочных глаголов в масдаре (в скобках) и в презенсе такова: 1) intr. — тип I ($\underline{a}-\underline{ca}-\underline{r}á$) s — $\underline{sw}ój$ 'я—иду', тип II ($\underline{a}-\underline{pa}-\underline{ra}$), $\underline{s}é$ — $\underline{r}wój$ 'я—прыгаю'; 2) intr. с косв. объектом — тип I ($\underline{a}-\underline{n}j\underline{a}-\underline{r}á$), $\underline{s}é$ — $\underline{j}é$ — $\underline{p}jój$ 'я—его (косв.)—встречаю'; тип II ($\underline{a}-\underline{s}-\underline{r}a$), $\underline{s}-\underline{j}é$ — $\underline{s}wej$ 'я—его (косв.)—бью'; 3) tr. с прям. объектом — тип I ($\underline{a}-\underline{ga}-\underline{r}á$), $\underline{j}é$ — $\underline{s}-\underline{gw}ój$ 'это—я—беру', тип II ($\underline{a}-\underline{z}ó\underline{g}a-\underline{r}a$), $\underline{j}é$ — $\underline{s}-\underline{z}ó\underline{g}ój$ 'это—я—мою'; tr. с прям. и косв. объектом. — тип I ($\underline{a}-\underline{ga}-\underline{r}á$), $\underline{j}é$ — $\underline{r}é$ — $\underline{s}-\underline{gw}ój$ 'это—им—я—несу', тип II ($\underline{a}-\underline{ia}-\underline{r}a$), $\underline{w}-\underline{l}é$ — $\underline{s}-\underline{tw}ój$ 'тебя—ей—я—даю'. Характерна различная акцентуационная "валентность" местоименных префиксов (не совпадающая с их делением на "I" и "d" серии): "(+)" — валентность — субъектные показатели интранзитивов и показатели косвенного объекта, "(-)" — валентность — субъектные показатели транзитивов и показатели прямого объекта. Приставочные глаголы в зависимости от акцентуационных валентностей преверба и корня образуют следующие типы масдаров: 1. $\underline{a}-\underline{k}á-\underline{p}sa-\underline{r}á$ 'разбросать', 2. $\underline{a}-\underline{k}á-\underline{p}a-\underline{r}a$ 'прыгнуть на что-л.', 3. $\underline{a}-\underline{ca}-\underline{p}sa-\underline{r}a$ 'бросить под что-л.', 4. $\underline{a}-\underline{ca}-\underline{j}á-\underline{r}a$ 'войти под что-л.', — с соответствующей акцентовкой презенса и других финитных форм. Связь акцентуационной валентности отыменного глагольного преверба (лишь описанной в других терминах) с акцентным типом имени, от которого этот преверб происходит, показал Б.В. Шинкуба (см. Труды Абхазии, т. XXV, стр. 295—322). В каузативах наблюдается смена акцентуационных характеристик показателей субъекта, что, возможно, связано с аналогичным явлением в убыхском.

4. Принципиально идентичная система с теми же двумя первичными акцентными типами имени, обнаруживающими очень близкие к абхазским модификации

ударения в парадигме и в минимальном фразовом окружении, существует в убыхском:

N	Формы и типы окружения	Акц. тип I	Акц. тип II
1.	чл. и притяж. ф.	a-psá 'рыба' + sə-psá 'моя рыба'	á-na 'мать' + sə-na 'моя мать'
2.	чл., указ. и притяж. ф. с союзом g'ə	yə-psa-g'ə 'и эта рыба'	sə-na-g'ə 'и моя мать'
3.	чл. и притяж. ф. erg. sg: с союзом g'ə	a-xə-n-g'ə 'и князь'	yá-tə-n-g'ə 'и его отец'
4.	чл. ф. erg. pl.	a-čə-ná 'лошади' (Услар)	á-bəyə-na 'бараны'
5.	чл. ф. loc. на -nə	a-dax ^o -a-nə 'летом' (арх.)	á-tx ^o -a-n 'на поле'
6.	чл. ф. с послелогом γa	a-də-yá 'на дворе, снаружи'	á-tx ^o -a-yá 'на поле'

Сходную с абхазской систему акцентовки обнаруживает и убыхский глагол:

1) бесприставочные глаголы: тип I intr. a-bγən 'он-открывается', tr.-caus, a-sə-bγən 'его-я-открываю'; тип II intr. sə-bz'ən 'я-тáю', tr.-caus. a-sə-bz'ən 'его-я-плавлю'; 2) приставочные интранзитивы: 1. sə-sa-wən 'я вхожу', sə-z^o-a-t^oan 'я опускаюсь', 2. sə-sa-płān 'я смотрю внутрь', sə-wa-čawən 'я падаю во что-л., между чем-л.', 3. sə-bγ'ə-a-wən 'я нападаю на' sə-bγ'ə-t^oən 'я спускаюсь с чего-л.', 4. sə-bγ'ə-a-płān 'я смотрю на что-л.', sə-bγ'ə-a-čawən 'я падаю на что-л.'; 3) приставочные транзитивы – каузативы: 1. sə-sə-wən 'я ввожу', a-z^oa-s-t^oán '(его) я опускаю', 2. a-sa-s-čawən '(его) я заключаю во что-л.', wa-z^o-čawən 'я бросаю во что-л.'; 3. bγ'ə-d-s-t^oən 'я спускаю с чего-л.', 4. bγ'ə-sə-c-čawən 'я бросаю на что-л.'. Ср. также ударение перфекта от приставочных интранзитивов: 1. sə-wə-q'ə 'вшел', 2. a-sa-płā-q'ə 'он посмотрел в', 3. č^oa-wə-q'ə 'вшел в дверь', 4. č^oa-wət^o-q'ə 'открыто'. Убыхский, так же как абхазский, обнаруживает сложное распределение акцентуационных валентностей у местоименных показателей: (+) – валентность – субъектные показатели бесприставочных транзитивов – каузативов и показатели косвенного объекта; (-) – валентность – показатели субъекта интранзитивов и приставочных транзитивов-каузативов и показатели прямого объекта. Такая ситуация с акцентуационными характеристиками местоименных префиксов в обеих акцентных системах свидетельствует, вероятно, об очень сложной истории становления системы местоименных показателей в обоих языках.

5. Обе акцентные системы – абхазская и убыхская – обнаруживают не только типологическое сходство, но и генетическую общность, что может быть показано на всем этимологизируемом материале.

6. Реконструируемая абхазско-убыхская акцентная система, по-видимому, относится к периоду западнокавказской (абхазско-адыгской) языковой общности, поскольку следы ее могут быть обнаружены в акцентовке адыгейских словосложений.

7. Типологически рассмотренная акцентная система наиболее близка к тональным системам с Механическим правилом постановки иктуса на последнем слоге первой платформы тонов высшего регистра. В связи с этим можно думать, что западнокавказская акцентная система возникла из тональной системы подобного типа в результате падения тональных различий и фонологизации акцентного контура, сопутствовавшего этим тональным характеристикам.

С. В. Кодзасов

ЛАРИНГО-ФАРИНГАЛЬНОЕ СЖАТИЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДАГЕСТАНСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

1. В дагестанских языках обнаружено три вида ларинго-фарингального сжатия: сжатие нижней глотки – фарингализация (знак I), сжатие входа в гортань – эмфатизация (надстрочная точка), сжатие всей гортани, сопровождаемое напряжением надгортанных артикуляторов, – напряженный голос (восклицательный знак). Все три признака просодичны; они распространяются на слог или последовательность слогов.

Фарингализация и эмфатизация дополнительно распределены по языкам иialectам, их общее происхождение очевидно. Примеры (через косую черту даны диалектные варианты): "собака" – дарг. *x_ola/x_ola*, цез. *R_oâj/Rlaj*, цах. *x_ola ||x_oa*; "заяц" – дарг. *Rlura*, цез. *qâj/glaj*, цах. *Rlje*; "ворона" – дарг. *q_lana*, цез. *R_oâdi/R_oladu*, рут. *glad*; "баран, овцы" – цез. *bêk'/belk'*, арч. *balk'*; "свинья" – цез. *bâk_o/bałko*, арч. *bolk'*; "нос" – дарг. *q_lanq_l*, аг. *qûq*. Исходной формой, по-видимому, является эмфатизация. Эмфатизированные слова имели палатальный (светлый) тембр, он сохранился в большинстве языков. В них наблюдается также заметная назализация.

2. Признак напряженности голоса обнаружен в прошлом году и пока изучен слабо. Однако даже ограниченный достоверный материал показывает его несомненную исконность. Примеры: "сердце" – дарг. *urk'i!*, цез. *to k'u!*, чам. *jak'a!*; "волк" – дарг. *bic'!*, цез. *boc'i!*, чам. *bac'a!*; "серебро" – дарг. *arc!*, чам. *as!* (ср. ав. *'arac*); "мука" – дарг. *beñ!*, цез. *at'!*, чам. *hat'!* (ср. ав. *'at'*); "чистый" – дарг. *marze!*, цез. *bacabab!* (ср. аг. *märtef*).

Напряженные слова не имеют яркой тембровой окраски, однако в целом для них характерен велярный (темный) тембр. Артикуляционная близость эмфатизации и напряженности делает естественной гипотезу о том, что они восходят к единому признаку ларинго-фарингального сжатия, имевшему разные контекстные реализации. Исходя из тембровой окраски эмфатизации и напряженного голоса, можно предположить, что первый признак связан по происхождению с переднерядными словами, тогда как второй – с заднерядными. Поскольку ларинго-фарингальное сжатие вызывает смещение тела языка назад-вниз, эмфатизированные/фарингализованные передние гласные переходили в задний ряд.

Распределение эмфатизации/фарингализации и напряженности могло также зависеть от тембровых свойств согласных: палатализованные согласные (шипящие

и латеральные) могли давать фарингализацию вместо напряженности в заднерядных словах, а лабиализованные (они имеют темный тембр) – напряженность вместо фарингализации в переднерядных словах. Возможно, что колебания налиния-отсутствия эмфатизации/фарингализации по языкам отражают эти влияния. Примеры: "волос" – арч. č̥alri, аг. č̥ar; "хвост" – арч. olč, аг. ruč; "слеза" – арч. nəbq, аг. neRə/náv, цез. tow!; "корень" – дарг. taq̥.a!/maq̥l, арч. taq̥i, аг. tāq̥. Эмфатизация/фарингализация плохо совместима с переднеязычными согласными – апикальными и свистящими, с ними сочетается обычно лишь напряженность. Показательный в этом отношении агульско-даргинские пары: "крапива" – аг. māz/miž, дарг. miče!/mice!; "овца" – аг. māč, дарг. mača!/maza!.

Сегментное противопоставление шумных по силе, вероятно, существовало независимо от просодической корреляции напряженности, однако появление неэтиологических сильных в результате контаминации этих двух корреляций весьма возможно. Напряженный голос может давать не только новые сильные, но и новые абруптивные (ср. дарг. dek!/ček "навоз", "кошка" – дарг. kata!, цез. k'ēw). Возможно, что сходное происхождение имеют те сильные абруптивные аффрикаты аваро-андийских языков, которым соответствуют арчинские неабруптивные (в словах "язык", "крапива", "день", "восемь" и др.).

Принадлежность к напряженным словам может объяснить чередования сonorных с шумными типа *m ~ b*, *n ~ d* (в словах "желчь", "вода" и др.).

П.Н. Перцов

О РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАВОСТОЧНООКЕАНИЙСКОГО ЯЗЫКА

Настоящий доклад посвящен рассмотрению исторической фонетики восточноокеанийской подгруппы австронезийской семьи. Восточноокеанийскими языками мы называем, следуя в этой терминологии Биггза (Biggs 1965) и Кэшмор (Cashmore 1969), языки Полинезии, юго-восточной части Соломоновых островов, о-вов Новые Гебриды, а также фиджийский (о-ва Фиджи) и ротуманский (о. Ротума) языки. Большая близость этих языков друг к другу отмечалась многими исследователями. В указанных выше работах приводятся два варианта реконструкции правосточноокеанийской фонетики. При уточнении ряда спорных вопросов, поднятых в этих работах, можно предложить следующую реконструкцию звуковой системы правосточноокеанийского языка:

Согласные							Гласные		
p	m̥b	m	w				i		
t	n̥d	n	s	θ	r	l	u		
k	ŋ̥g	ŋ					e	o	
k w	ŋ̥g w	ŋ w					a		
?									

Ниже приводится таблица звуковых соответствий между некоторыми восточно-нонеканскими языками (по-видимому, наиболее важными для реконструкции; материал по ним почерпнут из двух названных работ, а также из некоторых других источников).

фидж.	*p *m _b *m *w *t *nd *s *θ *r *l *l ₁ *n _r *n *k *ŋg *ŋ *k w *ŋg w *ŋ w *ŋ
ротум.	v ^m _b m w t nd s ɔ r l ɸ ⁿ dr n k ŋg ŋ k ŋg ŋ ə
нггела (о.Флорида)	h p m w f t j s r l ɸ ? n ? k ŋ/n? ? ? θ
caa(о.Малаита) и улава(о.Улава)	v ^m _b m v t nd h h r l l r n g ŋg ŋ ? ? m θ
мота(о-ва Банкс)	h p m w ɸ d s t r l l r n ? ? ŋ p ^w p ^w m w θ
ароси (о.Сан-Кристоваль)	v/w ? m w t ? s s r l r n n y k ŋ p ^w ? m w θ
прополинез.	h b m w ɸ d s t r g r r n ? g ŋ p ^w b ^w m w θ
トンга	*f *p *m *w *t *t *s *h* _r *l ɸ *l *n *k *k *ŋ *k *k *ŋ *?
самоа	f p m w t t s ɸ l l ɸ l n ? ? ŋ ? ? ŋ ? ? ŋ θ

Г. Т. Поденова

ЕНИСЕЙСКО-НОСТРАТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ОБЛАСТИ МЕСТОИМЕННЫХ СЛОВ

1. Для системы современных енисейских указательных местоимений характеристики три типа указания (*Ich-Deixis*, *Der-Deixis* и *Jener-Deixis*), ср. имб. *ki* 'этот (близкий, видимый)', *tu* 'этот, тот (подальше, известный или упомянутый)', *ka* 'тот (подальше)'. В коттском языке М.А. Кастреном отмечены два типа указат. местоимений, различающих мужской и женский род: *in'u* 'этот', *in'a* 'эта' – *ijo* 'тот', *in'a* 'та'. Сравнивая эти данные с ностр. реконструкциями, обнаруживаем полное совпадение вокалических элементов. Так, А.Б. Долгопольский реконструирует чисто указат. местоимения **a*, **i*, **u*, указывающие на степень близости к говорящему и слушающему (Долгопольский, стр. 32). В таблицах В.М.Илич-Свитыча (Илич-Свитыч, 1971, стр. 8) находим: **?i*(*?*)*e* 'этот' (указание на ближайший предмет) и **?a*'тот' (указание на отдаленный предмет). По аналогии с ностр. языками можно предположить наличие в праенис. простейших дейктических частиц *i/e*, *u/a*, выражавших три типа указания, как это еще отражено в кет. *ki*, *tu*, *ka*.

2. Многочисленность и разнообразие указат. местоимений в отдельных и-е., алт., урал. и других ностр. языках, а также полное несходство кетских и коттских указат. местоимений позволяет сделать вывод, что приведенные в первом пункте вокалические основы, сочетаясь с консонантными (типа *b*-, *k*-, *t*-, *q*-, *d*-, *n*-, *x/h*-, *l*-, *s*-, *p*-, *r*-, *g*-) послужили исходными для ктическими частицами, преобразовавшимися в указат., личные, позже — вопросит. местоимения, в личные глагольные

показатели, предикативные суффиксы, показатели грамматических категорий падежа, рода, числа, времени.

3. Интересно отметить, что как для енис., так и для ностр. языков устанавливается два ряда личных местоимений (Палмайтис, стр. 63; Валл; Вернер, стр. 30), из которых один может возводиться к показателям эргатива, восходящим, в свою очередь, к указат. частицам. Сравнение енис. и ностр. фактов позволяет заключить, что в праенис. существовало только два падежа: основной и родительный (противопоставление состояния и активности). Такое противопоставление появилось сначала в сфере личных местоимений путем грамматикации указат. местоимений-частиц. Родит. п. 1-е л. *a+ba>aba*; 2-е л. *u+ku>uku*; 3-е л. *bu+da>buda* (м.р.), *bu+di>budi* (ж.р.). Общим элементом личных местоимений 1-го лица енис. языков является гласный "а", в связи с чем можно предполагать, что а-дейкссис указывал в праенис. не только на далекое (ср. *ka* 'тот'), но и на значительное, большое (ср. имб. *q'a* 'большой'), активное, в то время как *i* – дейкссис выражал наряду с близостью к говорящему также малое, слабое, пассивное. Для местоимений 2-го лица исходной основой в енис. языках была "*u*" и основа косв. падежа *uka* (ср. показатель 2-го лица "*k*" в личных местоимений семит. языков).

Енис. личное местоимение 3-го лица *bu* 'он, она' восходит, по нашему мнению, к древнему указат. местоимению *bu* 'этот'. Интересно материальное сближение с подобным местоимением в ностр. языках. Ср. алт. *bū/bō* 'этот', урал. *mū-/mō* 'другой', и.е.? *to-* 'он, этот', картв. *m(a)-* 'этот, он', с.-х. ? *m(w)* 'они, этот, он' (Иллич-Свityч, стр. 8).

4. Если сравнить ностр. личные, указат. и вопросит. местоимения (*mi* 'я', *?i/?e* 'этот', *mi* 'что'), то можно проследить их генетическую связь.

Ср. имб. *ad* 'я', *ka* 'тот', *aj* 'что', где совпадает элемент *a*. Енис. вопросит. местоимения восходят, на наш взгляд, к древним указат. частицам: *ana* 'кто?' <*a+na*, где *a* – указание на сферу вне говорящего (Jener – Deixis), а *na* – дейктическая частица широкого значения. Типологические параллели подобного происхождения вопросительных местоимений можно обнаружить в с.-х., и.-е. и других языках.

5. Согласные элементы в составе дейктических частиц служили в древности классными показателями, которые можно было подразделить на две большие группы со значением 'живой' (*d, l, n, r, t > d* ед. ч., *n* мн. ч.) и со значением 'неживой' (*b, k, s, h, n > b* ед. и мн. ч., *η* мн. ч.). В классе 'живой' постепенно дифференцируются муж. и жен. род с помощью частиц *a* (м.р.), *i* (ж.р.), а также указат. местоимений *da* (м.р.), *di* (ж.р.).

Общая схема развития категории рода в енис. языках в принципе совпадает с соответствующим явлением в и.-е., семит. и других ностр. языках (Мейе, стр. 206–207; Вернер, 1972, стр. 7; Дьяконов, стр. 54, 96, 210; Гранде, стр. 124).

6. Можно далее отметить местоименное происхождение глагольных личных показателей как в енис., так и в ностр. языках (Долгопольский, стр. 33). В енис. языках глагольные показатели группы Д развились из первых предикативных показателей личных местоимений, выражавших состояние (*a-di*), а группы Б – из показателей активности (*a-ba*).

ЛИТЕРАТУРА

- М.Н. ВАЛЛ, Г.К. ВЕРНЕР. Об истоках падежной системы в енисейских языках. "Происхождение аборигенов Сибири и их языков." Томск, 1973.
- Г.К. ВЕРНЕР. Индоевропейско-енисейские типологические параллели. "Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков". М., 1972.
- Б.М. ГРАНДЕ. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1972.
- А.Б. ДОЛГОПОЛЬСКИЙ. Опыт реконструкции общеностратической грамматической системы. "Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков". М., 1972.
- И.М. ДЬЯКОНОВ. Языки Древней Азии. М., 1967.
- В.М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971.
- А. МЕЙЕ. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938.
- Л. ПАЛМАЙТИС. Личные местоимения в связи с вопросом реконструкции бореальной грамматической системы. "Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков." М., 1972.

Л. С. Баюн

СИСТЕМЫ СОНАНТОВ В ПОЗДНЕАНАТОЛИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

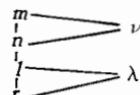
Алфавиты позднеанатолийских языков — лидийского, карийского, ликийского — содержат целый ряд знаков для передачи сонантов. Благодаря тому, что фонетическое значение этих знаков установлено достаточно надежно, можно попытаться на основании известных фактов и соображений исторической фонетики и фонологии реконструировать фрагмент позднеан. фонологических систем, включающий носовые и плавные сонанты.

Лидийский и карийский. Для обозначения сонантов используются знаки лид. *m n v l r*, кар. *m n ū l r* (*ū* — графическая разновидность *v*, встречается в кар. текстах Африки). Исследование их дистрибуции показывает, что каждый из перечисленных знаков передает фонему; /n/ : /v/ и /l/ : /λ/ образуют оппозицию по палатальности, формируя две корреляции:

Как установлено (см. обобщающую работу А. Королева в сб. "Языки Азии и Африки" I, М., 1976), лид. и кар. -λ<
*-n, -v < *#n. К этому надо добавить несколько уточнений.

1. Лид.-кар. палатализация, вызванная предшествующим *-i- (ср. третью славянскую), имела место только в безударном слоге. Под ударением мы находим лид. -in (энклитика), -il в 3 л. претерита (лид. *t̪il*, *√kar-*; редукция гласной указывает на место удараения); кар. *Indo*, 3 л. императива.

2. Отмечено, что кар. λ появляется в позиции перед u, из чего делается вывод о более переднем произношении кар. u (в отличие от кар. u, см. Королев, *указ.*

раб). Нам представляется возможным связать развитие хет.-лув. **u*> кар. *u*, *u* с местом ударения: хет.-лув. **u*> кар. *u*, хет.-лув. **ü*> пракар. **ü* (?)> кар. *u*: кар. *lule₁ki*, хет.-лув. *lulahhi*; кар. *luke*, хет.-лув. *Lukka-*; кар. *kug-*, хет.-лув. *huhha-* и др.

3. Тот факт, что кар. λ подвергалось воздействию как предшествующих, так и последующих гласных, объясняет его наличие в азбуке ряда слов. Лид. λ (и лид. ν, см. Королев, указ. раб.) в азбуке не засвидетельствовано. Регрессивная палатализация в лид. происходила, по-видимому, перед *j*,ср. -λο-<**lija* <**ljo* в лид. -*t arfλo-* (лув. *tarpaliłi*), носр. лид. посессивы на -*li-* (кар. -λ). В то же время лид. формы *fensλibi -*, *əlida-* и им подобные заставляют предположить, что лид. посессивы на -*li-* распространялись уже после того, как прекратился процесс **li* > *λι (в исторический период в лид. и кар. палатализация уже не регулярна, поэтому можно встретить последовательности *li*, *il*, *ni*, *in*). До этого в лид. 'отношение' и т. п. значения, возможно, выражались другим способом, не исключающим противопоставление 'род. падеж активных имен на -ν' : 'адъективы не-активных имен (*- si- ?)'.

Ликийский. Знаки *ڻ* и *ڻ*, судя по их распределению, передают слоговые варианты фонем /m/ и /n/. Лик. сонанты, таким образом, составляют четырехугольную систему:

С. Е. Яхонтов

В ЗАЩИТУ АУСТРО-ТАЙСКОЙ ГИПОТЕЗЫ

Гипотезу об отдаленном родстве тайских и аустронезийских языков сейчас, кажется, активно отстаивают только ее автор, П. Бенедикт. Однако очень большая часть приводимых им сопоставлений слов не внушает доверия. Наиболее надежными представляются такие пары, в которых финаль тайского односложного слова соответствует гласному и конечному согласному (если он есть) последнего слога аустронезийского корневого слова. Число таких пар составляет не сколько десятков. Ввиду больших различий в фонетическом облике языков двух сравниваемых групп этот материал далеко не достаточен для установления регулярных фонетических соответствий между ними. Поэтому можно предполагать, что аустро-тайская гипотеза никогда не будет доказана с полной достоверностью. И все же ряд обстоятельств говорит в ее пользу.

Среди слов, отождествление которых кажется убедительным фонетически, многие обозначают понятия, которые мы интуитивно воспринимаем как наиболее элементарные или наиболее существенные: вода, огонь, дождь, луна, лес, глаз, нос, рот, зуб, голова, рука, ребенок, птица, дверь, лодка, имя, есть, умереть, я, ты, это и некоторые другие. В большинстве случаев эти слова представлены в очень многих языках каждой группы, и значения их в обеих группах одинаковы.

Аустро-тайская гипотеза объясняет необычные соответствия между началь-

ными согласными в некоторых словах тайских языков: фонема, представляемая в большинстве этих языков, отражает второй (интервокальный) согласный аустронезийского двусложного корня, другая фонема — первый (начальный) согласный того же корня. Сравним:

Большинство тайских языков	Некоторые тайские языки	Малайский или аустронезийский (*)
‘птица’	nok	mok (дун)
‘слюна’	laai	ngwe (дун)
‘бедро’	kha	pa (дун)
‘вода’	na m	ra m (чжуан)
‘плакать’	*hngai	tai (чжуан)
‘луна’	dian	biān (тхо)
‘глаз’	ta	phyā (тхо)
‘умереть’	te i	phyai (тхо)

Привлечение материала тайваньских языков потребовало введения в протоаустронезийские реконструкции некоторых новых фонем. Возможно, что одна из них, *ɿ (по О. К. Далю), имеет в тайских и кадайских языках особые соответствия: аустронезийским *n, *ɿ, *l соответствуют в тайских языках n, l, r, в ли — n, l, d/dr.

Тайск.	Ли	Малайск.	Ами или прототайваньский (*)
1. ‘это’	ní	nei	ini
‘шесть’	nom	enam	*enem
‘правый’	nin	k-anan	ka-wanan
‘выдра’	naak	na	sanaq
2. ‘ребенок’	luuk		*ałak
‘плавать’	looī	lei	langōy (тагальск.)
3. ‘рвота’	raak		mi-ɿanguy
‘восемь’	du	anak	*luaq
‘пестик’	drau ('ступка')	langōy (тагальск.)	valu
‘дорога’	*hron	(kuon)	qasulu
		alu	lalan
		jalan	

Эти соответствия нарушаются в словах, в которых наблюдаются необычные соответствия между согласными отдельных тайских языков (ср. выше ‘вода’, ‘луна’ и др.).

Число общих слов в тайском и аустронезийском прайзыках (считая только надежные соответствия) превышает 15 из списка в 100 единиц, что указывает на раздельное существование их в течение около 6000 лет или дольше.

О ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ КЛАССАХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ГЛАГОЛОВ

Почти в каждом из индоевропейских языков имеются противопоставленные друг другу парадигматические глагольные типы. От различных глагольных корней могут образовываться различные типы презенса, аориста, перфекта и т.д. Однако вопрос о соответствиях между этими парадигматическими типами в разных языках до сих пор разработан недостаточно. Речь идет не о формальном соответствии категорий (таких, как например, сигматический или тематический аорист), которое хорошо прослеживается по языкам, а о соответствии типов парадигм каждого конкретного глагольного корня.

Результаты внутреннего анализа показывают, что глагольные корни в древнеиндийском, древнегреческом, латинском, балтийских и славянских языках можно разбить на два класса (внутри каждой из подгрупп языков), из которых каждый имеет свою парадигматическую характеристику. Можно показать, что индексы, присыпываемые таким образом глагольным корням, образуют однозначное соответствие внутри рассматриваемых языков. Приведем общие характеристики парадигматических особенностей глаголов обоих классов по вышеупомянутым языкам:

I. Древнеиндийский.

1. класс – корневой и тематический аорист, медиальные формы сигматического аориста; атематический презенс, тематический презенс на *-ā-*, презенс с инфиксом *-n-* и суффиксом *-ni-/no-*. 2 класс – активные формы сигматического аориста, некоторые формы тематического и корневого аориста (формы типа *ábhūt*); тематический презенс, презенс с суффиксом *-nā-/nī-*.

II. Древнегреческий.

1 класс – корневой аорист, тематический аорист; презенс на *-vūmī*, *-vō*, *-avō* (с инфиксом *-v-*), атематический презенс без удвоения (при односложных корнях). 2 класс – пассивный аорист на *-nv*, некоторые формы тематического и корневого аориста (формы типа *σχόν*, *έπτην*); презенс иа *-vūmī*, атематический презенс с удвоением.

III. Латинский язык.

1 класс – корневой, удвоительный и удлинительный перфект; презенс с инфиксом *-n-*. 2 класс – сигматический перфект.

IV. Балтийские языки.

1 класс – акцентная парадигма с неподвижным ударением (при корнях с исходом на сонант и гласный плавная интонация в латышском); презенс с инфиксом *-n-*. 2 класс – акцентная парадигма с подвижным ударением (при корнях на сонант и гласный прерывистая интонация в латышском).

V. Славянские языки.

1. класс – неподвижная акцентная парадигма (A, B); тематический аорист; презенс с индоативным суффиксом *-q*. 2 класс – подвижная акцентная парадигма (C); сигматический аорист.

В каждом языке имеется некоторое количество более мелких параметров, позволяющих определять парадигматическую принадлежность каждого глагольного корня. Кроме того, имеются надпарадигматические категории (например, для древнегреческого – сигматический аорист и тематический презенс), кото-

рые являются общими (опять- таки в каждом языке) для глагольных корней обоих классов.

Помимо общего соответствия между собой глагольных корней из каждого класса, обращают на себя внимание некоторые характеристики двух глагольных классов, общие в разных языках (для 1-го класса – корневой аорист, презенс с инфиксом *-n-*, неподвижная акцентная парадигма в балтийском и славянском; для 2-го класса – сигматический аорист, подвижная акцентная парадигма в балтийском и славянском). Все это может дать новую информацию об индоевропейском глагольном словоизменении.

Приведем примеры индоевропейских глагольных корней 1 и 2 классов.

1 класс.

др.-инд. *degħħi*, *ádiħan*; др.-гр. θιγγάνω, θίγεον; лат. *singō*; слав. **zidjg* 'мазать, лепить; строить'.

др.-инд. *áui*; др.-гр. атем. *έμεναι*; лат. *edo*, *ēdī* (атем. *esse*, *ēst*; ст.-лит. атем. *est*); слав. **jēdmb* 'есть'.

др.-гр. ζώνθη ; ст.-лит. атем. *juosmi*; слав. **jāšq* 'подпоясывать(ся)'.

др.-инд. *rēfħi*; лат. *lingo*; лит. *liěžti*, *liěžia* (без переноса ударения на приставку); слав. **ližq* 'лизать'.

др.-инд. *riňáki*, *riķiām*, *ariķi*; др.-гр. λείπω, ἐλίπον; лат. *linquō*, *līqut*; ст.-лит. атем. *liekt*, лит. *likti*, *liēka* (без переноса ударения на приставку) 'оставлять'.

др.-инд. *dħunóti/dħuváti*, *adħuñšta*; слгз. **dūjg*, *dūti* 'дуть',

др.-инд. *ħanti*, *ahānat*; др.-гр. θείω, ἐπεφνον; слав. **žēng*, *žeti* 'бить'.

др.-инд. *tañnié*, *amata*, *amansta*; лат. *meminī* 'уметь, помнить'.

др.-гр. φημί ; слав. **bājg* 'говорить'

др.-инд. *vāti*; др.-гр. αὐτι ; слав. **vējq* 'веять'.

2 класс:

др.-инд. *dáħaqi*, *adħak*, *adħakṣit*; лит. *dēgti*, *dēga* (с переносом ударения на приставку); слав. **žēgq*, *žēxъ* 'жечь'.

др.-инд. *pácati*, *páksat*; лат. *coquo*, *с oхт*; лит. *kēpti*, *kēpa* (с переносом ударения на приставку); слав. **pēkq* 'печь'.

др.-инд. *sáhate*, *saksat*; др.-гр. εχω, ἔσχον, *σχῆν 'обладать'.

др.-инд. *váhači*, *ávāt*, *ávākṣit*; лат. *veho*, *vēxti*; лит. *vēžti*, *vēža* (с переносом ударения на приставку); слав. **vēzq*, *vēsъ* 'везти'.

др.-инд. *bħávai*, *abħāt*; др.-гр. φύω, ἐφύνει; лтш. *būt*; слав. прич. **bjūtъ* 'быть, расти'.

др.-инд. *dpráv*, *darṣat*; др.-гр. δέρω, ἐδάρην; слав. *dērg*, *dēřti/dbērg*, *deri* 'рвать, драть'.

др.-инд. *jívati*; др.-гр. ἐβίων; лат. *vīno*, *vīxīt*; лтш. *dzūt*; слав. **živq*, *žīti* 'живь'.

др.-инд. *gmáti*; др.-гр. βιβρώσκω, ἐβρῶν; лтш. *dzeñt*; слав. **žbrq*, *žert'* 'глотать, жрать'.

др.-инд. *dádhāmi*, *ádhāt*; др.-гр. πθημι; лтш. *dēt*; слав. **dējg* 'класть'.

др.-инд. *júgāti*, *ágāt*; др.-гр. βίβημι, ἐβην 'идти'.

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ НЕСМЫЧНЫХ ТЕРМИНАЛЕЙ ПРОТОВЬЕТМЫОНГСКОГО ЯЗЫКА

В современном вьетнамском языке (В) имеются две несмычные терминали *j* и *w*. В мьянгском диалекте хен имеются несмычные терминали *j*, *w*, *l*. Это дало основание исследователям, работавшим с материалами только этих языков, реконструировать несмычные прототерминали **j*, **w*, **l* (М.Е. и М.А. Баркеры, Л.К. Томпсон). М. Ферлю, использовавший данные архаичного языка тхавунг, где имеются пять несмычных терминалей *j*, *w*, *l*, *s*, *h*, реконструировал эти терминалы в протовьетмьянгском языке (ПВМ), причем указал на связь терминалей *s* и *h* с генезисом тонов.

Согласно нашей реконструкции в ПВМ было 6 несмычных терминалей: **j*, **w*, **l*, **r*, **l*, **r*. Полугласные терминали **j* и **w* реконструированы на основании соответствий 1 и 2.

№	ПВМ	В	Остальные вьетмьянгские языки	
			(после * <i>š</i>)	(в др. случаях)
1	* <i>j</i>	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>j</i>
2	* <i>w</i>	<i>w</i>	<i>ɸ</i>	<i>w</i>

Необходимость реконструкции **l* ясна из соответствия 3:

№	ПВМ	Хен, шать, уило	Нгуон	Бачай	В (после * <i>i</i> , * <i>e</i> , * <i>ɛ</i> , * <i>i_g</i>)	В (др. случ.)
3	* <i>l</i>	<i>l</i>	<i>n</i>	<i>w</i>	<i>ɸ</i>	<i>j</i>

Плавная *r* имеется только в языке уило. Соответствия 4 и 5 показывают, что в ней совпадали рефлексы двух разных терминалей ПВМ:

№	ПВМ	Уило	Хен	Шать	Нгуон	Тхавунг	В (после * <i>i</i> , * <i>e</i> , * <i>ɛ</i> , * <i>i_g</i>)	В (др. случ.)
4	* <i>r</i>	<i>r</i>	<i>l</i>	<i>l</i>	<i>n</i>	<i>l</i>	<i>ɸ</i>	<i>j</i>
5	* <i>l</i>	<i>r</i>	<i>j</i>	<i>l</i>	<i>n</i>	<i>s</i>	<i>ɸ</i>	<i>j</i>

Соответствие 4 никем из предыдущих исследователей не отмечалось. Для объяснения соответствия 5 М. Ферлю реконструирует *s*.

Нам представляется, что при такой фонетической интерпретации прототерминали трудно объяснить наличие латерального элемента в ее рефлексах в языках шать (*l*) и пакатан (*lh*). **l* встречается только в таких словах, которым во В соответствуют слова с островопросительным или вопросительным тонами.

Наконец, из соответствия 6 "вьетнамский открытый слог с вопросительным или островопросительным тонами – терминал *h* языков тхавунг, шать, фоншоунг, пакатан" можно реконструировать терминал **h*. Возможно, эту терминал *h* лучше

интерпретировать как **t*. Ввиду недостаточности материалов трудно сказать, были ли **t* и **t* фонемами или находились в отношении дополнительной дистрибуции. На возможность последнего предположения указывает тот факт, что в языке тхавунг *h(< *t)* и *s (< *t)* как будто дополнительно распределены.

Примеры: 'мочиться': **taj*; B. *dáj* (*dái*); онг, бачай *taj*³.

'чашка, пиала': **təj*; B. *dəj* (*dəi*); нгуон *təj*.

'хвост': **tuqj*; B. *duqj* (*fuqj*); хен, тхатьби *tuqj*; тхавунг *təj*².

'девочка': **gaj*; B. *γāj* (*gái*); хен *kāj*; уило, кхонгкхенг *ke*; шатъ *ḅki*; тхавунг *kə*³.

'срезать, жать': **haj*; B. *hāj* (*hái*); хен, нгуон *hāj*; тхатьби *hāj*; шатъ *ha*j.

'корнеплод': **kʰwaj*; B. *xwaj* (*khoai*); мишэн, лангло *kʰwaj*⁴; уило *kʰwaj*.

(батат, таро, маниок)

'платье': **aw*; B. *āw* (*ba*); хен *āw*; би *aw*⁴; ванг, тханг, донг, онг *aw*³.

'овца': **kiw*; B. *k̄iwi* (*k̄iu*); хен *k̄iwi*.

'медведь': **ḡw*; B. *γ̄w* (*gāu*); хен *k̄i*; тхавунг *χə* *ku*⁴.

'далекий': **hew*; B. *hēw* (*hēo*); хен *hēw*.

'легкий': **nel*; B. *l̄e* (*nhe*); хен *l̄e*; бачай *l̄e*⁵; уило *l̄el*¹.

'дерево': **k̄sl*; B. *k̄sj* (*cāy*); верхне-аинамский диалект B. *k̄sn*; хен *k̄sl*; би, ванг, донг, тханг *k̄sl*¹; бачай *k̄s̄l*²; нгуон *k̄sn*; уило *k̄sl*³.

'блуждать': **čal*; B. *č̄xj* (*chāy*); хен *č̄l*; онг, ламла, лангло *č̄l*⁵; тхатьби, уило, хашыу *č̄l*¹; нгуон *s̄gn*.

'тигр': **k̄hal*; B. *xāj* (*khāi*); шатъ *k̄ hal*; нгуон *k̄hān*; уило *k̄hal*.

'голодный': **təl*; B. *d̄s̄j* (*dōi*); хен *t̄sl*; нгуон *t̄sl*; уило *tul*.

'летать': **p̄ār*; B. *b̄āj* (*bab*); хен, тхатьби, хашыу, тхай тхинь *p̄sl*; шатъ *p̄sl~p̄sl̄*; нгуон, нгоклак *p̄sl*; уило *p̄r̄*⁵.

'петь': **ḡar*; B. *γ̄āj* (*bab*); хен *k̄al*; тхатьби *k̄sl*; нгуон *k̄ān*; нгоклак, ламла *k̄an*₃; уило *kar*; тхавунг *t̄s̄* *kel*¹.

'шить': **mb̄r*; B. *m̄āj* (*may*); хен, тхатьби *b̄sl*; бачай *b̄s̄l*²; шатъ *b̄sl~b̄sl*; нгуон *vān*; уило *b̄s̄s*⁵.

'поворачивать': **wer*; B. *ve* (*vē*); хен *wēl*; ванг *βel*¹; тхай тхинь *wel*²; мишэн *vel*¹; уило *wēz*.

'извест': **bor*; B. *vōj* (*vōi*); хен *pol*; уило *pur*⁵; тхавунг *k̄v* *pul*¹.

'дуть': **t̄hol*; B. *t̄h̄d̄j* (*th̄bi*); тхатьби *t̄h̄d̄j*; нгуон *t̄h̄n*; уило *t̄hir*.

'хворост': **kul*; B. *kūj* (*cūi*); хен *kūj*; шатъ *kul*; нгуон *kūn*; уило *kur*; тхавунг *kuś*¹.

'расчесывать': **čal*; B. *č̄s̄j* (*chāi*); тхавунг *č̄as̄*¹.

'нить': **čil*; B. *č̄l* (*chi*); шатъ *čil*; нгуон *č̄ln*; уило *č̄ir*⁴.

'чесаться': **gal*; B. *γ̄āj* (*gāi*); онг, бачай *ka*j; тхавунг *č̄ka*š.

'трава': **kər*; B. *k̄s̄* (*cə*); хен *k̄s̄*; тхавунг *k̄s̄*

'родить': **ter*; B. *d̄ē* (*d̄ē*); хен *d̄ē*; тхавунг *teh*¹.

'красный': **t̄ɔḡ*; B. *d̄ɔ* (*d̄ɔ*); тхатьби *t̄ɔ*²; шатъ *toh*; тхавунг *t̄ɔh*¹.

'бить, ударять': **ḡɔr*; B. *γ̄ɔ* (*ḡɔ*); тхавунг *č̄kəh*¹.

ДОПОЛНЕНИЯ К НОСТРАТИЧЕСКИМ ЭТИМОЛОГИЯМ ПО ГРУППЕ МАРГИ ЦЕНТРАЛЬНОЧАДСКИХ ЯЗЫКОВ (кильба, марги, бура, чибак).

Языки кильба, марги, бура, чибак относятся к центральночадским языкам¹ (к подгруппе 3б по классификации Дж. Гринберга). При сравнении опубликованной лексики по языкам марги, бура, чибак и материалов по языку кильба, полученных нами при работе с информантами из Нигерии Дж. И. Балла, было установлено близкое родство этих языков.

На основании регулярных фонетических соответствий между этими языками группы марги можно предварительно реконструировать систему согласных фонем протомарги. Полная реконструкция согласных невозможна из-за отсутствия достаточного материала а также без изучения сочетаний согласных, истории вокализма и акцентологии.

Привлечение к рассмотрению не известного ранее достаточно архаичного материала по чадским языкам позволяет дополнить некоторые общеностратические этимологии.

Таблица показывает соответствия для согласных языков марги: под знаком * приводятся фонемы протомарги, затем – соответствия по языкам и номера, отсылающие к соответствующим примерам реконструируемых корней².

*	кильба	марги	бура	чибак	№ примеров
Начальная позиция					
b	b	b	b	b	1, 2
ᵇ	ᵇ	ᵇ	ᵇ		3, 4, 5
ᵇw	ᵇ, w, *	ᵇw, *	ᵇw		
v	v	v	v, f	v	13, 14, 15
Cv	vv	v		v	
f	f	f	f		6, 7, 8, 9, 10
fw	fw	fw	fw	fw	12
ᴺfw	ww	fw	nfw	fw	11
p	p	p	p	p	16, 17, 18, 19
ʳp	p	ʳp	ʳp	ʳpw, p, f	
ᵗp	p	ᵗp	ᵗp	ᵗp	20, 22, 23
ᵗpw	(V)pw		ᵗpw		
ᴺp	pp	p	ᵗp		21

¹ См. Н.С. Панова, А.Б. Долгопольский, В.Я. Пархомовский. Центральночадские фонемы и этимология центральночадских корней в свете данных внешнего сравнения. – "Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12–14 декабря)". М., 1972.

² Используются знаки: диакритикой \wedge обозначается латеральность, Р – неизвестный губной, шумный, N – неизвестный назальный, С – любой согласный, V – любой гласный, [] – спорность реконструкции, дисьюнкция фонем; чадские (ч.), кушитские (куш.), семитские (сем.), ностратические (н.) корни даны в нотации А.Б. Долгопольского и В.М. Иллич-Свитыча.

*	кильба	марги	бура	чибак	№ примеров
mb	mb	mp mb	(V)mb	mb	24, 25, 26
mbw	mbw	bw, mp	mb		
mb	bb	mb	mb, p	mb	
d	d	d	d	d	27
Cd	dd	(V)d	d		
t	t	t	t	t	
Nt	tt	nt, mt	nt, mt	nt, nd	28
Ct	tt	t	t	t	
d	d, y	d, y,	d, y	ø,	30, 31
Pd	d	bd	bd	d	32
g	g	g	g		
gw	gw	gw	gw		
N gw	gg	g	gw		33
ŋg	ŋg	ŋg, ŋ	ŋg, ŋ	ŋg, ŋ	
k	k	k	k	k	35
kk	kk	k			37
kkj	kk	ki, k	ki, y		38, 39
k ₁	k, h, hh	k, h	k, h	k, h	34
kw	kw	kw		kw	
N kw	kw	kw	nkw	kw	41
ŋk	ŋg	ŋk, ŋ	ŋk, ŋg, ŋ	k	40
s	s	s	s	s	42, 43
Ps	s	ps	s		
Cs	ss, s	(V)s	s, z		
š	š	š	š	s	
Cš	šš, š	(V)š			
Pz	zz	bz	bz	(V)z	44, 45
Cz	zz	(V)z	c		
c	c	c	c		52
Nc	cc, c	nc, mč	nc, č		
Pc	c	pc	pc		53
Cc	cc	mč	pc		
č	č	č	č	č	
Nč	čč	nč	nč	nč	
Cč	čč	mč	č	č	54
Pč	č	pč			
ʒ	ʒ, zz	ʒ	ʒ, c	ʒ	46, 47
Pʒ	ʒ	(V)ʒ, bz	ʒ		
ž	ž	ž	ž		
Cž	ž	(V)ž	ž		
ž	ž, ll	ž	ž, ll, ۀ	ž, l, h	
Nž	žž	ž	nll		
Pž	žž	bž	bž	ž	
Cž	žž	ž	ll	ž	
š	š	š	š	š	
mš	š	mš	mš		29

*	кильба	марги	бура	чибак	№ примеров
C ⁺	ss	s			
si	š, h _λ	h _λ	š _λ	š, h _λ	48, 49, 55, 62
Csi _λ		(V) h _λ	h _λ		
h	h	h	h	h	61
hw	h, hw, Ø	hw, Ø	Ø	hw, Ø	
γ	h	γ	h, Ø	h, k, γ	60
,	ø	,	w	w	63
'w	,	Ø,	Ø,w	Ø	56
'y	'y	'y	y	y	58,
Hi _λ	yy,	y, Ø	(V)y,h	y	57
w	w	w	w	w	64
m	m	m	m	m	65
mm	mm	m	m	m	
mw	m	mw, m	mw	mw	
n	n	n	n	n	
n'	n'	mn'	n', m'	n'	68
l	l	l	l		
ll	ll	(V)l	l		67
li _λ	li _λ	y	i	l, y	14, 19, 34
		Интервокальная позиция			
b	b	b	b, p	b, p	
b	b	b, bb, mb	b, w	b	
bw	'w	bw			
v	v	v	v	v	67
f	f	f	f	f	
fw	fw	fw		f	
p	p	p	p	p	27
mb	mb	mb	mb	mb	
d	d	d	d	d	
d	d, r	d, r	r		12, 27
dd	dd, d	d	dd, d	d	
t	t	t	t	t	16
tt	tt		t		4
g	g	g	g, k	g, k	
gg	gg	g	g, k		
k	k	k	k	k	
kk	kk, k	g, h	k, h	k	
jk			ŋk	nk	
ŋ	ŋ, m	ŋ, m, Ø	ŋ, m, Ø	ŋ, m, Ø	8
z	z	z	s	z	
s	s	s	s	s	
š	š	š	š	š	
mš	s	mč	mš	š	65
c	c	c			3
č	č	č, s	c		
z	z	z	l		
si _λ	hi _λ	hi _λ , si _λ			30

*	кильба	марги	бура	чибак	№ примеров
h	h	h	h	h	
,	,	,	,	,	37
g	, Ø	g	g	g	13,
w	Ø	?w	?w	?w	56
m	m	m	m		
m	m	m	ŋ		45
n	n	n	n		
nn	nn	mn	nn		68
ń	ń	ń	ń		
l	l, Ø	Ø	l	l	49, 60
y	y	y			

Перечислим некоторые этимологические сближения корней протомарги с чадским, семитскими и общеостратическими, реконструированными в опубликованных и еще не опубликованных работах В.М. Иллич-Свитыча и А.Б. Долгопольского.

1. *্যাগ্যাল 'пыль' (н. *bUНA); 2. *্যাশим 'обезьяна' (ч. *্যাগ(λ)j(λ)); 3. *ফাল 'разламывать' (н. *বিচ্ছা); 4. *্যাত্তা 'вода' (?н. *wetA); 5. *্যা 'встречать' (ч. *্যা); 6. *fār 'бык' (ч. *্যার); 7. *fā 'поле, ферма' (ч. *phā); 8. *fālāj 'горло' (н. *bālč/u/ 'глотать'); 9. *fā 'дуть' (ч. *phā); 10. *fālāj 'прыгать, летать' (н. *প্রাল); 11. *fīwā 'дерево' (ч. *bwā > fwā); 12. *fwādā 'четыре' (ч. *phwā'dā); 13. *্যারা 'ночь' (ч. *বার্দা); 14. *্যালিј 'сезон дождей' (ч. *bāl/l/λ, н. *bilwi 'облако'); 15. *্যাল 'дом' (ч. *bāl); 16. *্যার্লা 'белый' (ч. *রংগল(t)λ); 17. *্যার্ল 'дождь' (ч. *rā/d/λ); 18. *্যা 'строить' (ч. *rālā); 19. *্যালিј 'большой белый камень для колдовства' (ч. *pal(λ)lā 'камень'); 20. *্যা 'душа, жизнь' (н. *শির 'юхать'); 21. *্যার 'палец' (ч. *phār(λ)/s/λ); 22. *্যারла 'развязывать' (котоко *bālā 'освобождать'); 23. *[mp]āl 'цветущее белым цветом' (ч. *রংগল 'рождаться, ребенок'); 24. *্যাল 'зажигать огонь' (ч. *mbālā); 25. *্যাল 'свет, светить' (ч. *m-bāl 'светлый'); 26. *্যাল 'связывать' (н. *bānτā); 27. *Cdālra 'след присутствия' (куш. *dA[r]Ar 'дорога, путь, след'); 28. *Nālā 'умирать' (н. *mutā 'кончать');

29. *্যā 'имя' (сем. *šim~šum); 30. *্যālā 'кость' (н. *ka/č/λ); 31. *্যālā 'пробовать на вкус' (н. *pitā 'есть'); 32. *Pālā 'жевать' (н. *pitā); 33. Nāwālā 'искать, охотиться, желать' (н. *gočā); 34. *্যālā 'собака' (н. *Kijnpā); 35. *kāl 'резать, отрубать голову' (н. *kačā); 36. *kālā 'голова'; 37. *kālā 'дыра' (?н. *gorā/gobā); 38. *kālā 'черный' (н. *Kār/ā/); 39. *kkāj/Ng/r/ 'язык, ругать' (н. *Kā/IN/ā); 40. *্যālā 'ловить, хватать' (н. *kalā); 41. *্যālā 'дочь, девушка' (н. *kūni); 42. *sam(λ) 'есть' (н. *čāmā); 43. *্যālā 'спать, дремать' (н. *zīNā 'ночь, провести ночь'); 44. *Pālā 'ребенок, сын' (н. *ž/a/ñ/λ 'плод, беременность');

45. *Pālā 'молодой человек, брат' (н. *zīNā 'молодой член рода'); 46. *্যālā 'лев' (н. * [z]Eja); 47. *্যāN 'знать' (н. *cīnā); 48. *্যālālā 'луна' (н. *zālgrā); 49. * [s]iālālā 'нога' (н. *zilwā 'кость'); 51. *্যālāwā 'бить, обрабатывать зерно' (н. *sarčā 'бить, рубить'); 52. *cā 'убивать' (н. *dāwā 'болеть, умирать'); 53. *Pēlā 'готовить на огне мясо' (н. *rišā 'готовить пищу'); 54. * Cālā 'нос' (н. *cüngā 'нюхать, запах'); 55. * [s]ālātā 'ухо' (н. *sām/ñ/λ 'слышать');

56. *Pwā - [Pw]ā 'женская грудь' (н. *c/e/bU); 57. *Hālā 'спина' (? н. *[?]ara); 58. *্যālā 'вода' (н. *jāmā 'водная поверхность'); 60. *্যālā 'воровать' (н. *kuλa); 61. *hālā 'кишки, внутренности' (н. *KārB/i/); 62. *sālā 'зуб' (сем. *šinn);

63. * [?]алл 'глаз, видеть' (куш.*^cill); 64. * wалил 'шея' (н. *gurla 'глотать');
65. *тамла 'кровь' (?с.-х. *m-Hamla 'мясо', н. *Homsa); 67. *llvялл 'лев' (сем.
*lb- 'львица'); 68. *пплла(та) 'молодой, свежий' (н. *'п'oc'tE/пoyrE).

М. В. Софронов

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТАНГУТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В отличие от широко известных иероглифических письменностей, которые прошли естественный путь развития от простейших пиктограмм до весьма специализированных изображений, несходных с обозначаемым предметом, тангутское письмо было создано в результате сознательной деятельности одного человека или, скорее всего, целой комиссии филологов. Поэтому тангутское письмо представляет теоретический интерес прежде всего как одна из немногих сознательно построенных иероглифических письменностей, создатели которой руководствовались определенными теоретическими принципами.

Знаки иероглифических письменностей могут быть созданы несколькими способами, которые были хорошо известны в китайской традиционной филологии под названием лю шу "шесть категорий". Создавая собственную иероглифическую письменность, тангутские филологи старались избежать того пути, по которому однажды уже прошла китайская письменность. Они разработали графику, которая существенно отличалась от графики китайского письма и — самое главное — они избрали отличный от китайского ведущий способ образования знаков китайского письма — идеографию. Идеографический принцип построения письменных знаков оказал существенное влияние на образование знаков других категорий.

Идеография означает объединение в одном иероглифе нескольких значимых графических единиц, которые в сумме образуют искомый смысл. Соединение целых знаков тангутской письменности привело бы к появлению иероглифов настолько значительной сложности, что никто не смог бы ими пользоваться. Поэтому иероглифы-носители слагаемых значений входят в письменный знак не целиком, а только частично. При столкновении графической структуры знаков в "Море письмен" иероглифы — носители смысла приводятся полностью и при этом указывается, какая именно их часть входит в знак, подлежащий истолкованию.

Устойчивый графический комплекс, являющийся носителем смысла в составе иероглифа, называется графическим элементом. В тангутской письменности простые знаки, состоящие из одного графического элемента, составляют меньшинство, а сами графические элементы, как правило, не выступают как автономные знаки тангутского письма. Примечательной особенностью графических элементов тангутской письменности является то, что один и тот же графический элемент может в составе разных знаков представлять различные знаки — носители смысла и звучания. Принципиальная многозначность и полифункциональность графического элемента потребовалась создателям тангутской письменности для того, чтобы существенно расширить объем идеографической

категории иероглифов и тем самым сделать идеографический принцип структуры иероглифов ведущим при образовании знаков тангутского письма.

Говоря формально, процесс образования иероглифов идеографической категории состоит в сложении графических элементов, представляющих элементарные значения, на которые разложено общее значение образуемого иероглифа. Знак тангутской письменности может состоять из одного графического элемента и в этом случае можно говорить о сложении графического элемента с нулем. Знак тангутской письменности чаще всего состоит из двух графических элементов, но в случае необходимости их число может быть доведено до трех или даже до четырех. В этом случае налицо аналогии со сложением целых положительных чисел. В некоторых случаях знаки тангутской письменности представляют собой усечения более сложных, и в этом случае можно говорить об аналогии со сложением положительных чисел с отрицательными. Таким образом, в формальных правилах создания знаков тангутской письменности реализованы все возможности операции сложения.

Содержательные связи между графическими элементами, объединенными в иероглиф, могут быть различными. По типу содержательных связей между элементами тангутские иероглифы делятся на четыре класса.

Пиктограммы. Среди знаков тангутской письменности обнаружена пока лишь одна пиктограмма – знак "ворота", по поводу которого в "Море письмен" сказано, что он представляет собой изображение ворот. Исследователи тангутского письма отмечают, что графические элементы "баран" и "бык" представляют собой также пиктограммы, хотя по их поводу в "Море письмен" нет соответствующих замечаний. Поэтому пиктографический принцип присутствует среди принципов тангутского письма в неявном виде.

Идеограммы. Большинство знаков тангутского письма представляют собой идеограммы. В китайской традиционной классификации иероглифов внутри класса идеограмм различаются собственно идеограммы и так называемые иероглифы указательной категории. Знаков чистой указательной категории в "Море письмен" не отмечено, однако представляется не случайным наличие горизонтальной черты над знаком "верх", поэтому можно считать, что и этот принцип присутствует в неявном виде. Графические элементы знаков-идеографов могут быть расположены не единственным способом. Поэтому в определенных условиях создавались знаки, различающиеся не составом, а лишь порядком графических элементов. Такой способ образования письменных знаков напоминает способ чжуаньчжу в китайской письменности, однако это сходство лишь формально, потому что по характеру содержательных отношений между графическими элементами эти знаки остаются идеограммами.

Фонетические знаки. Эти знаки содержат графический элемент, указывающий чтение знака в целом, и графический элемент, указывающий его значение. Знаки этого класса встречаются несколько реже, чем идеограммы, но тем не менее составляют заметную часть тангутских иероглифов. Другим типом фонетических знаков являются знаки – фаньце, где первый графический элемент означает начальный согласный, а второй – вокалическую часть и тон слова, обозначенного иероглифом.

Усеченные знаки. Знаки этого класса образуются путем отделения одного или нескольких графических элементов от более сложных знаков.

О СИСТЕМЕ ФИНАЛЕЙ ТАНГУТСКОГО ЯЗЫКА

(Х.Н.Э.)

Система финалей тангутского языка в основном была реконструирована М.В. Софоновым. Результаты этой реконструкции изложены в его "Грамматике тангутского языка" (т. I, стр. 136–138). Ниже предлагаются некоторые уточнения данной реконструкции.

1. Система гласных тангутского языка, видимо состояла из 8 фонем: *i* *ii* *e* *ä* *ö* *u* *a*. Такая система реконструируется на основании данных иноязычных (китайских и тибетских) транскрипций, а также данных о порядке следования друг за другом рифм в словаре "Вэнхай". Если отвлечься от конечных согласных, несколько нарушающих этот порядок, то последовательность расположения гласных тангутскими филологами будет следующая: *u*, *ä*, *ö*, *e*, *i*, *ii*, *a*, *ä*. сначала следуют гласные более высокого подъема, а затем – более низкого (лишь в случае с *a*, *ä* и *ä*, *e* это правило нарушается); неогубленные гласные следуют за огубленными того же подъема; гласные переднего ряда следуют за гласными заднего ряда того же подъема. Гласный *o*, реконструированный М.В. Софоновым в рифмах 1.49–1.56 большого цикла, видимо, представлял собой дифтонг *ai* (а в рифмах 1.51, 1.56 – *äu*), как подсказывает расположение соответствующих рифм в "Вэнхай" – после рифм с дифтонгами *äi*, *eu*. Лишь позднее (к моменту появления китайских и тибетских транскрипций) он, очевидно, перешел в *o*.

2. Система медиалей тангутского языка включала в себя медиаль *w* и две палатальные медиали – *j* и *j*, которые можно считать распределенными между собой дополнительно: первая встречается только перед передними, а вторая – только перед задними гласными. Медиаль *I*, реконструированную М.В. Софоновым, мы предпочитаем рассматривать как пустую медиаль перед передними гласными. Китайские транскрипции в соответствующих случаях такие же, как и транскрипции слов с медиалью *j* (поскольку в китайском языке того времени передние гласные не после медиали *j* вообще отсутствовали), а дистрибуционные характеристики начальных согласных совпадают с дистрибуционными характеристиками начальных согласных при пустой медиали и заднем гласном. Финалы с такой пустой медиалью могут или выделяться в особые рифмы (в основном при отсутствии конечного согласного), или объединяться в одну рифму с финалями, содержащими медиаль *j*.

3. Конечные согласные представляют одну из сложнейших проблем тангутской реконструкции, поскольку они очень плохо отражаются иноязычными транскрипциями. М.В. Софонов реконструировал два конечнослоговых согласных: -*p* (некоторый носовой) и -*s* (некоторый неносовой), высказав гипотезу, что, по крайней мере в части рифм, этот второй согласный может быть велярным. Мы считаем возможным утверждать, что в тангутском языке "Вэнхай" различалось по меньшей мере два конечных неносовых согласных.

Дело в том, что ряд рифм "Вэнхай" обладает одной особенностью, резко отделяющей эти рифмы от всех остальных. В основном это рифмы большого цикла (рифмы 5, 6, 7, 12, 13, 14, 22, 23, 31, 32, 37, 38, 39, 47, 52, 53), которые имеют особые цепи фаньце для инициалей, т.е. начальные согласные слов, входящих в эти рифмы, могут транскрибироваться только начальными согласными слов,

также входящих в эти рифмы, и не могут транскрибироваться инициалиями слов из остальных рифм. Таким образом, все тангутские рифмы очень четко разделяются на два класса: перечисленные выше и остальные. Наличие особых цепей первых знаков фаньце не может в данном случае говорить о наличии в этих рифмах какого-то префикса, поскольку в таком случае они были бы выделены в особый цикл (ср. 1-й малый цикл рифм с префиксом *h*, 2-й малый цикл с префиксом *r*). Скорее всего, в этих рифмах был представлен некоторый ларингальный конечный согласный (видимо, гортанная смычка), ларингальный признак которого распространялся на весь слог. Начальные согласные соответствующих слов получались как бы "глоттализованными", в результате чего они и описывались особыми цепями фаньце. В пользу гортанной смычки в качестве конечного согласного в этих рифмах говорят и некоторые дистрибутивные данные:

1) В рифмах, перечисленных выше, практически отсутствуют слоги с начальной гортанной смычкой — т.е. действовал запрет на одновременное наличие двух гортанных смычек в слоге; 2) в тех же рифмах чрезвычайно редко встречаются приыхательные инициали, что естественно при допущении глоттализации (хотя бы нефонологичной) начальных согласных; 3) наконец, в этих рифмах нейтрализовано противопоставление двух регистров, различающихся в остальных рифмах, что также естественно при допущении гортанной смычки в качестве конечного согласного.

Представим теперь систему финалей тангутского языка с учетом сделанных замечаний (как достаточно репрезентативные, мы будем перечислять только рифмы ровного тона 1-го большого цикла) *:

1. -u	15. -iN	29. -je	43. -əu
2. -jü	16. -iiN	30. -e	44. -iəu
3. -ü	17. -a	31. -jə?	45. -jeu
4. -uK	18. -ja	32. -je?/-e?	46. -eu
5. -u?	19. -jä	33. -ai	47. -jəu?
6. -iu?	20. -aK	34. -jai	48. -jəuN(?)
7. -jü?/-ü?	21. -iaK	35. -jäi	49. -au
8. -i	22. -a?	36. -a i	50. -iau
9. -j?	23. -ia?	37. -ai?	51. -jäu/-äu
10. -ji	24. -aN	38. -iai?	52. -au?
11. -i	25. -jaN	39. -jäi?/-äi?	53. -iau?
12. -i?	26. -jäN	40. -əi	54. -auN
13. -i?	27. -ə	41. -jəi	55. -iauN
14. -ji?/-i?	28. -iə	42. -jei/-ei	56. -jäuN
			57. -iuw(?)

* Знак **N** обозначает некоторый носовой согласный, а знак **-K** некоторый неносовой (скорее всего, велярный) согласный.

МАТЕРИАЛЫ К СРАВНИТЕЛЬНОЙ ФОНЕТИКЕ
АФРАЗИЙСКИХ ЯЗЫКОВ
(Западночадские реконструкции..,

Афразийскую (с.-х.) семью образуют семитские, египетский, кушитские, берберские и чадские языки. Чадская ветвь подразделяется на центральную, восточную и западную группы. Работа представляет собой исследование по сравнительно-исторической фонетике зап.-чад. языков. Проводилась она на материале трех из семи подгрупп зап.-чад. языков: ангас (языки ангас, сура, чип, монтол, герка, анкве), болева (языки болева, карекаре, дерга, тангала, нгамо и маха), хауса (языки хауса и гвандара). Внутри каждой из перечисленных подгрупп были установлены регулярные фонетические соответствия для гласных и согласных и реконструировано 250–300 корней праязыка. Затем соответствия были установлены между праконгасским, праболевским и пракаусанским. На этом этапе использовалась также немногочисленная лексика зап.-чад. языков паа, врджа, буррум и нгизим, которые входят в другие подгруппы. Удалось реконструировать более 200 празап.-чад. корней. Ниже приводятся некоторые из них; с.-х. этимологии даны после знака //.

- *indA 'глаз': праанг. *yid: сура, чип *yit*, монтол *yit*, ангас *yit*, *yid*, герка *yit*, *laid*, анкве *hasyid*, *yit*; праболев., *ido: болева, карекаре *ido*, дерга *yero*, тангала *idu*, нгамо *ido*, маха *ida*; пракаус. *indA: хауса *ido*, гвандара *ndani* // сем. *cajn куш. *cIn-, pl. *cInτa;
- *dūk₁- 'быть, убивать': праанг. *tuk₁: сура *tù*, ангас, анкве *tu*, чип *tə*, герка *to k*, монтол *tutu*; праболев. *duk₁-: болева *duw-*, карекаре *duk*, тангала *tugə*, дерга *duwi*, нгамо *dukfi*, маха *duhayo*; хауса *dūkā* // аккад. *dwk*, егип. *təħ*;
- *giralm 'зерно': праанг. *kirAm: монтол *shiem*, герка *kirrum*, анкве *shiar-*; хауса *gerō* // сем. *gir 'зерно, боб';
- *gwam- 'встретить(ся)': праанг. *gwam: ангас *gwom*, герка *kwam*; праболев.
- *gam-: болева *gom-*, карекаре *gam*, тангала *kum*; хауса *gama* // сем. *gam- 'куча, вместе';
- *hamA 'вода': праанг. *ham: сура *am*, ангас *am*, монтол *ham*, герка *yat*, анкве *ham*; праболев. *hama: болева *amta*, карекаре *am*, тангала *am*, маха *amma*, нгамо *ham*; баде *aam-* *ən*;
- *hA-lisim 'язык': праанг. *lis: сура, монтол *lis*, чип *liis*, ангас *lis*, герка *lis*; праболев. *l'yllisim: болева *lisim*, карекаре *lusa*, дерга *jilik*, нгамо *linsa*, маха *dilis*; пракаус. *haršA: хауса *harshe*, гвандара *arisiya* // ег. *nš*, сем. *lisān; *ilnk₁A 'тело': праанг. *šA k: сура *shik*, ангас *sheuk*, герка *tək*; праболев. *zAk₁A: болева *jiwo*, *ziwo*, карекаре *zi(u)*, тангала *ik-*, дерга *yik*, перо *shik*; пракаус. *žinkA: хауса *jiki*, гвандара *pkui*; нгизим *sowi*, бурум *shok* // куш. *žAq lq- 'мясо, плоть';
- *čAkAm 'нож': праанг. *čuk: ангас *chuk*, монтол, анкве *shik*; праболев. *sakä|m|: тангала *sakam*, нгамо *səki* // сев.-зап. сем. *šakkīn
- *č₁[ö]b A 'дерево, лес': праанг. *šlylep: герка *shyep*, монтол *ship*; праболев.
- *č₁oPi: болева *swi*, *čowi*, дерга *sowi*, нгамо *tʃəʃə* // куш. *qAç- араб. *ħaṣab* 'строительный лес'; *kerasA 'рыба': праанг. *kirAp: монтол *šiep*, герка *kirrap*

анкве *sharrp*; праболев. **kərafo*: болева *kerwo*, карекаре *caraſu*, дерпа *shiruwo*, нгамо *keſo*, маха *kerwo*; хайса *kīſi* //сем.-хам. **kl*;
 **lUwA* 'эврь, мясо': праанг. **luwā*: сура, монтол *luwā*, герка *lia*, анкве *lu*;
 праболев. **low*: болева, карекаре, маха *lo*, тангала *lɔ*, нгамо *lu* // куш. **liwA*-
 'корова';
 **marA* 'поле, обрабатывать землю': араанг. **mār*: сура *māar*, ангас *mār*, чип *mar*,
 монтол *mai*, анкве *ta*; праболев. **marA*: болева *mar-*, дерпа *marra* // ег. *mr.* сем.
 **mar* 'мотыга';
 **pwaſA* 'солнце': праанг. **pūs*: сура *pūs*, ангас *pūs*, монтол *pəyəs*, *pūs*, ан. ве
pus, герка *bis*; праболев. **pwiati*: болева *poti*, *p'oti*, карекаре *sati*, дерпа *pwəri*,
 тангала *puda*, нгамо *fotu*, маха *poti*; хайса *fatsar-fatsar* 'поздненная жара';
 **pwUc-* 'чистить': праанг. **pwos*: сура *pwos*, ангас *p̥os*; праболев. **puſ-*: дерпа
pede, тангала *puſd-* //куш. **pAſ|č-* 'скрести'; **sumA* 'имя': праанг. **sum*: сура
sūm, ангас *sūm*, монтол, анкве *sum*, герка *attum*, *təm*; праболев. **sumA*: карека-
 ре *səm*, дерпа *yim*, тангала *sūm-ɔ*, нгамо *sun*, маха *sum*; хайса *sūnā* //сем.
 šim*/šum*;
 **s₁arA* 'рука': праанг. **sār*: сура, чип *sār*, ангас *sār*, монтол *sai*, анкве *sar*;
 праболев. **s₁ara|k₁i*: болева, карекаре, маха *sara*, дерпа *aričk*, тангала *yara* //
 сем. **dira-c* 'рука';
 **cag* - 'резать': праанг. **sak*: сура, ангас *sak*; тангала *suk*; 'пахать'; прахаус.
 **cag* - хайса *cāga*, гвандара *caka*;
 **tamA* 'овца': праанг. **μιt*: сура, ангас *tin*, чип *təm*, монтол *t̥əm*; праболев.
 **tem[S]i*: болева *tamši*, карекаре *temši*, тангала *tenji*; хайса *tumkiyā*, *tumkiyā*;
 **yedA* 'птица': праанг. **ye[d]A*: сура *yēr*, ангас *yēr*, чип *yēr*, монтол *yišēi*,
 анкве *yar*, герка *yad*; праболев. **yid̥i|yA*: дерпа *yid̥əyo*, тангала *'idi*, маха
widi //ег. *idw* 'птица (какая-то)'.

С.Л. Николаев

О МОРФОНОЛОГИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ГЛАГОЛЬНОГО КОРНЯ

Древнегреческие непроизводные глагольные корни бывают трех основных фонетических видов: 1) (С)СV (корни на долгий гласный, как у глаголов *φῶ*, *ὤστη* и т.п.); 2) CVC (корни на согласный, как у глаголов *βῆναι*, *έπι* и т.п.); 3) CV_CV (корни на краткий гласный – например, в *ἐχέτε* от *έχω*).

Выделяются два класса прикорневых суффиксов парадигматических и вне-парадигматических образований, которые, при присоединении к корню, вызывают в последнем морфонологические модификации, специфические для каждого из классов суффиксов.

К суффиксам 1-го класса принадлежат инфектные (презентно-инперфектные)¹ суффиксы $\{je\}^*$, $\{\text{nā}\}$, $\{\text{nā}\}$, $\{\emptyset\}$ (неудвоительного инфекта), интерфикс $\{\dots n \dots ane\}$, суффикс пассивного аориста $\{\bar{e}\}$ и суффиксы отглагольных имен $\{\text{iās}\}$, $\{\text{to}\}$ (существительных), $\{\text{uθ}\}$, $\{\text{uhθ}\}$, $\{\text{uθ}\}$, $\{\text{uhθ}\}$.

В общем виде модификации исходного вида корня, вызываемые суффиксами 1-го класса, показаны в ниже в таблице. Не отмечены такие случаи, когда исходный вид корня не изменяется.

Ко второму классу относится перфектный суффикс $\{H\}$; аристные суффиксы $\{s\}$ (с тематическим вариантом $\{se\}$) и $\{\emptyset\}$ ^{аог.}, суффиксы отглагольных имен $\{\text{ter/tor}\}$, $\{\text{mat}\}$.

Таблица

корень суффикс	CVCV	CVC	(C)CV
на шумный	$\text{C}\bar{\text{V}}\text{C}\check{\text{V}} \rightarrow \text{C}\check{\text{V}}\text{C}\check{\text{V}}$ $\text{C}\check{\text{e}}\check{\text{j}}\check{\text{V}} \rightarrow \text{C}\check{\text{i}}\check{\text{j}}\check{\text{V}}$ $\text{C}\check{\text{e}}\check{\text{w}}\check{\text{V}} \rightarrow \text{C}\check{\text{u}}\check{\text{w}}\check{\text{V}}$	$\text{C}\check{\text{e}}\check{\text{w}} \rightarrow \text{C}\check{\text{u}}$ $\text{C}\check{\text{e}}\check{\text{j}} \rightarrow \text{C}\check{\text{i}}$ $\text{C}\check{\text{V}}\text{H} \rightarrow \text{C}\check{\text{V}}$	$(\text{C})\text{C}\bar{\text{U}} \rightarrow (\text{C})\text{C}\check{\text{U}}$ $(\text{C})\text{CA} \rightarrow (\text{C})\text{CA}$
$\{\text{nū}\}, \{\text{nā}\},$ $\{\text{ne}\}$	$-\check{\text{V}} \rightarrow -\emptyset$ $\text{CaC}\check{\text{V}} \rightarrow \text{Ca}\check{\text{C}}$ $\text{C}\check{\text{e}}\check{\text{C}}\check{\text{V}} \rightarrow \text{C}\check{\text{i}}\check{\text{C}}/\text{C}\check{\text{e}}\check{\text{C}}$	$\text{C}\check{\text{e}}\text{R} \rightarrow \text{CR}_\emptyset$	$(\text{C})\text{C}\bar{\text{U}} \rightarrow (\text{C})\text{C}\check{\text{U}}$ $(\text{C})\text{CA} \rightarrow (\text{C})\text{CA}$
$\{je\}$	$-V \rightarrow -\emptyset$	$\text{CaC} \rightarrow \text{Ca}\check{\text{C}}$	$(\text{C})\text{C}\bar{\text{V}} \rightarrow (\text{C})\text{C}\check{\text{V}}$
$\{\emptyset\}$ ifc	$\text{C}\bar{\text{V}}\text{C}\check{\text{V}} \rightarrow \text{C}\check{\text{V}}\text{C}\check{\text{V}}$ $\text{C}\check{\text{e}}\check{\text{V}} \rightarrow \text{C}\check{\text{i}}\check{\text{V}}$ $\text{C}\check{\text{e}}\check{\text{V}} \rightarrow \text{C}\check{\text{u}}\check{\text{V}}$		
на гласный и $\{\dots n \dots ane\}$	$\text{C}\bar{\text{V}}\text{C}(\check{\text{V}}) \rightarrow \text{C}\check{\text{V}}$ $\text{C}\check{\text{e}}\text{RC}(\check{\text{V}}) \rightarrow \text{CBC}$ $\text{C}_{\text{N}}\check{\text{e}}\text{C}(\check{\text{V}}) \rightarrow \text{C}_{\text{N}}\check{\text{e}}\text{C}/\text{C}_{\text{N}}\check{\text{a}}\text{C}$ $\text{C}_{\text{N}}^{\text{L}}\check{\text{e}}\text{C} \rightarrow \text{C}_{\text{N}}^{\text{L}}\check{\text{e}}\text{C}/\text{C}_{\text{N}}^{\text{L}}\check{\text{a}}\text{C}$	нет примеров	

При присоединении суффиксов 2-го класса модификации не подвергаются корни CVC. Корни CVCV и (C)CV избирают вид модификации в зависимости от принадлежности к одному из парадигматических классов (см., например, С.Л.Никифоров, С.А. Старостин "О парадигматических классах индоевропейских глаголов" в этом сборнике). Корни CVCV 1-го класса модифицируются в CVC(V) (сохранение/отпадение аудиалного гласного мотивируется фонетически); корни CVCV 2-го класса модифицируются следующим образом: (s) CACV — (s) CCV при $\text{C}_2 \neq w, j$ [либо если $\text{C}_2 = m, a, \text{с} \underline{\text{оним}}]$; $\text{C}\check{\text{e}}\check{\text{j}}\text{V} \rightarrow \text{C}\check{\text{i}}\check{\text{j}}\text{V}$, $\text{C}\check{\text{e}}\check{\text{w}}\text{V} \rightarrow \text{C}\check{\text{u}}\check{\text{w}}\text{V}$. Остальные корни CVCV остаются без изменений.

*Значения символов: A = широкие гласные; U = узкие гласные; R = любой сенсон; L = l; r; N = n, m; {θ} = место тематического гласного либо -ā-(в именах ж.р.). {H} = морфонема, реализующаяся как -k- в интервокале, как придвижение после шумных и как θ в прочих случаях. В тезисах, кроме орографической записи, используется латинская транскрипция; во всех возможных случаях восстанавливается *w (дигамма) и *j

Корни (С) С^V 1-го класса модифицируются следующим образом: (С) С^U → (С) С^U, (С) С^A → (С) С^A. Корни (С) С^V 2-го класса сохраняют долготу гласного.

Примеры на образования с суффиксами 1-го класса: ἵκετης ← ἵκω; ~~ἀπέστεντος~~
← ~~ἀπέστεν-~~; δέτος ← δέω; χύτλον ← χείFω; τίτης ← τίνυμαι; δότης ← δίδωμι; δύτης ← δύω;
δετή ← δίδημι; δάκνω при fut. δηξομαι; κίρνημι при κεράνυμι; τάνυμαι при τείνω;
φθάνω при fut. φθήσω; δέματι при δείμος; ἐρράγην ← ῥίγυνμι; ἐταρπόμητον ← τέρπω;
ἐτράπην ← τρέπω; ἐδάρην ← δέρω; ἐστέρην ← στερίσκω и т.п.

Примеры на образования с суффиксами 2-го класса:

Корни 1-го класса: а. ἔγεντο, pfc. γέγονα ← γίγνομαι, pfc. μεμηλα ← μέλω
γενέτωρ ← γίγνομαι, μελέτωρ ← μέλω; pfc. τέθυκα ← θύω, λέλυκα ← λύω и т.п.

Корни 2-го класса: а. ἐπέπνη, pfc. πέπτηκα ← πέτομαι; κράτήρ ← κίρνημι; pfc.
δέδυκα ← δύω, πέφυκα ← φύω и т.п.

В древнегреческом языке письменного периода наблюдается определенное количество колебаний и исключений из приведенных выше морфонологических правил, однако основная масса материала подтверждает их архаичность.

Вяч. Вс. Иванов

МИГРАЦИОННЫЕ ТЕРМИНЫ В ЯЗЫКАХ ЕВРАЗИИ

1. Название 'леопарда', 'барса'

Источником евразийских названий 'леопарда', 'барса' является хатти *ha-prašš-un*, в билингве 412/в Vs 30a, b соответствующее логографическому хеттскому написанию *ŠA UR.TUR* 'леопарда'. После вычленения префикса *ha-* и суффикса *-(u)n*, как в *ha-p/uši-wišuna-n* 'среди людей', остается основа хатти *-prašš-*, тождественная основе хет. *parš-an-a-* (к суффиксу *-na*ср. хет. *ulip-na-* 'волк' от и.-е.* *ulkʷ/*ulp-*), перс. *pārš~fārs* 'пантера' (ср. сарыкольск. *pis* 'барс', 'леопард'), откуда и др.-турк. *bärs, bar* 'тигр' (а в конечном счете и рус. *барс*), монг. *bars, bar* 'тигр' при несколько отличном фонетическом варианте (с конечным *-d-*, а не *-s-*) в афг. *prāng, -осет.* *fərank//ʃəlank* 'барс', 'леопард', вахан. *pəlang*, ишк. *pəlang* (из перс. * *pałang*), др.-инд. *prāḍaku* (у лексикографов), греч. πόρδαλις, πάρδαλις, πάρδος 'леопард'. В качестве исходного восстанавливается конечный межзубной щелевой, который мог быть передан либо как *-s-*, либо как *-d-* при заимствовании; возможно, что такой щелевой передавался сдвоенным *-šš-* в хатти *prašš-*.

Почитание леопарда в культуре хатти непосредственно продолжало значительно более древнюю туземную малоазиатскую традицию, засвидетельствованную еще в VII–VI тысячелетиях до н. э. в Чатал-Гююке, где на храмовых фресках и скульптурах отмечается ритуальная роль двух леопардов (как атрибутов богини плодородия, что согласуется с ролью леопарда как одного из символов плодородия в архаическом хеттском царском ритуале хаттского происхождения KUB XXIX 1 II 28–30) и пляска воинов в леопардовых шкурах (ср. в хеттском ритуале KBo X 23 III 3 *ni par-ša-ni-li tar-ú-i-eš-kán[-zi]* 'и они пляшут на леопардовый лад'). Уже в описании царского священного зверинца в древнейшей хеттской надписи царя Аниитты, как и в ряде архаических ритуалов, 'леопард' выступает в качестве одного из диких 'животных богов' *šiunaš hūitar*, где *šiun-*

родственно латыш. *dievs* 'бог' в сочетаниях типа *dievo suns* 'божий сын' = 'волк', др.-рус. *дивий звери* 'дикие звери' и т.п.). Традиция леопардов как священных 'животных богов' в царских зверинцах объединяет древнюю Малую Азию с Африкой.

2. Древние евразийские названия металлов

2а. Название 'железа'

По новейшим данным химического анализа выплавка железа впервые была осуществлена в Анатолии не позднее 2100 г. до н.э. Рубежом 3-го и 2-го тысячелетий до н.э. датируются письма староассирийских торговцев, отправлявшихся в Малую Азию, в частности, в надежде приобрести железо (ценившееся в 40 раз дороже серебра и в 8 раз дороже золота); в письмах упоминается позднейшая обработка криц с потерей их в весе, что удостоверяет наличие сырого способа производства железа. Приурочение этого технического открытия к этносу хатти доказывается исключительной ритуальной ролью железа и орудий из железа в обрядовых и мифологических текстах хатти. Хатти *ḫapalki* 'железо' (фонетически /xaflki/ ~ /xafrki/) заимствовано в хеттский, хурритский и западные (левантинские) диалекты аккадского, а также в ряд окрестных языков: в древнегреческий в двух формах — более древней (микен., *ka-ko* = ҳалкóς с диссимиляцией по закону Грассмана из **gʰełgʰ-*, откуда и балтийские и славянские названия железа) и более новой (ҳáлк 'сталь', ҳáлубéς 'народ-железоделатели' на северном берегу Черного моря, то есть в области хатти), в грузинский (*khina* при хат. *Hawarkina* — в отличие от сван. *berez* 'железо', акк. *parzillu* 'железо', угар. *brsl*, лат. *ferrum*), армянский (*erkat*). Особый интерес представляет совпадение с пфармой, отраженной в греческом, восточно-азиатском **khlek-* (тай *lek*, тиб. *lēags*, арх. кит. *thiet* < *θek, яо *lhiaak* и т.п.). Лингвистические данные о миграции названий железа согласуются с археологическими свидетельствами диффузии металлургии железа в Евразии во 2-м и 1-м тысячелетиях до н. э.

2б. Название 'стали' в языках Центральной и Восточной Азии

Недавно исследованная металлургия золота у чжурчжэней была связана с цветной и черной металлургией других народов Евразии, что дает возможность сблизить чжурчж. *'an-č'ip* 'золото' с хорезм. *hnčw*, осет. *əndon* 'сталь', тох. А *ačsi* 'железо', В *ejišo*.

2в. Древнее название 'меди', 'оружия из меди'

Давно выявленный в языках Юго-Восточной Азии миграционный термин со значением 'меди' (письм. бирм. *kre*, мру *kri*), 'орудие (из меди или бронзы)' (тиб. *grī* 'нож', мал. *kēris* 'обоюдоострая сабля', яв. *kēris*) обнаруживает явное сходство с шум. *ngīrī* 'кинжал', что представляет особый интерес в свете гипотезы о раннем характере юго-восточно-азиатской бронзы.

2г. К древней форме названия 'серебра'

Сопоставление балто-славяно- германского 'серебра' с миграционным средиземноморским термином типа Груз.-зап. **wercxl* — 'серебро' (груз. *wercxl*) при баск. *zirar*, *zidar*, араб. *ṣarīf*, хауса *'azzurfa* должно учитывать, по-видимому, и возможность выделения в этом последнем двух разных основ, одна из которых сопоставима с бурушакси *biṇ'* 'серебро' (ср. вторую половину балто-славяно- германского термина).

ДЕСКРИПТИВНЫЕ ПРАФОРМЫ В НОСТРАТИЧЕСКОМ
ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ (т. I) В.М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧА

0.1. Любой сравнительный словарь уже в силу проработанного в нем материала современных языков представляет немалый интерес для типолога; том, соединяющий в себе сравнительный словарь и словарь этимологический, ценен вдвое; Ностратический же словарь — уникален.

1.1. Словарь В.М. Иллич-Свитыча, как это нередко бывает с масштабными предприятиями, перерастает рамки, поставленные самим автором. Это касается, в частности, дескриптивных (звукоподражательных) образований.

1.2. Автор подчеркивает, что "при отборе сходств" случаи "элементарного сродства" как одного из источников мотивированных совпадений "были устранины" (стр. 4). Далее, однако, делается оговорка относительно того, что в словарь включен "ряд образований, имеющих дескриптивную ... окраску, но не обнаруживающих существенных нарушений регулярных фонетических соответствий" (стр. 106); эти образования снабжены пометой "дескрипт.".

1.3. Подсчет показывает, что всего в I томе Словаря квалифицируются как дескриптивные 20 слов (8,2% материала тома), из них 4 — гипотетически. Приводят к выводу, что все "гипотетические" случаи можно с уверенностью отнести к дескриптивам. Детальный анализ, однако, заставляет признать дескриптивными еще по крайней мере 84 слова (из них 21 — предположительно). Всего, следовательно, представляется необходимым выделить 104 дескриптивных образования (42,4% материала); за вычетом спорных случаев это составляет 83 слова — 33,9%. Таким образом объем дескриптивной лексики в рассматриваемом корпусе даже по весьма осторожным подсчетам превышает одну треть его объема.

1.4. Дескриптивная (звукоподражательная) лексика в Словаре распадается на две группы: звукоподражательные слова (ономатопеи) и звукосимволические слова.

1.4.1. Звукоподражательные слова представлены лишь артикуляторными ономатопеями — в последних находит отражение "воспроизведение" звуковых физиологических процессов, производимых человеческим носом, ртом и горлом; акустические ономатопеи (в которых находит отражение "подражание" звукам окружающей действительности) в Словарь не включаются.

Приводимые здесь и ниже примеры пометы "дескрипт." в Словаре не имеют: № 57. *ξʌf tʌ* 'есть' (= 'пробовать на вкус, причмоквая'); № 136. *zit̪* 'есть' (= 'откусывать зубами'); № 160. *käjwʌ* 'животь'.

Есть и менее прозрачные случаи; фонетически мотивированный характер многих слов затмлен (особенно в ходе семантического развития). Ср.: № 222. *Käp̪a* 'лапа'; № 157. *kam̪i* 'хватать, сжимать'; № 100. *hawʌ* 'страстно желать'; № 101. *ħaju* 'жить, жизненная сила'.

Международность подобных образований неоднократно отмечалась (А. Йоханнессон, Й. Гонда, В. Гезениус, А.М. Газов-Гинзберг и др.).

1.4.2. Звукосимволические слова представлены в значительной мере обозначениями, в основе фонетической мотивировки которых лежит признак формы

объекта (округлость, изогнутость, вытянутость). Ср.: № 243. ҚU/p/a 'куча'; № 94. gUl'a 'круглый, шар'; № 202. kol'a 'круглый'; № 25. ыйKa 'стибать, согнуться': латыш. *baigurs* 'возвышение, холм', монг. письм. *böker* 'горб верблюда'; № 92. güpA 'гнуть(ся)': алт. *gübä-/göbä* 'изогнутый, выпуклый'.

Более сложные случаи — примеры синестезии, где имеем отражение целой гаммы ощущений — зрительных, температурных, вкусовых и болевых. Ср.: № 95. gUr'a 'горячие угли': с.-х. *g(w)r* 'огонь, уголь' ~ и.-е. *gʷʰher-* 'гореть, горячий, горячие угли'; № 145. jaga 'сиять': тулу *eriju-* 'сверкать, быть горячим', кодагу *eri* 'горит (во рту)', гонди *ēgilā* 'сильно болеть' (→ 'жечь').

Нередко слово оказывается результатом своеобразного переплетения звукосимволических факторов с факторами ономатопеическими (притом не только артикуляторными, но и акустическими). Ср.: № 240. Қipä 'кипеть, вздуваться'.

2.0. Рассмотрение дескриптивных праформ в Ностратическом этимологическом словаре (т. I) В.М. Иллич-Свитыча приводит нас к следующим основным выводам: запас дескриптивных корней в языке значительно больше, чем это принято считать; необходима активная разработка теоретических проблем дескриптивной лексики и звукоизобразительности; актуальным является вопрос об адекватном отражении дескриптивной лексики в словаре (с выявлением характера связи между звуком и значением в слове и обусловленности фонемного состава дескриптивного корня).

Ю.И. Смирнов

НОСТРАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ФОЛЬКЛОР

Опыты сравнения ностратических языков и "вероятностная оценка исследуемых сходств", сделанные В.М. Илличем-Свитычем и его друзьями (В.А. Дыбо и др.), в своем методическом отношении выходят за пределы "чистой" лингвистики. Они представляются вехами пути, по которому когда-либо, но вряд ли в обозримом будущем, пойдет и фольклористика. Теперь же фольклористы, по-видимому, в массе своей даже не имеют понятия о ностратике.

Что же мешает фольклористам плодотворно пользоваться открывающимися возможностями? Тому имеется немало объективных и субъективных причин. Я укажу лишь на некоторые и только с той целью, чтобы было понятно, что даже окаянные энтузиасты в фольклористике бессильны, в отличие от барона Мюнхгаузена, выдернуть сами себя из сложившейся ситуации.

Трудность прежде всего в том, что фольклорный текст (произведение) — основная единица, коей оперируют фольклористы, — значительно более сложная и емкая единица изучения, нежели лингвистические единицы (фонемы, морфемы и пр.). Не удивительно, что лингвисты не понимают сложности фольклорных единиц изучения. Удивительнее другое: фольклористы зачастую самонадеянно убеждены в своем совершенном владении текстами, не прибегая к их прочтению "изнутри" и к их критике, не интересуясь предельным сбором материала на трактуемую тему.

Мало того, что фольклористы, как правило, крайне выборочно, ради иллюстрации используют тексты. Нередко мы сталкиваемся с таким объективным результатом, как случайное и ограниченное, подчас совсем скромное число фольклорных записей. Имеются в виду не какие-то заморские, экзотические страны. Даже в пределах Европы, среди славян, угропфиннов и других народов тексты записывались частенько стихийно, т.е. произвольно. А малое число записей в пределах взятой этнической традиции затрудняет их оценку во многих отношениях, в частности, не позволяет судить об ареале фольклорного явления, о его эволюции (изменчивости). Иногда, правда, удается сделать генетическую привязку путем привлечения материала родственных народов, но уверенности в этом за скучностью сведений нет.

Фольклористы располагают незначительным набором указателей (каталогов), в основном по народной прозе, и, похоже, не озабочены их редкостью. Очевидны слабости этих указателей: неполный учет материала, постоянное смешение уровней сходства, отказ от учета этнической специфики материала, отрицание эволюции (изменчивости) фольклора.

Если к этому добавить языковой барьер, ложность так называемых "художественных" переволов и недоступность многих источников, то нетрудно заключить, что серьезные генетические исследования в области фольклора теперь невозможны.

Признавая этот печальный вывод аксиомой, я тем не менее не считаю, что нужно сидеть сложа руки или топтаться на месте. Генетические исследования могут стать реальностью в результате усилий множества фольклористов, если ряд общих принципов станет естественным для их практики.

Очевидно (хотя и не для всех!), что фольклорные общности надо рассматривать по языковому признаку, т.е. по признаку этнического родства. Фольклорные общности нельзя смешивать, о чем мне уже доводилось писать. Не этническая всеядность, не желание блеснуть эрудицией, а строгое и четкое этническо-языковое различие сходного фольклорного материала должно быть основой практики.

Пример: Верования в змея распространены по всему миру, хотя и не везде с одинаковой интенсивностью. При их рассмотрении нетрудно пренебречь различиями ради каких-то мелких, сегодняшних сопротивлений. Между тем образ змея многогранен и многозначен даже в пределах славянского мира. Значительно труднее учесть различия в сходных верованиях, сделать их эволюционной цепочкой, качественно соотнести их во времени и в пространстве, но зато — это и есть настоящий путь исследования.

Предельный набор фольклорных фактов должен быть основой для сопоставления. В эффективности этого убеждаешься только тогда, когда удается создать "сыревую базу". По славянам, в особенности по восточным славянам, мне это удалось в известной степени, а это открывает возможности для последовательного, столь же широкого сопоставления славянского материала с не-славянским. Нужны партнеры, ибо, как мудро заметил некий философ, в одиночку нельзя обять необъятное. Первые пробные опыты такого сопоставления (с литовским, восточнонорманским) впрочем уже проводились. В ходе этих опытов еще яснее стала необходимость сравнения материала по эволюционным (временным) качествам.

И, конечно, очень острой вдруг стала проблема сопоставления фольклоров в виде неких систем, а не просто предельных наборов. Если представить себе фольклор как стереотипы народного мышления, то получаемая система фольклорных стереотипов на том или ином отрезке истории окажется системой мышления соответствующего времени.

ДВА ЗАМЕЧАНИЯ К СЛОВАРЮ В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧА

1. Во втором томе Словаря Иллич-Свитыча (см. № 263) дана реконструкция ностратического *LaHm(u)* ‘болото’: вероятно, возможны и другие близкие значения. Афро-азиатского материала для этой этимологии не приведено. Между тем, можно указать, по крайней мере, на одно соответствие в семитских языках: в аккадском существует корень *lbt*, от которого образовано немало слов.

а). *luḥumtu* (*luḥātu*, *laḥtu*) ‘грязь, ил, тина’. Из акк. слово было заимствовано в шум. (CAD L 239–240) ¹.

б). *liḥtu* ‘вода, смешанная с грязью’. Чикагский словарь отсылает к древнему тексту, в котором акк. *li-iḥ-tu* приравнено к хетт. *i-šu-wa-ni-it wa-a-tar* (CAD L 184).

в). Вероятно, к этому же корню надо отнести *laḥātu* (В) ‘приготавливать пиво’ (CAD L 38) и *lētu* (*le*ṭtu*, *le*ṭātu*, *leḥētu*, *laḥātu*) ‘принимать пищу, пить воду’, ‘размягчать (во рту)’ (CAD L 127).

г). Быть может, сюда же можно отнести *laḥātu* (А) ‘обрастать волосами’ (CAD L 38) и *laḥītu*, *laḥītu* ‘волосатый, косматый’ (CAD L 41). Мы допускаем возможность расширения значения: ‘ил/тина → трава → волосы’. Связь между ними вполне вероятна: см. ст.-вав. заклинание: *erṣetum ulid lu-ḥa-ma lu-ḥa-mu-ú ulid išinna* ‘земля породила ил, ил породил стебель’ (JNES 14, 15: 2ff).

Особо следует отметить акк. *d̄laḥtu* (*d̄laḥātu*). В текстах II—I тыс. до н. э. эти слова сопровождаются детерминативом бога и означают каких-то чудовищ-змей, обитающих в морской пучине и связанных с богом За. Изображения этих монстров служили оберегами (CAD L 41–42). Возможно, однако, что за персонификацией кроется архаический, уже забытый первоначальный смысл. В начале космогонической поэмы II тыс. до н. э. Еп̄тма elis читаем: “Когда наверху небо названо не было, Внизу не имела имени твердь, Алу изначальный, отец их, (и) Мать Тиамат, породившая всех их, Воды свои воедино мешали, Не сплетена была (еще) хижина, и тростников не видно было. Когда из богов никто не был явлен, Имена не называны, не суждены судьбы, (тогда) Среди них были созданы боги: Лахму (и) Лахаму явлены были, названы именем. Прежде, чем стали большими, высокими, Аншар (и) Кишар были созданы . . .”

Исходя из предложенных Т. Якобсеном принципов толкования шумеро-аккадских религиозно-мифологических образов ², отрывок можно было бы интерпретировать следующим образом. Пресные (Апсу) и морские воды (Тиамат) смешиваются, больше ничего нет, даже тростников. Но вот показались илистые отмели (Лахму-Лахаму), затем горизонт — “Круг небесный”, “Круг земной” и т. д. Картина весьма напоминает процесс, происходивший в Персидском заливе на глазах древних обитателей Месопотамии. Возможно, что наблюдения над ним повлияли на их космогенные метафоры и представления.

¹ The Assyrian Dictionary, vol. 9 (L), Chicago, 1973.

² Th. Jacobsen, The Treasures of Darkness. A History of Mesopotamian Religion, New Haven — London, 1976 стр 6–9, 168, примечан. 332.

Возможно, это толкование слишком прямолинейно, но какая-то доля истины тут, может быть, и есть.

2. Словарь (см. № 153) для общебореального предполагает формант сравнительной степени . Совпадение и.-е. *-de/os- || *-is- с картв. -eis₁, по-видимому, внешнее. Если в и.-е. форманте, подобно картв., и можно выделить показатель генетива -s, то это не более, чем типологическая параллель. Во всяком случае, такого чисто внешнего сходства, причем лишь в двух из шести семей, явно недостаточно для выведения общебореальной праграммы, что яствует даже из слов самого В. М. Иллич-Свитыча: "существенно, что аффикс gen. *s^λ (в и.-е. все же *s(λ): Л. П.) ... представлен только в картв. и и.-е. "Действительно, такие образования возможны лишь в позднюю эпоху развитой системы флексий, чего не наблюдаем ни в и.-е., ни в картв. пражзыках (в и.-е. формант генетива *-s совпал с формантом номинатива, а в картв. -s₁ (не -is₁ и, тем более – не -eis₁!) еще играл роль послелога). Картв. тип *hu- - e - - is₁ возводим к более раннему *hu- - e³, а -is₁, как признает и сам В. М. Иллич-Свитыч – признак генетива⁴. Следовательно, наряду с образованиями *hu- - e - is₁, относившимися к единственному числу, возможны были и образования *hu- - e - ta (не засвидетельствованы), относившиеся ко множественному числу. Последние не могут иметь и не имеют никакой аналогии в и.-е., так что реконструкция общебореального форманта сравнительной степени *j^λ- (s^λ) оказывается маловероятной.

³ Этот тип сохранен в древнегрузинских текстах.

⁴ О происхождении картв. форманта сравнительной степени см. А. Щанидзе. Показатель лица у склоняемых слов в картвельских языках. – "Труды Тифлисского Государственного университета", I, 1936, стр. 333–340; К. Дондуа. К генезису форм сравнительно-превосходной степени в картвельских языках. – "Труды Института языка и мышления им. Н. Я. Марра", 9, 1940, стр. 29–38; Г. Мачавариани. К генезису форм сравнительной степени в картвельских языках. – "Труды Тбилисского Государственного университета", 71, 1958, стр. 119–131.

СЛАВЯНСКИЙ МАТЕРИАЛ В "НОСТРАТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ"
В.М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧА

Ввиду отсутствия в книге В.М. Иллич-Свитыча "Опыт сравнения ностратических языков" (т. I 1971, т. II 1976) указателей по языковым группам низшего порядка, очевидна польза от вычленения славянского материала, представленного не только в разделе и.-е. языков. Возможно, славянский материал в книге В.М. Иллич-Свитыча наиболее интересен, поскольку проникновение в него автора словаря, слависта по образованию, было особенно глубоким. Славянский материал представлен в Словаре на уровне реконструкций (praslawian. формы) и зафиксированных форм – чаще всего ст.-слав. и рус. Нередко отдается предпочтение сербохорват. языку, благодаря отражению в нем древнего акцентного облика слова.

Вошедший в "Ностратический словарь" славянский материал интересен не только как иллюстрация древнейших (ностратических) фактов в славянских языках. Широкий фон, на котором он представлен (наряду с другими, неиндоевропейскими группами языков, в Сл. нередко предлагается новый уровень и.-е. реконструкций), дает возможность внести некоторые корректизы в славянские этимологии относительно вопросов о заимствовании из неиндоевропейских языков (см., например *бурый* – № 18) и особенно об исходной семантике (вообще В.М. Иллич-Свитыч уделял большое внимание семантическим разработкам).

Так, например, в Сл. устанавливается исходное значение для славян. **kotъ*, **kotъсъ* (№ 192) – 'плетеная постройка, сооружение' на новом славян. материале и на фоне ностр. сопоставлений (ср. Фасмер II, 351–352, где отвергается ряд сомнительных этимологий и не предлагается ничего взамен).

В Сл. показано, что вост.-слав. *бу́ръ* 'небольшая возвышенность, насыпь' (восходящее к и.-е. **bheugh* 'сгибать', ностр. *bīča* 'сгибать, согнутый') (№ 25) отражает балто-славян. развитие семантики 'сгибать' → 'возвышение'. Однако и в славян. языках можно найти следы исконного значения: рус. диал. *biťъ* 'сгибать' (приводимое лишь в словаре Н.М. Шанского и не упомянутое в этимологическом словаре славянских языков О.Н. Трубачева и праславянском словаре Ф. Славского). Возможно, имея в виду исходную семантику, легче понять изолированное укр. *бу́рор* 'сильный ветер' (м.б., 'сгибающий деревья, травы' – Р.Б?), приводимое в словаре О.Н. Трубачева.

Внешнее сопоставление на ностр. уровне (с.-х. ~ и.-е. ~ драв. ~ алт.) обнаруживает древность значения 'брать' у глагола *berg*, *b̥rati* (< и.-е. **bher-* 'брать, приносить, нести') (№ 8), которое до сих пор считалось в славян. инновацией, а исходным – 'нести'.

В.М. Иллич-Свитыч подтвердил общность происхождения *туба* I 'рот' и *туба* II 'губка, гриб', предложенную М. Фасмером (I, 468), показав семантическую эволюцию в и.-е. *gemb-* 'мягкий нарост' → 'гриб, губа и под.', слав. **gǫba* 'гриб' и 'губа' (№ 158).

Новую интерпретацию в Сл. получило *ю́до* (рус.), *юда* (болг.) (№ 327). При ограниченности славян. материала основательную поддержку данная этимология нашла на ностр. уровне: славян. 'сказочное существо – воплощение вихря' (< и.-е. *jeudh* 'быстро двигаться, сражаться', ностр. 'быстро двигаться'). (ср. Фасмер IV, 528: "По-видимому, всего лишь рифмованное образование по образцу *чудо*")

Славянский материал привлекается В. М. Илич-Свитычем также для типологических параллелей определенных семантических преобразований, тогда его можно найти не только в разделе и.-е. языков. Например, в семит. языках корень **ḥyw* имеет значение 'жить', в др.-египет. тот же корень *ḥw* – со значением 'пища' – аналогичный семантический переход виден в славян. *жить* и *жир* (№ 101); другая параллель: урал. (мансицк.) *a wl*, *ðwl* 'начало, конец' и славян. *конец* к *-*X̥eti* 'начать' (№ 104) и т.д.

УКАЗАТЕЛЬ

славянских лексем и морфем, встречающихся в "Ностратическом словаре" В.М.Илич-Свитыча*

al'pi (ст.-слав.) № 135	бúрый (рус.) № 18
[<i>-b-</i>], суфф. в названиях животных № 27	*bъrati № 334
бегу́ (рус.) № 15	bъvje (ст.-слав.) № 19
бедро́ (рус.) № 341	by-ль см. [-ль-]
bèdro (сербохорват.) № 341	byti (ст.-слав.) № 19
*berfgъ № 9	vátra (укр. диал.) № 343
beri см. [-i-]	*vâtra № 343
berg (ст.-слав.) № 8	vâtra (сербохорват.) № 343
blafo (ст.-слав.) № 336	velijъ (ст.-слав.) № 350
блóхá (рус.) № 338	великий (рус.) № 350
*vъlxha № 338	veljmi (ст.-слав.) № 350
błedq (ст.-слав.) № 20	*verti № 26
болото (рус.) № 336	vlijam (болг.) № 116 стр. 254
*bołto № 336	vлькъ, vльci см. [*-i-]
болéть (рус.) № 1	*vol'sz № 228 стр. 352
боль (рус.) № 1	vonja (ст.-слав.) № 125, см. oxati
*bol-jiis см. [-jiis-]	vys-o къ, vyše (ст.-сл.) (см. № 153)
bđlji (сербохорват.) № 7	vъlka (ст.-слав.) (см. № 59)
болóто (рус.) № 336	*vy (см. 289)
*bołto № 336	vě (ст.-слав.) (см. № 289)
bołjь (ст.-слав.) см. [*-jiis-]	gajati (др.-рус.) № 164
bołša (ст.-слав.) см. [*-jiis-]	gasiti (ст.-сл.) № 185
bolěti (ст.-слав.) № 1	gásiti (сербохорват.) № 185
borjø sę (ст.-слав.) № 21	glava (ст.-слав.) № 94
borъ, sъ-borъ № 122, (см. № 334)	gláva (сербохорват.) № 94
brég (сербохорват.) № 9	glädak (сербохорват.) № 84
брóуйт (рус. диал.) № 24	gl a d-ьkъ (ст.-слав.) № 84
bréggъ (ст.-слав.) № 9	göb, göla gen. (сербохорват.) № 156
бугóр (рус.) № 25	goic (польск.) № 168
bъra (сербохорват.) № 23	*golva см. № 156
burgja (ст.-слав.) № 23	*golъ (ст.-слав.) № 156
bury (польск.) № 18	голый (рус.) № 156 стр. 289

* Под звездочкой даются реконструированные формы (т.е. праславян.), в остальных случаях в скобках указано –из какого языка данная форма, затем идет номер ностратической этимологии. Курсивом даны примеры, иллюстрирующие семантические параллели. В квадратные скобки заключены морфемы, специально не названные в славянском, но содержащиеся в приводимых примерах. После № этимологии указываются стр. в том случае, если данный пример находится не в разделе и.-е. языков.

gol g-b-ъ (ст.-слав.) см. [-b-]
gòreti (сербохорват.) № 95
goréti (ст.-слав.) № 95
гоя (болгар.) № 168
grána (сербохорват.) № 78
грашь (рус.) № 78
grlo (сербохорват.) № 91
*gréti № 71 стр. 221
губа (укр.) № 158
gúba (сербохорват.) № 158
gúba (сербохорват.) № 158
[so-] gubъ (ст.-слав.) № 158
гъба (болгар.) № 158
gъbežъ (ст.-слав.) № 92
göba (ст.-слав.) № 158
*göba № 158
houba (чеш.) № 158
húba (ст.-чеш.) № 158
*da № 60
daviti (ст.-слав.) № 76
dad-i-mъ (ст.-слав.) см. [-i-]
*dvigneti № 116
двинуть (рус.) № 116
джуна (болгар. диал.) см. жуна
dúga (сербохорват.) № 63
думам (болгар.) № 89 стр. 234; № 281;
№ 311 стр. 77
dúti (сербохорват.) № 64
*duxo № 125 стр. 261
душам (болгар.) № 125 стр. 261
*dyšati № 125 стр. 261
děti (ст.-слав.) № 75
*ě № 111
*ěd-mi № 136
жар (рус. диал.) № 95
zâr (сербохорват.) № 95
žváti (ст.-чеш.) № 160
*že № 201
žena (ст.-слав.) № 178
žeráv (сербохорват.) № 159
živъ (ст.-слав.) № 168
žije (ст.-чеш.) см. žváti
жир, жимъ (рус.) № 101 стр. 242
žiti (ст.-слав.) № 168
жменя (укр.) № 157
žrëti (ст.-слав.) № 91
žuju (ст.-слав.) см. žvati
*žuij см. *žvati
жуна (болгар. диал.) № 160
жупа (укр. диал.) № 87

župište (ст.-слав.) № 87
*žbvatи № 160
žbvatи (ст.-слав.) № 160
žbmg (ст.-слав.) см. žeti
žeti (ст.-слав.) № 157
заноза (рус.) № 334
žáova (сербохорват.) № 162
zarja (ст.-слав.) № 82
zvérъ (ст.-слав.) № 93
зелёный (рус.) № 84
zemlja (ст.-слав.) № 69
znati (ст.-слав.) № 163
золá (рус.) № 84
zorja (ст.-слав.) № 82
*zorja см. *zvreti
zmo (сербохорват.) № 165
*zly, zlyve gen. № 162
zlyva (церк.-слав.) № 162
zlyčti (ст.-слав.) № 165
*zvreti № 145 стр. 280
[*-i-]суфф. опт. № 149
i-že (ст.-слав.) № 142
imež (ст.-слав.) № 317
iti (ст.-слав.) № 130
[*-jis-], суфф. сравнит. степени № 153
*jo № 142
ja-žе (ст.-слав.) № 142
jamъ (ст.-слав.) № 136
jar (польск.) № 318
jár (словен., сербохорват.) № 318
jara (рус. церк.-слав.) № 318
jaro (чеш.) № 318
jarý (чеш.) № 318
jarž (польск.) № 318
jarb (др.-рус.) № 318
jásen (сербохорват.) № 117
[po-]jasъ (ст.-слав.) № 143
je-že (ст.-слав.) № 142
jilenъ (ст.-слав.) № 135
žesmъ (ст.-слав.) № 132
judzić (польск.) № 327
jg (ст.-слав.) № 134
[*-k-], суфф. demin. № 189
-ka (рус.) № 206
kak (рус.) № 232 стр. 355
квапитися (укр.) № 240
-ко (рус.) № 206
[po-]kojь (ст.-слав.) № 233, см. [po-]čiti
kolo, kolese gen. (ст.-слав.) № 202
конец (рус.) № 104 стр. 244

- kopъ (ст.-слав.) № 210
 kopati (ст.-слав.) № 193
 *kopati № 222
 k'opito (сербохорват.) № 222
 kopyto (ст.-слав.) № 222
 *kopyto № 222
 korъje (ст.-слав.) № 193
 korá (рус.) № 217
 kosa (ст.-слав.) № 196
 kôst (сербохорват.) № 219
 kostь (ст.-слав.) № 219
 kotý (рус. диал.) № 192
 kótar (сербохорват.) № 192
 kótac (сербохорват.) № 192
 kotec (чеш.) № 192
 *kotý № 192
 kótetsъ (церк.-слав.) № 192
 *kótetsъ № 192
 koш (рус. диал.) № 241
 kóš (сербохорват.) № 241
 košъ (ст.-слав.) № 241
 kratikъ (ст.-слав.) № 244
 *krivъ № 49
 krivý (болг.) № 49
 *kr-spo- см. ётъль
 krъvъ (ст.-слав.) № 237
 kry (польск.) № 237
 kûp (сербохорват.) № 243
 kupъ (ст.-слав.) № 243
 *kъas-ю № 241
 kъto (ст.-слав.) № 232
 kyréti (ст.-слав.) № 240
 *kɔpati № 304
 *lob-ikɔp-nqti 304
 lado, lada pl. (чеш.) № 264
 лакать (рус.) № 247
 лам (болгар. диал.) № 263
 lani (ст.-слав.) 'олень' № 135
 lani (ст.-слав.) 'в прошлом году' № 137
 лань (рус.) № 135
 лана (рус.) № 256
 ledina (сербохорват.) № 264
 ležati (ст.-слав.) см. ležq
 ležq (ст.-слав.) № 271
 lémati (сербохорват.) № 254
 ljubiti (ст.-слав.) № 269
 ljubъ (ст.-слав.) № 269
 lijati (ст.-слав.) № 267
 lijq (ст.-слав.) см. litij
 línjati (сербохорват.) № 258
- lðkati (сербохорват.) № 247
 'lomiti, (ст.-слав.) № 254
 лони́сь (рус. диал.) № 137
 лопата (болгар.) № 256
 lopata (ст.-слав.) № 256
 лоску́т (рус.) № 249
 лош (болгар.) № 249
 loš (сербохорват.) № 249
 lub (рус.) № 268
 лупить (рус.) № 268
 лузгá (рус. диал.) № 266
 лустá (рус. диал.) № 266
 [-ль]суфф. прич. № 253
 [pri-]lъrëti (ст.-слав.) № 252
 lyko см. № 270
- лыса́ корова (рус. диал.) № 156 стр. 289
 lědo (ниж.-лузицк.) № 264
 lějq (ст.-слав.) см. lijati
 [pri-]lěpiti (ст.-слав.) № 252
 лядá (рус. диал.) № 264
 lgkъ (ст.-слав.) № 260
 lgčiti (ст.-слав.) № 260
 *lědo № 264
 ležo (ст.-слав.) см. ležq
 [sъ-]ležq (ст.-слав.) № 260
 *mazati № 252 стр. 19
 мазни (македон.) № 252 стр. 19
 мара́ть (рус.) № 288
 materjь (ст.-слав.) № 150
 mene (ст.-слав.) № 299
 мерёжа (рус.) № 309
 mēso (сербохорват.) № 114
 mètilj (сербохорват.) № 312
 metýlj (словен.) № 312
 *metýljь № 312
 mi (сербохорват.) № 289
 mítí (сербохорват.) № 298
 mjetyl (верх.-лузицк.) № 312
 mláz (сербохорват.) № 291
 mléti (сербохорват.) № 302
 mléti (ст.-слав.) № 302
 мног (рус.) № 280
 moléti (словен.) № 286
 (iz-)moliti (сербохорват.) № 286
 *mon-g-io № 292 см. možbъ
 moratý (чеш.) № 288
 morje (ст.-слав.) № 294
 мороква (укр.) № 294
 motyl (польск.) № 312
 motýl (чеш., слвцк.) № 312

- motyљ см. *metyљ
 mїva (сербохорват.) № 310
 mrѣža (сербохорват.) № 309
 mrѣža (ст.-слав.) № 293
 mréti (ст.-слав.) № 293
 *mûd-sl-i № 311
мужик (рус.) № 191 стр. 315
 mûzem (сербохорват.) № 291
 mûsti (сербохорват.) см. mûzem
 mylzu (рус.-церк.-слав.) № 291
 mynogъ (ст.-слав.) № 280
 mynëti (ст.-слав.) № 281
 myro (ст.-слав.) см. mréti
 my (ст.-слав.) № 289
 myslъ (ст.-слав.) № 311
 myti (ст.-слав.) № 298
 myšь-ka (ст.-слав.) см. [*-k-]
 *modo, *modë dual. № 305
 *možъ № 292
 mëso (ст.-слав.) № 114
 mëti (ст.-слав.) № 295
 [pa-] mëtъ (ст.-слав.) № 281
 na-, косв. пад. от my № 289
 nazóla (рус. диал.) № 83
 næcët (сербохорват.) см. næcëti
 næcëti (сербохорват.) № 210, см. [za-] čëti
 nes-ly (ст.-слав.) см. [-ly]
 низать (рус.) № 334
 *nožъ № 334
 norov (рус.) № 331
 nračv (ст.-слав.) № 331
 nyne (ст.-слав.) № 335
 [vъ-]nþziti (ст.-слав.) № 334
 ovъ (ст.-слав.) № 121
 ognъ (ст.-слав.) № 106
 oko (ст.-слав.) № 118
 okunyťsya (рус.) № 304
 *ol-en № 135
 олень (рус.) № 135
 opъ (ст.-слав.) № 332, № 121
 oriti (ст.-слав.) № 107
 *ork-uta № 97
 ostryj (рус.) № 113
 ostrvъ (ст.-слав.) № 113
 nest (рус.) № 12
 plaž (ст.-слав.) № 337
 plašiti (ст.-слав.) № 337
 pojás (сербохорват.) см. po-jasъ
 porok (рус.) № 339
- рѣtišť (ст.-слав.) № 151
 разорить (рус.) см. oriti
 râkita (сербохорват.) № 97
 ris (сербохорват.) № 270
 рокита (укр.) № 97
 *ryсь № 270
 rysъ (ст.-слав.) № 270
 rysy (верх.-лужицк.) № 270
 rysý (чеш.) № 270
 *svôrka см. *sôrka
 серён (рус. диал.) № 230
 sijati (ст.-слав.) № 37
 skala (ст.-слав.) № 33
 скокот (болгар.) № 46
 skopiti (ст.-слав.) № 41
 скорá (др.-рус.) № 47
 слабини (болгар.) № 249
 slana (ст.-слав.) № 208
 сланце изгree (болгар.) см. *grëti
 *sôrka № 199
 sriev (словацк.) № 230
 srëdьce (ст.-слав.) № 200
 srëbna (ст.-слав.) № 227
 steljø (ст.-слав.) см. [po-]stvlati
 stražъ (ст.-слав.) № 56
 strëzem (словен.) № 56
 strëgъ (ст.-слав.) № 56
 [po-]stvlati (ст.-слав.) № 58
 sujv (ст.-слав.) № 209
 sěnъ (ст.-слав.) № 37
 *tajv № 204
 *ter-ti см. teti
 tero (ст.-слав.) № 349
 teti (ст.-слав.) № 349
 tëmka (рус.) № 162 стр. 296
 tëmushka (рус.) № 162 стр. 296
 trzon (польск.) № 215
 хвój (рус.) № 34
 xomъ (др.-рус.) № 100 стр. 241
 hrast (сербохорват.) № 141 стр. 277
 *če № 201
 [a-]čë (ст.-чеш.) № 201
 Čelj d (сербохорват.) № 239
 čeljadъ (ст.-слав.) № 239
 čelo (ст.-слав.) № 210
 *čećetъ см. trzon
 черон (укр. диал.) № 215
 чеса́ть (рус.) № 218
 *-čëti № 104 стр. 244

[za-] četi (ст.-слав.) № 210
čio (сербохорват.) № 233
[po-] čiti (ст.-слав.) № 233
čít (словен.) № 234
čr̄vň (ст.-слав.) № 213
čr̄vo (ст.-слав.) № 214
čuti (ст.-слав.) № 43
*čyrv № 234
šteneč (ст.-слав.) № 210

*ček-отъ № 46
щекотать (рус.) № 46
щепать (рус.) № 41
-ьск-, суфф. (ст.-слав.) № 45
юда (болгар.) № 327
яра (болгар. диал.) № 318
ярий (укр.) № 318
ярка (рус.) № 318
ярь (рус., укр.) № 318
gxati (ст.-слав.) № 125

НОСТРАТИЧЕСКИЕ И АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРИ ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР
В 1972–1976 гг.

С 1972 года при Институте славяноведения и балканистики АН СССР начал работать "Семинар им. В.М. Илич-Свитыча", который объединил в своем составе группу лингвистов-компаративистов старшего поколения и ряд представителей молодежи. Все участники семинара понимали, что проблема отдаленного родства языков требует значительного развития сравнительно-исторических исследований дочерних языковых семей, а также смежных с ностратической генетических общностей. Поэтому одной из основных задач семинара было получение новой информации в области частных сравнительно-исторических грамматик данных языковых групп, причем такой информации, которая вела бы к созданию и к уточнению реконструкций и к увеличению их надежности. Такая постановка задачи жестко диктуеться ностратической теорией. Когда речь идет о многотысячелетних временных промежутках, с которыми имеет дело ностратика, помехи, накладывающиеся на генетически значимую информацию, столь велики, что ложная "стыдливость" компаративистов, обычно скрывающих, что основной задачей компаративистики является построение полных и надежных праязыковых реконструкций, становится совершенно неуместной. Действительно, какое-либо рассмотрение ностратической теории на фоне других гипотез отдаленного родства: иберийско-кавказской, австрнической, австрическо-таи-синотибетской, австро-тайской, дене-финской и подобных – бессмысленно до тех пор, пока не будет произведена проверка этих гипотез внутренними средствами, т.е. пока не будут построены достаточно полные и надежные реконструкции праязыков семей, генетическая связь которых утверждается данными гипотезами, и не будет проведено сравнение корпусов реконструированных морфем. С другой стороны, само существование столь подробно и строго аргументированной теории отдаленного родства, какой является ностратическая теория в трудах В.М. Илич-Свитыча, настоятельно требует указанного выше рассмотрения и, следовательно, скорейшего решения связанных с ним задач. При этом данная исследовательская работа должна вестись одновременно с дальнейшим развитием и уточнением ностратической теории, что требует соответствующего уточнения и повышения

надежности реконструкций дочерних языковых семей, особенно в таких пока еще отстакющих отраслях сравнительно-исторического языкознания, как афразийское и алтайское.

Изложенная постановка задачи, явно вытекающая из результатов конференции 1972 г.¹, собственно и определила естественное объединение в семинаре тех исследователей, которые видят в реконструкции пражского состояния основную цель компаративистики и которых интересует специфика материала и методов в отношении задач такой реконструкции применительно к различным группам языков. Чисто формальное распределение исследовательских задач в рамках данной проблематики приводит, как правило, к негативным результатам, а оптимальной стратегией в научно-исследовательской работе является подробный обмен информацией о полученных результатах с полным показом материала. Поэтому все обсуждаемые в семинаре материалы подвергались подробному и тщательному изучению, в ходе которого в данную проблематику свободно включались новые исследователи, а методы, апробированные на материале одних языковых семей, применялись к другим. При этом научные удачи одних участников стимулировали самостоятельный поиск других исследователей в области достаточно широкого круга проблем, что почти всегда приводило к позитивным результатам. В ходе совместной работы сложился фактически коллектив ученых, объединенных общностью научных интересов и методов, а также личными творческими отношениями. Работа семинара проходила в постоянном контакте с кафедрой структурной и прикладной лингвистики филфака МГУ, сектором языков Африки Института языкознания АН СССР, лингвистической группой Института Дальнего Востока АН СССР и т.д.

Всю работу семинара можно распределить по следующим проблемным циклам.

I. Ностратические языки и сравнительные грамматики ностратических семей. Здесь основное внимание было удалено изданию II тома "Ностратического словаря" В.М. Иллич-Свитыча: редактирование, проверка этимологий на новом, ставшем доступным в последнее время материале. Составлено 70 наиболее насыщенных материалом этимологических статей, которые войдут в III том Словаря, а также частично обработаны другие этимологии, представленные в картотеке Словаря. Ряд членов семинара вел работу по выявлению новых сближений. Была проведена серия лекций по проблеме "Ностратическая прародина" с попыткой связать археологические культуры с ранними регионами ностратических языковых семей и показать, что проекции путей их движения сходятся в районе Ближнего Востока. В рамках данной проблематики велась работа (и проводилась постоянная информация) в области реконструкции афразийского пражского языка (сравнительная фонетика чадских языков – Н.С. Панова, В.Я. Порхомовский, О.В. Столбова; сравнительная фонетика кушитских языков, афразийская сравнительная фонетика), уральского пражского языка (Е.А. Хелимский), индоевропейского пражского языка (проблемы вокализма, аблauta и акцента; результаты частично представлены в настоящем сборнике, а более полно отражены в больших статьях В.А. Дыбо, С.А. Старостина и С.Л. Николаева, подготовленных к публикации).

¹ См. "Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12–14 декабря). Предварительные материалы". М., 1972.

II. Сравнительные грамматики смежных с ностратической семью языков и семей, отношение которых к ностратической не определено.

а) Сравнительная грамматика сино-тибетских языков: консонантизм, вокализм, тоновые системы и сравнительно-исторический словарь (С.А. Старостин, И.И. Пейрос, А.Н. Головастиков). Особенno большое значение в построении сравнительной грамматики сино-тибетских языков имел новый вариант реконструкции древнетибетского (С.А. Старостин), который позволил значительно увеличить количество надежных сближений в этой группе языков (сравнит. словарь сейчас составляет 1000 корней) и приступить к реальному построению сравнительной фонетики этих языков. М.В. Софронов в обширной серии лекций познакомил членов семинара с новым, уточненным вариантом тангутской реконструкции, который обеспечивает возможность включения тангутского материала в сравнительно-историческое исследование (ср. также представленную во данном сборнике новую интерпретацию тангутского С.А. Старостиным). М.В. Софронов и С.Е. Яхонтов проводили постоянные индивидуальные консультации по вопросам сино-тибетского языкоznания для членов семинара. Успехи в области сино-тибетского языкоznания позволяют, при условии аналогичного прогресса в австро-азиатском и австронезийском языкоznании (работу в этом направлении в тесном контакте с членами семинара ведут В.И. Беликов, П.Н. Перцов, Н.К. Соколовская, см. публикуемые тезисы их докладов) получить данные для проверки указанных выше австриской, австриско-таи-синотибетской гипотез отдаленного родства и тем самым получить определенное представление о границах ностратической общности и о ее отношении к другим языковым группам.

б) Члены семинара работали над проверкой иберийско-кавказской гипотезы отдаленного родства: в частности, был построен новый, значительно уточненный вариант дагестанской праязыковой реконструкции, учитывающий обширные материалы, накопленные кафедрой структурной лингвистики филфака МГУ в результате многолетних экспедиций в Дагестан, проводимых под руководством А.Е. Кибрика. Итоги этой работы были изложены С.Л. Николаевым и С.А. Старостиным в серии лекций, включавших сравнительную фонетику и сравнительный словарь (сейчас около 1500 сближений) с полным показом сближений и обоснованием каждой словарной реконструкции. Аналогичная работа ведется по сравнительной фонетике западнокавказской группы языков (В.А. Дыбо, С.Л. Николаев, С.А. Старостин). Проведенные исследования в значительной степени подтверждают гипотезу северокавказской генетической общности и усиливают подозрение о ностратическом характере северокавказских языков.

Сотрудником кафедры структурной лингвистики филфака МГУ С.В. Кодзасовым была прочитана в рамках семинара серия лекций по фонетике дагестанских языков и выдвинут ряд важных идей, которые были использованы в работе семинара. Следует отметить, что большинство молодых членов семинара – воспитанники ОСиПла МГУ, тесным образом связанные с кафедрой структурной лингвистики, и исследовательские методы, разрабатываемые этой кафедрой, проводимая ею полевая работа имели самое непосредственное отношение к формированию их научно-исследовательской индивидуальности.

III. Типология и реконструкция просодических (акцентуационных и тональных) систем. Просодические системы – это огромный еще не учтенный или учтенный недостаточно источник генетически значимой информации. Эта информация является хорошим средством верификации этимологических

сближений внутри дочерних ностратических семейств, а в дальнейшем, по-видимому, сможет служить для верификации ностратических сравнений. Сложный характер генетических отношений между просодическими системами настоятельно диктует необходимость построения исторической типологии просодических систем, выходящей за рамки общей типологии фонологических систем, а это означает втягивание в орбиту исследования большого количества различных языковых систем с параллельным их генетическим изучением.

В семинаре проводилась работа по реконструкции прайонской тональной системы (Т.В. Старостина) и началось генетическое исследование кавказских акцентных систем. В 1972 г. была выдвинута гипотеза о тональном происхождении абхазо-убыхской акцентной системы, поставленная в типологическое отношение к аналогичной гипотезе происхождения индоевропейского ударения (В.А. Дыбо). Одновременно была предложена рабочая гипотеза тонового происхождения аварского акцента (В.А. Дыбо) и велась работа по реконструкцииprotoаварской акцентной системы (В. Назаров) и исследованию связи ее с фарингализацией гласных в дагестанских языках (значение фарингализации гласных для становления аварской акцентной системы было подтверждено и уточнено С.Л. Николаевым и С.А. Старостиным), которая на данном этапе рассматривалась как отражение прадагестанской системы тонов (В.А. Дыбо). Летняя экспедиция МГУ 1975 г. в Дагестан принесла неожиданное открытие: были обнаружены тональные системы у ряда дагестанских языков. Исследование этих систем показало их генетическое родство и прадагестанский характер, а также связь этих систем с аварской системой ударения (С.А. Старостин)². С.А. Старостиным был предложен предварительный вариант реконструкции прадагестанской системы тонов, который уточняется по мере поступления нового материала. Публикация С.В. Кодзасова и С.А. Старостина на эту тему подготовлена к печати. Затем были выявлены и подвергнуты предварительному исследованию тональные системы у большинства уральских языков (Е.А. Хелимский, С.А. Старостин, С.Л. Николаев, А.Ю. Айхенвальд, см. тезисы Е.А. Хелимского в настоящем сборнике; большая статья Е.А.Хелимского подготовлена к печати) и у ряда алтайских языков (С.Л. Николаев, И.И. Пейрос, С.А. Старостин, А.Н. Головастиков, см. сообщение И.И. Пейроса). Изучение вновь открытых тональных систем велось, в частности, путем непосредственной работы с информантами на занятиях семинара, в ходе которой не только проводилось аудитивное ознакомление всех членов семинара с открытыми тональными системами, но и устанавливались и уточнялись определенные характеристики этих систем.

В рамках общей темы "Типология и реконструкция акцентных систем" в целях информирования участников семинара о результатах изучения индоевропейских акцентных систем были прочитаны два цикла лекций – "Балто-славянская сравнительно-историческая акцентология" и "Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения", с привлечением западнокавказской акцентной системы и других акцентных систем этого типа (В.А.Дыбо). Занятия некоторых участников семинара проблемами индоевропейской акцентологии дали новые, важные для реконструкции прайондоевропейской морфо-

² Характер отношений дагестанских тональных систем с реконструированной системой западнокавказских тонов находится в процессе изучения.

логической и морфонологической систем результаты (см. сообщения С.А. Старостина и С.Л. Николаева).

Большое значение для славянской исторической акцентологии имеет ряд важнейших результатов, полученных А.А. Зализняком (частично отражены в материалах настоящей конференции).

Открытие новых тональных систем создало еще одно направление работы семинара в области индоевропейской акцентологии. Были предприняты попытки получить новую информацию по просодике слова в ряде индоевропейских языков, которые дали обнадеживающие результаты. Большой материал по бенгальским тонам был собран С.А. Старостиным, ему, по-видимому, удалось доказать связь бенгальской тоновой системы с древнеиндийским акцентом. Менее очевидны результаты исследования просодики новоиранских языков, которые, однако, позволяют предполагать наличие у ряда новоиранских языков слабых тональных контуров, являющихся наследием праарийской просодической системы.

Назрела необходимость провести в ближайшее время специальную акцентологическую конференцию с целью широкого обмена опытом изучения тональных и акцентных систем, привлечения к ним внимания исследователей и организаций и координации их изучения. Совершенно очевидно, что открытые просодические системы будут иметь неоценимое значение для реконструкции соответствующих языковых систем, значительно увеличив надежность ее.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Андреев Н. Д. (<i>Ленинград</i>). Происхождение индоевропейского аблautа	4
Баин Л. С. (<i>Москва</i>). Системы сонантов в позднеанатолийских языках	49
Беликов В. И. (<i>Москва</i>). К вопросу о субклассификации восточнополинезийских языков	6
Булатова Р. В. (<i>Москва</i>). Славянский материал в "Ностратическом словаре" В. М. Иллич-Свитыча	74
Вернер Г. К. (<i>Таганрог</i>). Вопросы эволюции общеенисийского языка в свете ностратических реконструкций	7
Вйтсо Т.-Р. (<i>Тарту</i>). Спорные проблемы уралистики, важные для ностратики	11
Воронин С. В. (<i>Ленинград</i>). Дескриптивные праформы в ностратическом этимологическом словаре (т. I) В. М. Иллич-Свитыча	69
Герценберг Л. Г. (<i>Ленинград</i>), Абдуллоходжаева К. С. (<i>Душанбе</i>). О реконструкции порядка компонентов в определительных словосочетаниях	12
Гиндлин Л. А. (<i>Москва</i>). Данные фрак. языка и и.-е. ареальная лингвистика	13
Головастиков А. Н. (<i>Москва</i>). О происхождении тона в бирманском языке	14
Дыбо В. А. (<i>Москва</i>). Западнокавказская акцентная система и проблемы ее происхождения	41
Елизаренкова Т. Я. (<i>Москва</i>). О способах выражения предшествования в ведийском глаголе	15
Зализняк А. А. (<i>Москва</i>). Акцентологическая интерпретация данных древнерусского "Мерила Праведного" XIV века	18
Иванов Вяч. Вс. (<i>Москва</i>). Миграционные термины в языках Евразии	67
Иоффе В. В. (<i>Ростов-на-Дону</i>). Гипотеза В. М. Иллич-Свитыча о происхождении формантов балтийского претерита	20
Ключков И. С. (<i>Москва</i>), Палмайтис Л. (<i>Вильнюс</i>). Два замечания к Словарю В. М. Иллич-Свитыча	72
Кодзасов С. В. (<i>Москва</i>). Ларингально-фарингальное сжатие и некоторые проблемы дагестанской реконструкции	45
Левинтон Г. А. (<i>Ленинград</i>). Из индоевропейской терминологии обмена. (К статье <i>bari</i> - в Словаре В. М. Иллич-Свитыча)	21
Мартынов В. В. (<i>Минск</i>). Ареальный аспект в компаративистике	23
Меликишвили И. Г. (<i>Тбилиси</i>). Перфект в общекартвельском и в общеиндоевропейском	24
Николаев С. Л. (<i>Москва</i>). О морфонологии древнегреческого глагольного корня	65
Николаев С. Л., Старостин С. А. (<i>Москва</i>). О парадигматических классах индоевропейских глаголов	52

Палмайтис Л. (Вильнюс). Об отношении картвельского к другим boreальным языкам	25
Панова Н. С. (Москва). Дополнения к ностратическим этимологиям по группе марги центральночадских языков (кильба, марги, бура, чибак)	56
Пейрос И. И. (Москва). О фонационных системах тюркских языков	28
Перцов П. Н. (Москва). О реконструкции правосточноокеанийского языка	46
Поленова Г. Т. (Таганрог). Енисейско-ностратические параллели в области местоименных слов	47
Силантьев А. Н. (Ставрополь). Индоевропейский и адыгейский эргатив	30
Смирнов В. И. (Москва). Ностратические исследования и фольклор	70
Соколовская Н. К. (Москва). К вопросу о реконструкции несмычных тер- миналей протовьетнамского языка	54
Софронов М. В. (Москва). Семантическая структура тангутской письмен- ности	60
Старостин С. А. (Москва). О системе финалей тангутского языка	62
Столбова О. В. (Москва). Материалы к сравнительной фонетике афразий- ских языков (западночадские реконструкции)	64
Терентьев В. А. (Москва). Ностратические этимологии	32
Топоров В. Н. (Москва). Из сравнительно-исторической фонетики ени- сейских языков: к реконструкции общеенисейского консонан- тизма (предварительное сообщение)	32
Топоров В. Н. (Москва). Парадоксы заимствований в сравнительно-истори- ческой перспективе	35
Фатнева В. Д. (Томск). Слово "круг" и его лексические связи	37
Хелимский Е. А. (Москва). К описанию и диахроническому изучению пермских тональных систем	38
Цинциус В. И. (Ленинград). О конвергенции согласных в алтайских языках	39
Яхонтов С. Е. (Ленинград). В защиту австро-тайской гипотезы	50
Ностратические и акцентологические исследования при Институте славяноведения и balkанистики АН СССР	79

НОСТРАТИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ И
НОСТРАТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
Тезисы докладов

Книга издана офсетным способом

Подписано в печать 14/II-1977. А-09430. Формат 60×90 1/16
Печ. л. 5,5 Уч.-изд. л. 5,4 Тираж 400 экз.
Бумага офсетная № 2 . Цена 54 коп. Тип. зак. 44
Офсетное производство 3-й типографии
издательства "Наука"
Москва, К-45, ул. Жданова, 12/1.

